

ВРЕМЯ *SUPER* ГЕРОЕВ

АЛЕКСАНДАР ПРОСТ

СМЕРТЬ
ЦВЕТА БЕЙСИК

2039 год. Россия проиграла ядерную войну и уже четырнадцать лет оккупирована войсками НАТО. Москва уничтожена, столица марионеточного правительства перенесена в Санкт-Петербург. Главная военная сила оккупантов — киберпехота, дроны, боевые машины, управляемые операторами за много тысяч километров. Бойцы Сопротивления продолжают неравную борьбу. Кажется, будто вражеская киберпехота находится в полной безопасности. Но это — война, и у нее свои правила. От ее кошмара не защитит ни успех, ни здравый смысл, ни осторожность, ни даже Атлантический океан.

Александр Прост

Смерть цвета бейсик

В наших жилах трехцветная кровь

Борис Беркович

Мы не знаем, что такое жизнь, — где уж нам говорить о смерти.

Кун Цю

Монитор заполняли оттенки серого. Низкое светло-серое небо висело над пологими холмами, покрытыми ноздреватым и сероватым снегом. Дорога, разбитая в кашу, извивалась темно-серой, почти черной змеей. Вышки, купол ангара, коробки складов, мастерской и генератора, серый бетон и серая сталь, укрытые снегом кровли, почти слились с пейзажем.

Под прямым углом дорогу пересекал выглянувший уже из снега газопровод. Именно его и прокинутую рядом линию связи защищала цепочка блокпостов, протянувшаяся до самой границы. Блокпост В2 примыкал к длинному строению с выбитыми окнами и провалившейся кровлей — единственной постройке на много миль вокруг. Дом и блокпост окружала старая стена из стандартных блоков, применявшихся повсюду в этой стране, обожавшей крепкие заборы. Стену вдоль дороги частично разобрали, и секции забора теперь с двух сторон почти упирались в модули блокпоста. Освободившимися плитами защитили опоры охранных вышек. Ворота бросили тут же, оттащив только через дорогу. Последние недели они все больше выступали острым углом над постепенно оседавшим снегом.

Первые недели службы, когда Айвена занимали еще такие вещи, он расспрашивал сослуживцев об этом здании и познакомился с несколькими несовместимыми версиями. По одной, до войны тут размещалась часть ПВО, по другой — база окружных дорожников. Конопатая девчушка из взвода Альфа категорически стояла на невозможном, будто это коровник — с частыми небольшими окнами и посреди ледяной пустыни. Большинство считало, что блокпост использует для топлива старые подземные резервуары, но даже это было не наверняка.

Блокпост В2 принадлежал к самым безжизненным и бессмысленным местам в зоне ответственности батальона, состоявшей исключительно из мест бессмысленных и безжизненных. За первые полтора часа вахты они пропустили только дряхлый пикап, мопед и пустой грузовик. Айвен изнывал от тоски, почти физически чувствуя, как тупеет. Ему предстояло еще два часа на В2, а после обеда и до конца дня патрулировать посадочную глиссаду аэропорта милях в пятистах отсюда. Несколько вспышек войны превратили большую часть кварталов, окружавших аэропорт, в груды развалин. Немногие уцелевшие здания расселили и забрали под нужды экспедиционного корпуса много лет назад. Теперь там была закрытая зона, охраняемая по периметру паровозами. Местные, разумеется, малонадежны в любом деле, но, кроме них, все было напшиговано автоматикой, почти исключавшей несанкционированное проникновение. Ну, а сумей ушаны провести электронику, никакой патруль не отыскал бы их в лабиринте обгорелых зданий, поваленных деревьев, груд битого кирпича, молодых деревьев и кустарника, проросших за годы в самых неожиданных местах. Реальная деятельность патруля киберпехоты исчерпывалась редкими задержаниями аборигенов, охотившихся в развалинах на медный кабель и арматуру. Пойманных передавали в воспитательных целях паровозам, и даже туземцы почти уяснили со временем, что туда лучше не соваться.

Айвена полукругом окружал экран, разделенный на полсотни сегментов. Он предпочитал асимметричные настройки с сегментами разных размеров, выводя по центру крупные и нужные картинки, задвигая редко используемые на меньшие и крайние. В операционной области, чуть ниже уровня глаз, заморгали три зеленые галки командира отделения.

— Говорит Штиблет. Примите у Сметаны. Бобер с девятого по двенадцатый, — бубнил в наушниках тусклый голос сержанта. — Король, с тринадцатого по шестнадцатый.

— Бобер, — ответил Айвен, — Принял у Сметаны с девятого по двенадцатый.

— Король. Принял у Сметаны диапазон один три один шесть.

Сметана, мордатый дядька основательно за тридцать, запыхтел в проходе. Обычно он наголо сбрасывал редкие рыжеватые волосы, но сейчас щетинка точно обозначала контуры лысины. Форма плотно обтягивала складки и обвислости — Сметана изрядно прибавил в последнее время.

— Кофе?

— Угу, — кивнул Айвен.

Десяткой была подвешена «летка» (сверхлегкий летающий разведывательный дрон СА1426, если официально), поставленная над блокпостом в эллипсоидную автоциркуляцию. Летка и без того занимала у Айвена сегмент посередине сверху, так что он только проверил заряд (Сметана — тот еще разгильдяй). Дрон висел на 800, высокогато, в общем-то, но менять было лень, не очень корректно, да и незачем. Висевший на девятке 120-мм миномет Айвен сразу задвинул в правый верхний угол — едва ли он вообще использовался последние годы, кроме контрольных отстрелов на ежегодных поверках.

Двенадцатый — «капа», крупнокалиберный пулемет, установленный на вышке, был подвешен у Сметаны к собственной Айвена программке, через неравные промежутки времени водившей стволом вдоль дороги, случайно выбирая интервалы между 20 и 40 секундами. На вышке стоял только боевой модуль без ходовой, стандартной платформы, общей для всех основных боевых дронов. Лет пять назад кто-то в корпусе придумал оборудовать так стационарные огневые точки, в первую очередь, конечно, капами, снайперами, «максами» и «плевалками», шестиствольными пулеметами. Более чем разумная идея, учитывая множество ходовых, терявшихся в этой стране, наштигованной минами, как буженина — чесноком. Производители дронов поначалу противились, строили козни, но в конечном счете смирились.

Одиннадцатую, «пешку», Айвен вывесил на второй сегмент, рядом с операционным дисплеем, куда была выведена его собственная пешка. Удобно расположив мониторы слежения, Айвен немного сжал картинку, чтобы меньше вертеть головой, словно зритель теннисного матча. Заняться снова стало нечем, все возможные развлечения ограничивались возможностью посмотреть направо или посмотреть налево. Обзор вперед закрывал собственный монитор, а назад — задник монитора Клоуна.

Справа, через проход, туго заполняла кресло Пташка: заплывшая бабища средних лет, судя по виду и акценту, родом откуда-то из Индии, или Пакистана, или, скажем, Бангладеш. Не то чтобы Айвен много понимал в подобных вещах, но так он решил за сотни тоскливых часов, проведенных рядом с ее сопящей тушей. Лишнего в ней было так много, что каждое путешествие в туалет превращалось для Пташки в тягостное приключение. «Как только ее от себя не тошнит?» — часто думал девятнадцатилетний, пружинистый и легкий Айвен.

Пташка почувствовала взгляд и вопросительно кивнула. Он отрицательно качнул

головой, показал ладонь, дескать, не беспокойся, и отвернулся к стеклянной стене слева.

На мониторах приближался вечер, а тут не до конца рассеялся туман, и река еще тонула в утренней дымке. Первое время Айвена волновал каким-то освежающим шоком мгновенный контраст. Мир снега, грязи, выбитых окон, грязных и ржавых рыдванов, держащихся на проволоках, огромных дорожных ям, мусорных куч, раздутых трупов животных, а то и людей, менялся на зелень постриженных газонов, аккуратную разметку дорожек, зеленые квадраты экопарковок, казавшиеся из окна идеально ровными, с ничем не примечательными, но довольно чистыми машинами. Теперь надоело и это.

Место у окна досталось Айвену сложно, в ход шли интриги, оказанные услуги и признательность начальства. Программирование дронов не требовало особенных талантов, все обучение отняло у Айвена часа два, включая чтение инструкции и составление первой программы. Несмотря на это, он неожиданно для себя прослыл в батальоне гением, удостоился похвалы Подполковника и написал за последние полгода по просьбе и по приказу не меньше сотни программ, неплохо набив руку.

Последнюю пару недель Айвен всерьез подумывал попроситься на старое место между Сметаной и Кучером. С ними, по крайней мере, можно переброситься взглядом, жестом, даже парой слов, а с Пташкой ничего подобного даже представить невозможно. С Кучером, веселым пуэртиориканцем почти его лет, у Айвена даже сложилось что-то вроде дружбы.

Лейтенант постучал его по плечу и ткнул пальцем в мониторы. Длинный, нескладный и тощий, с нелепой щеточкой полуседых усов, безнадежно и навсегда засидевшийся в лейтенантах, он обладал, кажется, единственным даром: бесшумно подкрасться в самый неподходящий момент. Лейтенант пользовался позывным Добряк, но за глаза был известен как Штырь.

Айвен кивнул, бесшумно показал губами «виноват, сэр» и вернулся к безжизненным мониторам. «И зачем я шипел. Почему бы не сказать того же вслух?»

Насколько хватало обзора летки, к блокпосту шла единственная машина. Огромный древний пикап петлял между ямами, но все равно то и дело проваливался, поднимая черные фонтаны воды. Дома содержание такого монстра обошлось бы недешево, но в этих краях самоварная горючка шла почти даром, как и ремонт у местных умельцев. Айвен приблизил машину до максимума — спереди тряслась пара, задний диван было не разглядеть.

— Внимание! Пикап мерседес. Приближается с северо-северо-запада. Прибытие: плюс 220 секунд. В машине минимум двое, продолжаю наблюдение, — объявил Король тревожным голосом. Он всегда вел себя так, словно герой кинобоевика за минуту до кульминации.

Любой другой на его месте ограничился бы ленивым: «пикап сверху», может, добавил бы еще «два плюс внутри». Секунды до прибытия и так выводились всем на мониторы.

Странный парень был этот Король. Высокий, черный, спортивный. Он утверждал, будто пробегает пять миль каждое утро, а качалку посещает не менее трех раз в неделю, и, судя по виду, не врал. Постоянно какой-то отутюженный, чуть не единственный в батальоне, включая офицеров, носил на службу тяжелые форменные башмаки вместо кроссовок, хотя никто этого не требовал. Выглядел Король всегда так, словно именно сегодня ему предстоит получать от президента медаль, или патриотически наставлять ребятишек в школе, или пожертвовать жизнь за Родину, а не отсидеть восемь часов в анатомическом кресле, рискуя разве подавиться крекером или получить вычет за опоздание. В общем, такой крепкий свежий парень, похожий, в отличие от прочих, на настоящего рейнджера.

Пикап медленно приближался к В2. Сосредоточенный дед, вцепившийся в руль, подпрыгивал на кочках. Голову старика покрывала облезлая шапка с распущенными ушами. В городах похожие шапки с вызовом и намеком носила дерзкая молодежь, но эту древность явно одели, не предполагая подтекста и даже не подозревая о его существовании. Рядом тряслась недовольно поджавшая губы бабка. Айвен перевел пешку Сметаны в режим автосопровождения цели, задумался на долю секунды и выбрал бабку.

Пикап подпрыгнул последний раз и остановился шагах в десяти от шлагбаума. Айвен подвел пешку к водительской двери. Старик с полминуты возился со стеклоподъемником, наконец отчаялся и просто открыл дверь. Айвен запустил предписанный текст:

— Вы предпочитаете якутский язык? Вы предпочитаете эвенкийский язык? Вы предпочитаете говорить по-русски? ...эскимосский? ...украинский? ...белорусский? — перечень языков менялся в зависимости от блокпоста. Большую часть из них никто и никогда не выбирал, похоже, кто-то неплохо нажился на раздутой смете, продав забытые и мертвые наречия.

Старик с ужасом смотрел на говорящую железяку и молчал. Какой-то слабоумный армейский психолог придумал, что якутский наиболее умиротворяюще звучит с сексуальной женской хрипотцой, а эвенкийский у дружелюбного бархатистого баритона.

— Днище чисто, — сообщил Король очевидное. Он исполнял инструкции с фанатичной старательностью.

Дед, не говоря ни слова, кряхтя, лез из машины. Айвен заглянул на операционный дисплей Короля, выведенный у него слева вверху. Король был, как он и любил, на «штурме», автомат снят с предохранителя, что строго запрещено при отсутствии «прямой и очевидной угрозы», мало того, снят с предохранителя и реактивный гранатомет, заряженный осколочно-фугасным.

«Маньяк. Вот правильно его на дальних держат», — вздохнул Айвен. Ходили слухи, будто Король не позывной, а настоящая фамилия, но это казалось чересчур даже для такого явного психа.

— Приветствую вас, distinguished, — Айвен выбрал почти безошибочный русский, звонкий женский голосок автоматически переводил, — предъявите, пожалуйста, документы, удостоверяющие вашу личность.

Дед вышел из ошеломления и поздоровался, почему-то обращаясь к нему «командир», какие-то загадочные струны отозвались в этой простоватой душе. Старик зарылся по пояс в машину, бормоча: «сейчас, сейчас... где же тут...». Наконец вынырнул довольный, держа последней формы удостоверение с сине-белой голограммой. Он долго пытался заправить их не той стороной в сканер, с огромным трудом справился, стянул древнюю шапку, обнажив лысину с неопрятными пятнами, и вытер взмокший от усердия лоб, нервно ожидая результата.

— Приложите, пожалуйста, указательный палец к оранжевой области.

В действительности основная идентификация шла через сканирование сетчатки и дублировалась по форме ушей, кроме того, в бесконечном тестовом режиме обкатывалась К-13, анализирувавшая расстояния между секретными лицевыми точками. К-13, правда, по-прежнему, редко срабатывала корректно, ее постоянно модернизировали и регулировали, от чего система, кажется, работала только хуже. Тестирование продолжалось столько лет, что даже самые опытные сослуживцы не могли вспомнить, когда оно началось.

Старик еще не отыскал удостоверения, а Айвен уже проверил и его, и недовольно

кривившуюся бабку. Оказалось, кстати, что «старик» только пятьдесят четыре, а она двумя годами младше. Невозможно было понять, зачем нужна комедия с отпечатками, да и с удостоверениями. Дома их отменили лет пятнадцать назад, у самого Айвена вообще никогда не было никаких удостоверений.

— Вместе с пассажиром подойдите, пожалуйста, к багажнику для предъявления груза.

Пара долго возилась, развязывая веревки. На капоте висела мерседесовская звезда, сзади была криво прицеплена эмблема БМВ, но, скорее всего, древний рыдван был ублюдком нелепого местного автопрома, ныне, к счастью, покойного.

— Вот, — мужчина гордо указал на кузов, груженный крупными грязно-серыми корнеплодами.

Айвен выпустил «клопов» — крохотных дронов, больше похожих на пауков. Их крохотное тельце состояло из камер и датчиков на восьми суставчатых ножках. Клопы зарылись в груз, чертя трехмерную картинку кочанов, ботвы, грунта и гнили в поисках запрещенного.

— Чего это? — Сметана поставил перед ним чашку.

— Без понятия. Турнепс какой-нибудь.

— Откуда, интересно, они все это здесь берут? — Сметана был разговорчив. — Чего там старуха бормочет?

Женщина действительно беззвучно шевелила губами. Айвен выделил рот и включил распознавание: «Чтоб ты сгинул, черт поганый, тьфу, нечисть, ишь вылупился...» — бормотал переводчик, довольно ловко подражая интонации.

Айвен представил себя, вернее дрона, их глазами. Металлическая тренога на гусеницах, торчащая оружием и саперным щупом, увешанная непонятными окулярами камер, коробочками активной защиты, подвесными контейнерами с боеприпасами, антеннами, датчиками, ИК прожектор, фара, — все это бойко катается, болтая на разные голоса и меняя языки.

— Говорит Король. Подозреваю груз оружия и наркотиков. Запрашиваю процедуру углубленного досмотра. Предлагаю приказать подозреваемым лицам полностью разгрузить автомобиль.

Сметана хмыкнул, постучал пальцем по лбу и, покачивая головой, двинулся к своему месту.

— Не подтверждаю запрос, — безразлично ответил сержант, — аппаратный досмотр автоматическими системами не выявил запрещенных грузов.

«Не удивлюсь, если у Короля в подвале когда-нибудь найдут пяток мумифицированных школьниц. Как можно брать таких людей...»

— Пожалуйста, достопочтенный, вы можете продолжить ваше путешествие, — вернул мужчине документы Айвен.

— Спасибо большое, — мужичонка от подобострастности даже как-то присел. Тетка снова поджала губы.

Айвен решил занять себя повторением вчерашней математики и прикрыл глаза, вспоминая конусы и параллелепипеды. Новый Человек не должен терять время зря.

— Говорит Штиблет. Бобер, — сержант, как обычно, держал такой тон, словно умер лет десять назад, — тебя на выход Крот забирает. Сдай точки соседям.

Выход мог означать тренировку в эмуляторе. Теоретически считалось, что они, не зная, настоящий это бой или нарисованный компьютером, получают боевой опыт. В

действительности же даже самые тупые задолго до выпуска из учебного лагеря в секунду различали эмулятор (довольно халтурный, по правде сказать). Выход мог быть боевым, как случалось, когда элитных подразделений не хватало на текущие боестолкновения и в поддержку бросали сводные отряды второй линии. Предполагалось, что и на учебные, и на боевые вызовы бойцов отправляют по очереди, давая всем набраться опыта, но на практике рейтинговая система оценки заставляла офицеров ставить на боевые выходы одних и тех же лучших бойцов. Рейтинг составлялся на основе боевого коэффициента эффективности, зависящего от количества пораженных целей и соотношения потерянной техники к ущербу, нанесенному противнику. Коэффициент рассчитывался для каждого бойца, каждого отделения, взвода, роты и далее, до самого верха. Поэтому начальство само охотно нарушало строго прописанные инструкцией принципы ротации и смотрело сквозь пальцы на вольности подчиненных. К Айвену приглядывались месяца три, гоня на эмуляторе, прежде чем в первый раз поставили на выход.

В утренней смене 1-ый лейтенант Крот считался лучшим боевым командиром, что почти исключало учебный выход. Окончательно Айвен убедился, глянув на позывные бойцов, которых распределял лейтенант. На беглый взгляд, это была сильно сокращенная редакция боевого выхода прошлого четверга и немного расширенная — позапрошлой недели. Айвена второй раз подряд ставили лидером огневой команды: он на пешке, Клоун на капе, Юнга на штурме и Грач на максе. Второй раз! Выглядело намеком на капральские нашивки раньше всех надежд.

— Крот. Все выходим. Втыкаем в «мамки». Первое отделение борт 412, второе 413.

Ангар для техники оказался стандартным Грот-2, самым маленьким и старым из еще используемых корпусом. Он, кстати, считался в войсках самым надежным — в более современных перемудрили с автоматикой систем защиты. О Гроте-2 говорили, будто за все годы службы ушанам не удалось ни одного серьезно повредить или уничтожить, хотя это могло объясняться их расположением на третьестепенных направлениях.

Ангар оглушал железным лязгом гусениц, завыванием сервоприводов. Айвен первым делом прижал уровень наружного звука, потом резко дернул пешку вперед, на ходу воткнул задний ход, развернул вокруг оси, перезарядил, по кругу перебрав боеприпасы автоматического гранатомета и винтовки, проверил, закрывается ли задняя бронешторка. Если с техникой проблемы, лучше выяснить заранее, чем потерять машину из-за поломки и испоганить рейтинг. Всего, конечно, так не проверишь, не станешь ведь, например, отстреливать в ангаре гранаты, но хотя бы основные проблемные зоны — непременно.

Айвен подергал боевой блок, проверяя максимальное возвышение и угловую скорость. К сожалению, на этот раз все работало идеально. Эти показатели часто бывали хуже нормативных, но лучше допустимых, бою особенно не мешали, зато давали право на отличный поправочный коэффициент к рейтингу выхода. Маленькая солдатская хитрость, какой не научат в тренировочном лагере.

Немного разочарованный, Айвен направил пешку к своему месту, подсвеченному компьютером красным, в мамке, подсвеченной зеленым, рядом со второй их машиной, подсвеченной голубым. Почти все, кроме них, уже покинули ангар. В ворота выходили последние груженные мамки, компьютер рисовал над ними кучу знаков различия: большой ромб командира, круг поменьше водителя и стайка крошечных галок десанта. Батарея 155-мм гаубиц, выстроившись шеренгой, ждала очереди. Неподвижной оставалась только специальная техника: минный заградитель, землеройки, ремонтники, химико-радиационная

разведка и прочий хлам, положенный по штатам.

Все было самым обычным, пока он не заметил людей возле реанимационной установки. Бритый наголо здоровяк, с инженерным шевроном и лейтенантскими нашивками над головой, весь был заляпан красным, даже на лысине остались полустертые полосы. Он колдовал над лежащим перед ним телом, аккуратно опуская что-то вроде бормашины на суставчатом шарнире.

— Значит так, у нас атака. Два напильника вдребезги, один треснул. Работал сто двадцатый. Импульсник-корректировщик засекали и сожгли, но кто сказал, что он здесь один? Со спутников ноль, слухачи дают примерный квадрат, — Крот обвел кривоватый круг на операционной карте.

Айвен заехал по пандусу на свое место лидера пятой команды и нажал готовность. Ходовую зафиксировало, пандус поднялся, сомкнувшись с опустившимся колпаком, закрывая пешку броней. Теоретически, он мог вести огонь через оставленную амбразуру, но бортовой прицел был сломан. На машинах, прошедших модернизацию, прицелы всегда были сломаны, за исключением тех случаев, когда не работали с самого начала. В конкретной машине полностью исправными оказались только три из двенадцати прицелов, и Крот, естественно, расставил на эти места пулеметы. В мамках старого образца амбразур были просто больше, позволяя дронам использовать собственные прицелы, но их, к сожалению, осталось совсем немного. Прогресс. В целом, идея с интегрированными прицелами недурна. В длинных перегонах, дольше часа, даже при полной десантной загрузке на мамке обычно идут только водитель и командир, иногда и вовсе один водитель. Интегрированный прицел позволяет им, если работает, вести концентрированный огонь сразу шестью стволами десанта каждого борта.

— Грач, ты куда? — Айвен вспомнил о своих обязанностях. — Это не наша мамка.

— Как так? Слушай... у меня ж караульный конфиг...

Хотя управление дронами уступало сложностью многим компьютерным играм, увлекавшим Айвена в детстве, всегда находились люди, готовые что-нибудь перепутать.

Лейтенант как раз орал еще на одного война, ищущего заезд в гаубицу.

«Инвалидная команда, — думал Айвен — ух, мы сейчас навоюем».

И сам чуть не забыл скинуть рапорт о сломанном прицеле. Хотя его вооружение немного могло добавить огневой мощи мамке, вооруженной, не считая прочего, сдвоенной 40-мм пушкой, если их сейчас сожгут, с него спишут только половину.

— Еще, — продолжил Крот, — минут десять назад вот здесь кончили БТР паровозов. Минус двенадцать. Мы с другой стороны заходим, но все равно учтите, тут по-серьезному, — он скинул видео в общий канал с географической привязкой в соседнем городке, милях в пяти от ангара.

Съемка велась с летки, прошедшей совсем низко, футах, наверное, на пятнадцати. БТР жирно дымился, свесив заднее левое колесо над мостовой. Уже подбитая машина, видимо, выскочила на тротуар и остановилась, только упершись в столб и покосив его. Башню взрывом отбросило в витрину, и она теперь торчала тонким жалом ствола из сорванных жалюзи. Несколько тел, разбросанных вдоль улицы, лежали слишком далеко — похоже, некоторые выжили при взрыве и их добивали.

Айвен раскидал сектора по дисплею. Наверх летки, в середину свои камеры и команду, вниз по две с двух мамок, по краям соседей. Машина уже выехала из ангара, сменив тональность клацанья гусениц. Во дворе медленно крутил винтами грузовой вертолет. Это

был «чемодан» — старая, еще пилотируемая модель. Летчикам, наверно, невесело было ждать, не прилетит ли и им снаряд, хотя, будь у ушанов управляемые, с них бы и начали.

С другой стороны, ушаны народ запасливый, может, как раз сейчас нашли лишний в дальнем углу сарая или вспомнили, что осенью теща привезла в подарок вместе с вязаным шарфиком управляемый заряд «Дельта-4», и его до случая положили под кровать в детской. С них станется.

Тела уже убрали, роботы-уборщики даже замыли кровь, из следов оставались только две маленькие и неглубокие воронки между ангаром и вертолетом, выглядевшие несоразмерно вызванным последствиями, всей этой жужжащей, летающей и клацающей техникой.

Городок был небольшой, с не воспроизводимым названием, состоящим, как здесь водится, из множества беспорядочных согласных. Железная дорога делила город с севера на юг почти равными половинами, на севере его дугой охватывала река. Стреляли из северо-западных кварталов, БТР сожгли на западе, поэтому их отправляли на юго-восток, подальше от реального дела, прикрывать и поддерживать. Как всегда.

На памяти Айвена, их впервые вводили так далеко к югу, и вряд ли от хорошей жизни. Здесь уже сошел снег, все покрыла яркая свежая зелень, частично скрывшая мусор на обочинах.

Они прошли милю по автостраде, еще три по местной дороге и свернули на проселок. Кроме названий, эти скопления ям мало различались. Пожалуй, проселок был даже немного ровнее, ведя к неожиданно ухоженному строению, коровнику, свиарнику, или чему-то в этом роде. На повороте неторопливо горела огромная куча мусора, давая густой сизый дым, красиво стелющийся среди деревьев. Впрочем, здесь подобное в порядке вещей и, само по себе, еще ни о чем не говорит.

Многие поля по пути были вспаханы. Похоже, в этих краях предавались земледелию в противоположность местам их обычных дежурств, где аборигены не были, кажется, склонны ни к крестьянству, ни к любому другому труду, кроме водки.

Лейтенант монотонно бубнил диспозицию, криво рисуя на операционной карте позиции мамок, маршруты четверок, стрелочки, контрольные точки, сектора огневого контроля. Никто его, конечно, не слушал. Оставалось только дивиться твердости характера Крота, решительно игнорирующего неизменную повседневность. Каждый раз все шло не так, происходила какая-нибудь непредвиденность, на местности выяснялись не учтенные картами и снимками особенности, противник, если он все же появлялся, действовал именно так, как не предполагалось. В лучшем случае, удавалось более-менее соблюсти направление движения, так что изложение действительной, а не фантастической диспозиции без труда можно было исчерпать секунд за двадцать. Кроме прочего, сослуживцы Айвена постоянно нарушали даже Двенадцать золотых правил, вдалбливаемых с первого занятия по тактике. Ждать от них исполнения затейливых диспозиций было также нелепо, как грациозных танцев от Пташки.

Кратко, план сводился к атаке четырьмя огневыми командами. Мамки оставались сзади с двумя резервными четверками. В них Крот собрал худших бойцов, посаженных на мусор, оставленный более уважаемыми отрядами. Дроны, вооруженные 81-мм минометами, дроны, вооруженные тяжелыми противотанковыми системами — отличная штука, водись у противника танки, дроны с огнеметами и даже два экземпляра с водометами в качестве основного оружия. Последним для применения всего-то и требовался пожарный гидрант или цистерна и какие-нибудь недисциплинированные демонстранты.

— Что за красавица, — мечтательно причмокнул в канале команды Клоун.

— Тихо. Слушаем лейтенанта, — автоматически сказал Айвен.

Навстречу им пробирался от фермы чисто вымытый люксовый кроссовер начала века. Такие раритеты встречались здесь довольно часто — наследие недолгой эпохи относительного процветания. Через громкоговоритель лейтенант остановил машину и отправил одну из резервных четверок для проверки. Хозяин машины, здоровяк с хорошо развитой мускулатурой, покрытой еще более развитым жировым слоем, шумел, требовал пропустить, он вам не какой-нибудь там, вот у него бумага, вот у него жетон, хотите, можете спросить у руководителя городского контртеррористического комитета, он сейчас наберет. Недостаточно городского, давайте районному, недостаточно районного, можно и первого зама областного побеспокоить, если вообще делать нечего.

Происходило самое обычное: чрезвычайная и внезапная непредвиденность. Предполагалось, что их высаживают в полумиле отсюда, на краю поля. Четверки входят в город красиво расходящимся веером, прикрываемые мамками, а их в свою очередь прикрывает резерв.

Теперь вместо элегантной тщательной атаки по всем правилам они застряли посреди проселка с видимостью, ограниченной до десятка-другого шагов кустами и деревьями. Идеальная цель, просто рождественский подарок для любого ушана, вооруженного каким-нибудь древнеегипетским гранатометом. Пара толковых выстрелов могли покончить с казенным добром миллионов на триста, что, наверно, раза в три превышало стоимость всего этот вонючего городка.

Айвен, и наверняка не он один, тщательно вглядывался в мощные тепловизоры мамок. Вроде, было чисто, но никаких, конечно, гарантий. Здоровяк препирался и злился, все сильнее наливаясь кровью, причем автопереводчику явно давались уже не все его реплики.

Наконец Крот решился и начал действовать, надо отдать должное, быстро и четко, что и делало лейтенанта стоящим боевым лидером, а вовсе не тщательные диспозиции, как он сам, кажется, считал.

— С первой по четвертую команду высадка. Двигаетесь напрямик. Вход в застройку с промежуточных точек М1-М4. Борт 413 со второй резервной сразу после высадки уходит на позицию. Первая резервная со мной проводит досмотр. Пошли!

— Достопочтенный Георгий Андреевич, — заговорил Крот через динамики, — в случае вашего продолжения неподчинения законным требованиям властей, я буду принужден открыть огонь на поражение. Немедленно предъявите содержимое карманов. Имеете ли вы оружие в подмышечной кобуре?

Четверки прошли сквозь лесополосу и довольно бестолково разворачивались на поле чего-то аграрного, взошедшего уже аккуратными рядами. Тем временем на капот кроссовера лег золотистый пистолет из подмышечной кобуры (зная здешние нравы, вполне мог оказаться золотым на самом деле). Здоровяк, сравнившись цветом с помидором, объяснял, что у него есть разрешение. В бардачке нашлось несколько упаковок сто долларовых купюр, хотя валюта строго запрещалась здесь к обороту. Здоровяк, сдвинув брови, чертил на лбу складки и с тройным напором бубнил про разрешения и поставщиков.

— В жизни не видел столько налички, — мечтательно сказал Юнга. Несмотря на позывной, ему было под сорок.

— А я вообще не помню, когда последний раз видел наличные.

Айвен сразу вспомнил, что последний раз держал в руках наличные на рождество, когда

бабушка подарила ему такую же примерно пачку. Бабушка Клаудия с годами прибывала странностями, среди свежих появилось недоверие к электронным платежам. Теперь она стремилась всюду оперировать кэшем.

— Кстати, Бобер, учитывая свинарник справа и горящий мусор слева, здесь просто шикарно пахнет, — со значением сказал Клоун.

— Крот, это Бобер. Прошу уточнения, после входа в плотную застройку следует ли команде повысить уровень опасности?

— Зачем? А-а-а... дьявол.

Сильно потянуло чесноком и немного морем. Крот выставил уровень опасности, что вообще-то должен был сделать еще в ангаре. На уровнях выше «С» (сейчас стоял «В» красный) автоматически включалась генерация запахов. Разработчики задумывали транслировать «ароматическую картину окружающего мира, настроенную на текущий уровень восприятия реципиента». В реальности передавались какие-то случайные, обычно (хотя и не всегда) неприятные запахи, отвлекающие и никак не связанные с «ароматической картиной». Сейчас, например, без видимой причины все перекрыла вонь жженой пластмассы. Выключить систему раз и навсегда в предустановках было невозможно. Приходилось каждый раз ждать, пока командир выставит уровень опасности, после отключать автоматическую интенсивность, а уж затем выкручивать уровень на минимум, причем управление было нелогично и глубоко спрятано в противоположных и неожиданных закоулках настроек.

Они медленно заходили вглубь города. Вдоль поля торчали три одинаковых пятиэтажных дома, выглядевших так, словно держались на разномастно застекленных балконах. За ними начиналась частная застройка. Как здесь принято, ко всем домам, от покосившихся развалюх, обшитых трухлявой доской, до почти особняков с колоннами и облупившей штукатуркой, прилагались большие участки, не меньше четверти акра каждый. Зачем при таком земельном изобилии строили эти отвратительные пятиэтажные скворечники, понять было абсолютно невозможно, но Айвен давно перестал задумываться о здешних странностях. Он воспринимал их явлением природы, которое нельзя понять, но можно использовать. Многоэтажка, например, — превосходная снайперская позиция. Грач минут за пять одолел подъем и устроился у окна лестничной площадки между четвертым и пятым этажом. Лестница, кстати, неожиданно оказалась ухоженной, даже с какими-то цветочками. Еще две четверки, идущие по параллельным улицам, подсмотрели и тоже выставляли своих максов в подъездах.

— Грач. Проблемы.

На несколько ступенек ниже Грача стояла бабка в дряхлом халате, точная копия Злой Ведьмы Запада из любимого фильма детства. Она визжала с таким исступлением, что переводчик не сразу сумел подстроиться:

— Ах ты, тварь поганая! Ты зачем дверь подъезду сломал?! Гнида колченогая!

— Вы, достопочтенная, мешаете проведению контртеррористической операции. Вам следует немедленно пройти в помещение и не покидать его до завершения контртеррористической операции.

— Ты мне указывать будешь, жестянка пиндоская!? Войну здесь хочешь устроить!? Тут люди живут, железяка вонючая! — она стегнула дрон грязной и мокрой тряпкой, волшебным образом появившейся у нее в руке из ниоткуда. — Кыш отсюда, проклятый!

— Грач, тебя принимают за кошку. Такая гордая птица должна обидеться.

— Клоун, не будь клоуном. Грач, чего ты ждешь? Правила знаешь?

— Демаскирую.

— Ее визг отсюда слышан без гарнитуры. Сильнее не демаскируешь.

— Ладно.

Грач выстрелил поверх головы старухи, пуля с визгом срикошетила и перебила перила.

— Достопочтенная, мной произведен предупредительный выстрел. Предупреждаю вас, что в дальнейшем я могу вести огонь на поражение. Вы должны немедленно проследовать в помещение.

— Чтоб ты сдох, тварь, — негромко и спокойно сказала старуха, плюнула и поковыляла вниз, развернулась и напоследок добавила через плечо. — Чтоб у тебя хер отсох, гнида.

Огневая команда аккуратно продвигалась вдоль тихой улочки, обозначенной Кротом третьим номером. Уже давно никто не рассчитывал на способность солдат запоминать наборы букв, считавшиеся здесь названиями. Переулок, по которому шла четверка Айвена, к примеру, заполнял полстрочки, внешне напоминая польскую фамилию.

Местные прекрасно понимали, что происходит, — улицы вымерли и только ветер кружил пластик пакетов между двумя обязательными стенами заборов. Любому дому полагался обязательный забор — от хлипкого и покосившегося штакетника до настоящих фортификационных сооружений. И из чего бы ни был сделан забор — из дерева, крашенного металла или оштукатуренного кирпича — все они несли частые следы пуль и осколков.

На тактическом дисплее было видно, как красные точки дронов все больше погружались в город, не встречая сопротивления. «Вот и все. Обычные ушанские дела, наскочили и отпрыгнули», — Айвен с интересом посматривал на долларового крепыша, достигшего уже цвета зрелого помидора. Тот перекачивал желваки, стоя возле раскрытого багажника, где обнаружился АК-74 со снаряженным магазином и досланным патроном, два больших мусорных мешка, набитых местными деньгами, и почему-то бейсбольная бита.

— Спортсмен, — хмыкнул Клоун тоже, видимо, следивший за досмотром. Как правило, его чутью можно было доверять — все-таки семь лет в киберпехоте. Стало казаться, что на сегодня интересное закончилось, но на этот раз Клоун ошибся.

Ситуация перевернулась в секунду. Общий канал, до того сдвигавший строчки раз в несколько минут, понесся со скоростью света.

— Атакован! Квадрат К8.

— Атакован! А4!

— Атакован! М1.

Крупнокалиберный пулемет ударил из окна второго этажа недостроенного дома, разрывая в клочья капю соседней четверки. Спайдер на штурме пустил в окно осколочный и только тут определил стрелка.

— Семнадцатый, сука, семнадцатый, — завизжал он, меняя заряд на кумулятивный. — Давай, сука, давай, — Спайдер торопил перезарядку и захват цели, маневрируя противоприцельным зигзагом.

Вражеская капа, тип-17 (может, новый 23 — они, на самом деле, отличаются только автоматикой и чуть усиленным бронированием) перенес огонь, в секунду порвав и Спайдера. Если на вражеской капе был не полный балбес, а это наверняка, то приборы задней полусферы он прикрыл бронешторкой, так что осколочный ему разве что краску ему ободрал. Уцелевшая Иддис увела свою пешку за угол, скинув координаты артиллеристам.

— Иддис! С нами! — Айвен сбросил ей метку на улицу за домом, откуда была капа.

Семнадцатый — крепкая, хорошая машина, с самым мощным вооружением среди базовых дронов, но медленный и неповоротливый. Они должны были успеть, если раньше не отработает арта. Айвен на ходу перезарядил винтовку бронебойными, а гранатомет противотанковыми. Стрелять следовало непременно первым, пулемет семнадцатого лупил старым русским калибром 14,5 мм, дырявящим броню как бумагу.

— Зацепил! — крикнул «макс» ополовиненной четверки, Ниндзя, Красный Ниндзя, если полностью. Из одного позывного было очевидно, что всерьез принимать его нельзя. Вообще, замечено: среди «максов», снайперов, — придурков как нигде. Бобер все же глянул в дальний сегмент, где висел Ниндзя, но даже через двенадцатикратный прицел разобрать ничего было невозможно.

Иддис шла шагов на сто впереди, поднимая гусеницами пыль с не мощной улицы. Вдруг, не останавливаясь, развернула боевой модуль и всадила очередь в распахнутое окно. Айвен глянул через тепловизор — на полу лежало в неестественной позе тело. Как обычно, на ходу было не разобрать — стрелок или любопытный идиот.

— Строение 11-74-16. Превентивная атака. Минус один красный. Второй этаж, — доложила Иддис.

— Подтверждаю. Минус один красный, — Айвен скинул снимок тепловизора. В принципе, цель засчитывали в рейтинг по одному устному подтверждению, но офицер-учетчик мог и придраться, а техническое подтверждение другим бойцом давало почти полную гарантию.

Они уже выскочили на заднюю улицу, когда наконец ударили 155-ые. Несколько секунд все тряслось, обзор закрыли летящие обломки дома и облако пыли. Вдруг боевой модуль Иддис расплескало тысячей осколков, причем ходовая продолжила двигаться, пока не увязла в завале. Айвен опешил, пытаясь понять, как гаубичный снаряд смог залететь в узкий проулок, и не сразу заметил на крыше силуэт, плохо различимый сквозь дым. Стрелок отбросил в сторону отработанный тубус реактивного гранатомета и побежал, что-то перепрыгивая. Айвен дал первую очередь слишком низко, выбивая бронебойными 338 калибра брызги бетона. Чуть позже вступили Юнга и Клоун. Ушан уже ушел из видимости, когда они прекратили стрелять.

В наступившей тишине за спиной трижды отчетливо хлопнул гранатомет. Айвен рывком развернулся, резко меняя позицию. Стреляла пешка, компьютер пририсовывал над ней два серебряных прямоугольника капитана. В десятке шагов за капитаном шли две штурма, две капы, пешка, плевалка, еще капа и плевалка, развернутые кормой, прикрывали тыл.

— Где вас, инвалидов, делают? — капитан не потрудился подключиться к чату и орал прямо через динамики. — Поворачиваете за угол, назад не смотрите. Ни прикрытия, ни фига. Боец, вот ты, на пешке, хрена ли ты зевал? Выставляешь дистанцию взрывателя по тепловизору с упреждением и спокойно снимаешь красного. Тебя где учили? На хрен ты вообще здесь нужен?

Хотя Айвен видел через тепловизор труп стрелка, спускать такое обращение он не собирался никому, даже и капитану, чужому же, в конце концов, капитану.

Айвен раздвинул прямоугольники, ища позывной, и присвистнул: на пешке шел сам Кримстер, получивший недавно капитана, а в том году Серебряную звезду, но главное — Кримстер уже годы держался в топовой десятке рейтинга. Личный коэффициент, насколько Бобер помнил, у него был фантастические 87, а у возглавляемых операций — за 40. Это при

том что Кримстер никогда не воевал ни снайпером, ни артой.

— Китаец ушел? — Кримстер взял секундную паузу, — Да? Нет? Может быть? Тут был китаец, тип-17, - он заговорил очень медленно, как со слабоумными, — это такой дрон китайского производства, вооружен очень крупнокалиберным пулеметом. Вы его видели? Да, нет?

— Нет, — хмуро ответил Айвен.

— Что нет?

— Не видели.

— Клопов запустили? Поня-ятно. А почему не запустили? Ладно, вопрос снимается. Запускаем клопов, сколько у кого есть. — Его клопы уже рисовали трехмерную картинку развалин дома.

— Крим, — негромко сказал кто-то, но уже в чате, а не через динамики, — я их к нам подключил.

— О'кей. Тайлер и ты, на капе, идете глазами, — он криво обвел на карте т-образный перекресток, в который упиралась улица. — Тайлер северо-запад, капа юго-восток. Принято? Отлично. Утка, сюда.

— Напоминаю глазам правила, — не прекращая говорить, Кримстер вытянул манипулятор и сдернул с задней полусферы проезжавшего мимо Клоуна налипший тонкий пластик.

Айвен беззвучно вытянул губы дудочкой. В здешней грязи старые пакеты часто налипали на приборы, при этом снимать их даже с себя самого нужно было приноровиться. Когда же пластик лип назад, куда не доставал манипулятор, второму дрону приходилось возиться минуточку-другую, прежде чем удавалось подцепить тонкий пластик. Как можно сделать это на ходу, не прекращая трепаться, Айвен не мог даже вообразить.

— Видишь красных — даешь голос, только потом стреляешь, если красные явно крепче — уходишь с линии без стрельбы, сами придут. Герои нам тут на хрен не нужны, мы бережем федеральный бюджет.

— Капа! Юго-восток расположен между югом и востоком! Его легко найти, на карте он справа внизу. О, китаец, но-ормально арта отработала. Строение 11-74-29, минус один бардовый, тип-23, артиллерия. Сообщение о цели 112К-4 подтверждено и закрыто. Текущий статус цели — 2М, прошу уведомить местные власти.

— Ну, не зна-аю, — Кримстер отвечал на какую-то реплику, не попавшую в общий канал. — По мне, типичная эмка, вполне реально залатать. По-любому, пусть паровозы пошевелиятся, им только на пользу. На крайняк — жирок растрясут, сэкономят на спортзале.

В общем-то, Айвен должен был собрать свою огневую команду и продолжить движение по маршруту. Однако Кримстер командовал его людьми с полной уверенностью, словно так и положено. Крот молчал, опасаясь, видимо, спорить, и Айвен решил: «Какого черта. Когда еще случай выпадет. Остаюсь».

Командование Кримстера совсем не походило на весь предыдущий опыт Айвена в учебных и настоящих боях. У Кримстера словно не было никакого плана, казалось, он переставляет дронов, постоянно меняя рисунок построения без всякой логики. Однако собственные его бойцы почти всегда угадывали заранее, занимая позиции прежде приказа.

Постепенно Айвену начало казаться, что он улавливает систему. Собственно, обзорно он о ней слышал еще в учебном лагере. Суть состояла в поддержании постоянного динамического рисунка расстановки дронов, а не в переходе между стационарными

позициями. Такая тактика требовала высокого уровня личных навыков и бойцов, и командира, поэтому у них ее применять даже не пытались. Айвена и прочих из его батальона Кримстер собрал в огневой кулак, говоря официально, или в баранье стадо — словами самого Кримстера и его ребят.

Автоматика зафиксировала пуски переносных зенитных комплексов. Расточительность ушанов выглядело странно. Ладно — потратить дефицитные пуски на тяжелых ударных дронов, хотя при отсутствии активного боя удивительно даже это, но они сбивали копеечные летки.

Кримстер тоже среагировал загадочно. Вместо того чтобы нестись к местам пуска, он с дикими воплями расставлял технику каким-то решетом.

— На крышу лезь! Отгоняй мамку! Дальше! Дальше! — какие-то реплики он кричал в общий канал, но понятнее не становилась. — Штурм, не тупим, выдвигаешься за угол. Ты что, кретин, делаешь!? Сейчас джам будет, мне нужен канал!

Суэта наполнилась для Айвена смыслом. Он слышал о такой штуке, которую, по официальной версии, ушаны мастерили из водосточных труб, испорченных телевизоров, сношенных покрышек и старых микроволновок, как, собственно, и все, сделанное местными. Штука необъяснимо вырубала всю связь, кроме прямых оптических каналов. Неофициально — мало кто сомневался, что на днище этой штуки должен быть замазанный шильдик «мэйд ин чайна». Узкоглазые друзья почти наверняка обкатывали новинку. Захватить глушилку еще ни разу не удалось, и тех, кто это делает, ждала, без сомнения, огромная коробка сладостей. Даже просто узнать принцип работы глушилки — уже бесценно. Вдобавок ее можно предъявить нашим «стратегическим партнерам» и поинтересоваться, не они ли часом обронили. Это не какой-нибудь тип-23, водящийся, благодаря китайской оборотистости и щедрости, у любого африканского президента в фуражке с высокой тульей, толкового террориста и запасливого повстанца.

— Грач, ты на кровле? — Айвен вспомнил об их максе.

— Бобер, ты чего? Его заминусовали.

— Как это я... Давно?

Айвен нашел на экране бывшую снайперскую позицию: вместо окна зияла огромная дыра, открывавшая, кроме лестницы, квартиры двух этажей. Ветер плескал сорванную наполовину занавеску, приоткрывая опрокинутый стол, шкаф с сорванными дверцами, еще какие-то обломки разрушенного быта.

Права была бабка, не зря психовала. А что если чемодан? Их ерундой его в воздухе не взять. Он один закроет весь город... Подсказать? Не может сам не догадаться. Что-то тут...

— Крим, на базе был чемодан. Связаться с шустрými, чтобы подняли?

— Отличная идея. Только он ушел с раненым часа полтора назад. Это может помешать. Хоть ты не тупи. Лады?

Айвен облегченно выдохнул.

— Макс, как тебя... Красный Ниндзя, спрячь тушку за трубу, оставь только моргалку. — Почти все сегменты монитора Айвена погасли, запылая красными надписями.

— Мать твою, она у тебя справа на башне! Тебя что, на эту сраную крышу прямо из Занзибара прислали? Вместе с долбаной пальмой?! — сегменты заработали. — Потеряешь контакт с Уткой, я сам, лично, приеду в твой херов Массачусетс и настрогаю тебя кубиками. Принял?!

— Боец! Повторяю вопрос, все ясно?

— Так точно.

— Никто не шевелится. Нужен второй ИК-контакт. Фогги, двигайся, темп, темп. Ты! Штурм! Какие слова из «никто не шевелится» ты не знаешь? Мне насрать, какая у тебя будет позиция. Если не можете сидеть с не занятыми руками — прочтите, только клавиатуру и джойстик не трогайте. Все приняли? Уберите руки от управления, сядьте на них, если иначе не можете. Я не знаю, что сделаю со следующим, кто пошевелится. Воюйте глазами и головой, а не руками.

— Сейчас можно сбегать в сортир, попить водички, даже покурить или закинуться коксом, хотя, учтите, это жутко вредно, тем более без меня. Первыми идут мои парни, кроме Утки, Шурупа и Папоротника, потом они и Массачусетс. Даю шесть минут. Гарнитуры, естественно, не снимать. Время пошло. По возвращении — доклад кнопкой и голосом. Массачусетс, — на заднем фоне отчетливо зажурчало, — воюем глазами. Немедленно уведомляйте, чего б вы там ни увидели.

Айвен, возвращаясь из туалета, заскочил на кухню плеснуть себе и Сметане кофе. Иддис, немного рыхлая блондинка, тянула из бутылочки йогурт, запивая шоколадный батончик. Месяц назад они перестаралась на вечеринке с пивом, и Айвен теперь знал, что зовут ее Рэйчел, выросла она в крохотном аризонском городке, любит комедийные сериалы для слабоумных, запущенную квартиру делит с омерзительным ревнивым котом, а лобок не бреет. Весь месяц Айвен как мог уклонялся от знаков внимания возрастающей назойливости. Увидев его, Иддис незаметно, как ей казалось, расправилась, выпятив небогатую грудь. Движение было таким откровенным и забавным, что он с трудом сдержал насмешку, игравшую уже на кончике языка.

— Как ты? — налить кофе молча было бы грубо. — Я не разобрал, броня сработала?

— По логам сработала. Врут они все, против этих старых тандемов такой же мусор, как и было.

Сегодняшние дроны несли модернизированную активную броню. Новая система пока встречалась нечасто, в их практике и вовсе впервые. Болтали и, похоже, не зря, что застарелую проблему гранатометов с тандемными боеприпасами решить так и не удалось, а ведь именно из-за тандемов модернизацию, в основном, затеяли.

— Не расстроилась?

— Да, нормально... — она махнула рукой, счастливо улыбаясь. — Теперь на В7-ом прохлаждаюсь. Лафа. Тишина. Ну, ты знаешь. А кто там у вас такой громкий и грубый?

— Кримстер.

— Да ты че! Крутяк. Эх, надо же мне было в последнюю секунду... Ну, и как он?

— Вообще, толковый. Но, по мне, звезду поймал. Гонор бешеный. Извини... — он поднял указательный палец и наклонил голову, вслушиваясь. Почему-то всегда кажется, что так лучше слышно.

— Ко мне белый на велосипеде. Возраст 12–13. Пустой.

Айвен рванулся, открывая задом дверь, плеснул на кисть кипятком кофе, зашипел и зашагал так быстро, как только мог, сохраняя кофе. Расположение второго отделения взвода Чарли находилось в дальнем от кухни углу боевого зала, и Айвену надо было преодолеть еще футов двести.

— Крутится, проверяет. Розовый, сто процентов.

— Спокойно, спокойно, пусть уходит. Не стреляем. Кто пошевелится, может гроб себе заказывать.

На экранах удалялся парнишка на расхлябанном велосипеде.

— Отлично.

Айвен постарался устроиться поудобней, что было почти невозможно. С полгода назад в рамках программы энергосбережения, запущенной министерством, обычные жалюзи заменили автоматическими, интегрированными в климатическую систему. Автоматику, естественно, поставили сверхсовременную. Теперь высокую технологию перенастраивали где-то раз в неделю. Надо сказать, происходящее куда больше напоминало дрессировку непокорного хищника, чем какую-то унылую и утилитарную настройку. После каждого сеанса жалюзи и вся система приобретали новые странные повадки. Последнюю неделю в той части зала, где сидел Айвен, во второй половине дня жалюзи замирали в верхней позиции, если не считать среды, когда до вечера шел проливной дождь. Слепило, он практически плавал в собственном поту до тех пор, пока солнце не заходило за монитор. Айвен пробовал даже темные очки, плюнув на идиотский вид, но в очках плохо видел дисплеи. Это было даже хуже, чем в марте, когда приходилось надевать шерстяные перчатки, термобелье и уличную куртку, и все спорили, не замерзнет ли вода в унитазах.

— К вам две картонки, — сказал Ниндзя самым тревожным голосом.

— К нам две чего? — переспросил Кримстер.

— Картонки. Автобусы.

— Отлично. Постарайся в следующий раз пользоваться словами, известными хоть кому-нибудь, кроме тебя. Еще раз, не стреляем без команды, не шевелимся без команды. Ждем приказа.

Из микроавтобусов высыпало не меньше дюжины ушанов. За распашной дверью одного из автобусов открылся стрелок за крупнокалиберным пулеметом на станке. Кроме оружия террористы тащили множество вещей: компьютеры с гроздьями проводов со странными разъемами, перфораторы, пневмоножницы, какие-то незнакомые Айвену инструменты причудливого вида.

Одеты они были вполне предсказуемо. Ни одной шапки с распущенными ушами, а их тут для фрондирующей молодежи продавали на любой сезон, включая легкие на лето. Только один был в стеганой куртке, имитирующей другую, историческую куртку. С этим фасоном связана какая-то важная местная история, которую Айвен знал, но забыл. В общем, настоящие ушаны мало походили нарядом на карикатуры и местных модников. Более того, несколько ушанов были в джинсах, а за джинсы местная шпана била, и, случалось, убивала незадачливых франтов. Все, конечно, были в зеркальных солнечных очках, тут молодежная мода не врала. Прекрасное, правда, ни при чем, чистая функция: глухие зеркальные очки — надежный и дешевый способ защитить сетчатку от считывания. А немодная шапка прячет форму ушей не хуже модной. Лыжная балаклава работает еще лучше, и большинство ушанов обходились именно ей.

— Еще раз, не стреляем до команды. Не стреляем без команды. Вот этого, — Кримстер подсветил красной рамкой террориста в светлом плаще, командира, судя по тому, как он размахивал руками, — никто не трогает, он остается целым при любых обстоятельствах. Так что никаких осколочных. Шуруп, этот твой. Папоротник, тебе, — Кримстер распределил водителей и пулеметчика между своими. — Остальные в свободном режиме. Начали!

Айвен заранее выбрал цель, дядьку с огромной бородой, возившегося чуть в стороне со спутавшимися проводами ноутбука. Он успел всадить очередь и перевести огонь на другого, еще стоявшего на ногах. Через десять секунд все террористы были на земле и шевелился

только тот, в светлом плаще, его почти оторванная левая нога хлестала кровью.

Айвен проверил статистику. За ушана с проводами ему засчитали критический ущерб, что давало 1 очко рейтинга, совместное поражение 0,17 очков, плюс семнадцать фрагов в группе, включая того в окне, парня на крыше и тип-23, все вместе — еще 0,81. Неплохо.

Кримстер подъехал к раненому, движением манипулятора отбросил в сторону гранатомет. Потом, буквально в несколько секунд, перетянул ногу жгутом и всадил в ушана шприц. Еще одно откровение. Конечно, любой дрон нес стандартную аптечку, киберпехотинцев в обязательном порядке учили с ней обращаться, но Айвен всегда считал это чистой показухой. Дескать, мы в любое время готовы прийти на помощь местному населению, страдающему от жестокости безжалостных террористов.

Кримстер отволоч ушана в проулок между высокими заборами, а их, покрикивая, распределил по позициям.

— Чего он, не пойму, делает? — спросил Юнга в канале команды.

Айвен понимал. Кримстер расставлял их, избегая камер. Оптический канал он держал через Утку, тот поворочался, подвигал треногой и нашел позицию, помещавшую Кримстера в слепую зону. Даже собственные камеры Кримстер держал так, чтобы ушана не было видно. Возможно, по записям с тепловизоров и по движениям манипулятора все равно можно было восстановить происходившее, но, во-первых, дело это сложное и не надежное, а во-вторых, ну, кому это надо?

Айвен внимательно вслушивался. Сначала зазвенел колокольчик голоса штатного переводчика, слов, правда, было не разобрать, потом раздался дикий вопль:

— Нет, нет, не надо, пожалуйста!!! Я ничего не знаю!!! Не-ет! — потом ушан как-то захлебнулся в крике, его стало почти не слышно, он что-то бубнил, словно сквозь одеяло.

Звон колокольчика сменялся хрипом и визгом еще минут пять. Наконец Кримстер выехал из-за угла.

— Вы, четверо, — он обозначил огневую команду из батальона Айвена, — остаетесь здесь, ждете паровозов. Обещали минут через десять. Не спим, не болтаем, держим периметр. Не факт, что все закончилось. Остальные со мной, двигаемся быстро, по-настоящему быстро, отстающих не ждем. Вздрогнули!

Они понеслись вперед на максимуме возможного, практически без охранения. Айвен понимал риск, но понимал и возможный приз, если Кримстеру удалось выбить расположение «глушилки». Он с трудом держался в группе и даже не заметил изменения расчета очков, когда светлый плащ из раненых перевели в «противники, скончавшиеся в дальнейшем от полученных ранений».

— Крим, джам упал!

— Угу, — подтвердил Кримстер. Однако, не изменил тактики, оставив при смене направления огневую команду для поддержки оптического канала.

На небольшой прямоугольной площади возле пяти машин контртеррористического подразделения неожиданно стояло всего семеро. Обычно местные паркуют кружком старенькие, но бронированные джипы и стараются далеко не отходить — в общем, довольно откровенно охраняют сами себя. Эти же, кажется, даже не курили. За углом, возле шестого джипа, несколько паровозов сосредоточенно избивали мужчину в зеленой, а теперь, за вычетом рукавов, красной стеганой куртке. Тот уже не вскрикивал, а как-то тяжело выдыхал после каждого удара.

«Ах да, — вспомнил Айвен, — БТР».

— Темп, темп, двигаемся, — подгонял Кримстер, — нечего глазеть. Вы двое держите северо-восток, вы юго-запад. Остальные заходят со мной. Очень осторожно, очень умно. У нас есть шанс, постарайтесь его не просрать.

Кримстер, не снижая скорость, с разворота влетел в зеленые ворота с выдавленными звездами и коваными завитушками. Створка, грохоча, отлетела, повиснув на одной петле. Во дворе дроны разобрали позиции, контролируя периметр. Айвен отметил отсутствие команд: люди Кримстера работали без подсказок.

Дом выглядел ухоженным и, по здешним меркам, богатым, парковка была покрыта аккуратной плиткой, выложенной затейливым узором. В общем, жилье мало походило на логово фанатичных террористов.

На крыльцо выскочил старик в белой майке, цветастых пижамных штанах и тапках.

— Дома сиди! — крикнул он внутрь и шумно хлопнул дверью. — Вы, мужики, чего творите? Чего за дела?

— Спуститесь вниз.

Старик сошел с крыльца, замедляя шаг и бегая по сторонам глазами.

— Чего случилось-то?

Кримстер подъехал к нему вплотную.

— Дistinguished, нам нужна машинка. Где она?

— Машины? Вон, — он показал на большой навес, опирающийся на украшенные ковкой столбы. Там стоял сияющий древний лимузин, два сияющих древних внедорожника и немного запыленный древний спорт-кар, такой низкий, что на нем вряд ли можно было проехать по здешним ямам больше сотни ярдов. — Но у нас сегодня никто не выезжал, все здесь были.

— Дistinguished, — Кримстер поднял манипулятор, сверкнув лезвием. — Я не советую с нами шутить. Где она?

— Да чего вам надо? — старик сделал шаг назад, упершись в стену дома.

— Вы знаете, что нам надо, не к чему изображать из себя идиота, — Кримстер повел ножом, поддев и перерезав лямку майки.

У старика на груди набухла красная капля. Хотя Кримстер и коснулся его лезвием, он все-таки показывал фантастическое мастерство.

— Твари! Гады! — из парковочного навеса выскочил невысокий человечек, размахивая какой-то блестящей палкой. Он успел дважды ударить дрон Кримстера, прежде чем грянули выстрелы.

Айвен опешил от неожиданности и не успел никак среагировать, даже выстрелить. Нападавшего бросило на землю, он оказался мальчиком не старше четырнадцати, клюшка для гольфа, звякнув, упала рядом. Мальчик изогнулся последний раз и замер рядом с мертвым уже стариком.

— Ну, и кто стрелял? Почудилось, что это, мать его, джедай? С лазерным, сука, мечем? Деду зачем голову отстрелили? Что за придурки... по ногам безоружным стреляют! По ногам!!! А еще лучше совсем не стрелять. Даже стадо не все стреляло! Братцы, нет, ну что за дебилизм?

— Тайлер, вызывай паровозов, — продолжил Кримстер чуть спокойней, — мне не достучаться. Долбись всюду, пока не ответят. Значит, так. Строение 11-83-27. Минус два красных в группе. Во время задержания, при попытке оказать сопротивление уничтожен один из лидеров террористов, кличка э... Старец и разведчик-наводчик, кличка э... личность

устанавливается. Прошу вызвать оперативную группу Контртеррористического комитета.

На крыльцо осторожно вышла пожилая женщина в желтом халате. Увидев тела, она закричала, сначала как-то неуверенно, но постепенно увеличивая и громкость, и решительность. Из дома выскочила еще одна женщина помладше в розовом халате, добавила крик повыше тоном и рванулась к телам.

— Утка! Останови ее, — недовольно приказал Кримстер. — Давайте по позициям, — он хмуро расставил бойцов.

Когда Айвен выезжал на улицу, уже прозвучали первые предупредительные выстрелы команды Утки, оттеснявшей женщин.

— Крим, — Мурена, одна из кап его команды, вышла на связь почему-то в открытом канале, — может, попробуем? Многовато нас для оцепления. Тут заварушка была, — метку на карте она скинула, видимо, приватно.

— Пустое дело. Они давно ушли и залегли уютно, глубоко, мягко и удобно. Паровозы город, конечно, перекрыли, будет зачистка. И нас припадут. Они у своего начальства уже поплакались, те сейчас плачутся нашему, потом дойдет до бригад, и пылить нам, братцы, тут до конца смены. Только пустые хлопоты. Это не обычные клоуны-самоделкины, тут посерьезней. Даже низовые, те гусары на автобусах, ловкие были парни. Так что они далеко, как и девять, не-ет, одиннадцать наших дронов.

Было понятно, что «мы» здесь только фигура речи. Самого Кримстера с командой очень скоро заменят, перебросят побеждать куда-нибудь еще. А вот Айвена, и вправду, до конца смены ждет сохнувшее белье чужих дворов и женские визги. В качестве улова им достанется пара трясущихся дезертиров, бухгалтер-растратчик, сбежавший с огромной кассой, равной недельной зарплате Айвена, и древний трактор, угнанный четыре года назад. Причем если семьи дезертиров и бухгалтера не совсем обнищали, свобода ждет их уже к завтрашнему утру, а трактор законный владелец получит, только перещеголяв щедростью незаконного. Еще, конечно, крайне важно и будет обязательно учтено, кто кому двоюродный племянник.

Неожиданно быстро подъехали две полицейские машины — поразительная оперативность во время боевого выхода. Полицейские здесь обычно бесследно растворялись при первых же выстрелах. Первая машина была древним джипом местного производства. Следом подъехал седан — судя по всему, списанная и перекрашенная полицейская машина, отслужившая свое где-нибудь в Задницвилле, штат Оклахома. Полицейские, как и машины, иллюстрировали реформы и перемены. Двое были в традиционной местной форме с нелепыми гигантскими фуражками, а двое — уже в новой, подражающей американской. В остальном полицейские различались не сильно и выглядели наглядным пособием, демонстрирующим стадии ожирения.

Полицейские довольно робко попытались пройти через оцепление, их, разумеется, не пустили, и они закурили возле машин, озабоченно переговариваясь со своими рациями.

Оцепление скучало, как обычно, но бойцы Кримстера к такому, похоже, не привыкли. Они начали перекликаться, причем в общем канале. Любой офицер из батальона Айвена пришел бы в неистовство от подобной недисциплинированности.

— А мальчишка не тот розовый? На велосипеде?

— Вроде, похож. Черные штаны, белая футболка.

— Тут два из трех в черных штанах и белой футболке.

— Не, не он, тот помладше и в кроссовках (похоже, не один Айвен в эти секунды искал видео в архиве), а этот в шлепках.

— Переобуться он не мог? Некоторые это умеют.

— Угу, и уши сменил.

— А если накладные?

— И линзы? Прямо, кино.

Подъехал БТР и джип паровозов. Кроме обычных бойцов, из джипа выбрался потный толстяк в светлом костюме, представившийся следователем. Почти сразу же подплыла, шелестя колесами, длиннющая машина, не так давно рожденная лимузином элитного класса. Заходящее солнце красиво играло оранжевым в тонированных стеклах. Вновь прибывший коротышка в полосатом костюме оказался городским прокурором.

— Прекрасно, поздравляю, — Кримстер заговорил в общем канале, — дедушка был заместителем здешнего бургомистра. По делам образования, медицины и спорта. В этой долбанной дыре, оказывается, все это есть. Так что вы, ребята, просто молодцы. Уничтожили, мать вашу, крайне опасного террориста. Не зря день прожили. Америка, да что Америка, весь свободный мир вами гордится.

Айвен представил остаток дня и поморщился, потом представил завтрашний день, следующую неделю и следующие восемнадцать месяцев и поморщился еще раз. Откинувшись на спинку, он медленно выдохнул в задумчивости. Шанс был крохотный. Почти никакого. Скорее всего, все сведется к злой насмешке и грубости, а Айвен не терпел ни того, ни другого. «Ладно, — он закрыл глаза, — хрен с ним, не убудет от меня». И ткнул мышкой, запрашивая канал с Кримстером.

— Ну? Чего хотел?

— Я Бобер, участвовал сегодня...

— Кто ты я знаю. Я спросил: чего ты хотел? Слушай, не в обиду, нас переводят, так что у меня для тебя не больше минуты. Го...

— Я хочу попросить, сэр, взять меня к вам, — Айвен закусил губу и до боли воткнул ногти в ладони.

— Ну, что тебе сказать. Соотношение сносное, 5.2 для вашей помойки — в целом, прилично, — по отсутствию паузы было очевидно, что Кримстер превосходно знал, о чем пойдет речь и раскрыл его статистику сразу после запроса приватного канала. — Тупишь меньше многих, кое-что соображаешь. Обход 23-го — правильное решение. Хотя, конечно, для бойца, уже восемь месяцев как выпущенного из учебки, тупишь все равно нереально.

— Мы почти не участвуем в боевых операциях, сэр.

— Понятно. Блоки, зачистки. Короче, есть у меня место, тут один наш... Не важно. Сделать из тебя человека можно при желании. Большом твоём желании. Учти, пускать восемь часов слюну в полудреме и наяривать одноглазого у нас не выйдет. В Троице так не бывает, мы падем от и до. Тебе оно надо?

— Так точно, сэр.

— Ладно, тогда еще момент, берем тебя на две недели испытательного. Если ты оказываешься, что вряд ли, к чему-то годен — перебираешься в наши края. Я старомоден, как штык, и хочу видеть людей, работающих со мной, глазами. Ясно?

— Так точно, сэр.

Айвен не колебался, тут только убогое съемное жилье да тоскующая Бет, там — сверхценная запись в резюме. Одно дело просто служба в киберпехоте и совсем другое — в знаменитой Троице. Если же еще получить какую-нибудь награду... а люди Кримстера увешаны медалями, что твоя елка... Ради такого Айвен без колебания перебрался бы на

любой из полусов, не то что в Калифорнию.

— Даю тебе время до вечера. Если решишься, кинь мне сообщение. «ОК», или «да», или «поимей меня» будет достаточно.

— Поимейте меня, сэр. Я все решил и на все согласен.

— О'кей, — Кримстер хмыкнул, — я сегодня же согласую временный перевод. Завтра выходишь во вторую. И не забудь о разнице во времени.

— Так точно, сэр.

— И вот еще что, засунь свои так-точно-сэр поглубже в задницу. Говори со мной по-людски.

— Так т... О'кей.

Справившись с радостным шоком, Айвен провел следующие полчаса в энергичных хлопотах. Он сообщил о переводе сержанту и напрямую лейтенанту. Сержант отреагировал так, словно от него сто раз на дню переводятся в элитные части, а лейтенант проявил отчетливое недовольство, впрочем, недовольство, поджатые губы и наморщенный лоб были его нормальной реакцией на любой внешний раздражитель, можно даже сказать, единственной.

Зачистка все не начиналась. Подъезжали новые машины, из них выходили новые мужчины в костюмах или камуфляже, все они много курили, негромко переговаривались по телефонам и между собой, но больше не происходило ничего.

Айвен воспользовался паузой и позвал Кучера и Сметану на кухню, сжевать наконец обеденный сэндвич. Живот уже просто сводило от голода. Новость вызвала ожидаемую эмоциональную бурю, похлопывания по спине, все эти «ах, ты сукин сын!», «ну, ты дал!». Они даже сумели не выпустить приступ зависти наружу, по крайней мере, внимательно следивший Айвен ничего не заметил и испытал некоторое уважение. Конечно, от него потребовали «взбрызнуть дельце» в «Последней капле», соседнем баре, где они проводили лучшие часы своей жизни, а Айвен был только раз или два.

— Да ладно вам, ничего еще не решено, — он попытался неуверенно отбиться.

— Не пойдет! Когда будет решено, замутим по-настоящему! За отъезд!

Сговорились на половину четвертого, чтобы всем успеть заскочить домой.

Спятившая климатическая система к концу смены сжалась и опустила жалюзи, солнце, правда, все равно уже обогнуло монитор. На другом конце света дополнительно размножившиеся мужчины продолжали бесцельно бродить в наступившей темноте, собираясь кучками, мерцая огоньками сигарет. Айвен набросал в блокноте список приглашенных, подумал и добавил Иддис, потом вычеркнул и снова добавил. Только раскидав письма, он заметил горящий красным конвертик — сообщение высшей степени важности. В письме ему очень официально и многословно предписывалось зайти после вахты в «совятню», дивизион по работе с персоналом.

Передав место Дровосеку из новой смены, Айвен взбежал на третий этаж. Нужно было торопиться. Он ездил на службу на стареньком велосипеде, если поднажать, можно добраться домой за пятнадцать минут, еще столько же до бара. На душ, переодеться и что-нибудь перекусить оставался час, вполне достаточно, если удастся быстро управиться.

Совятню делили на части бесконечные стеллажи с огромными папками. Похожие были у мамы Айвена, она распечатывала документы, счета, отчеты, декларации и аккуратно складывала в такие же папки. Ей так удобней, наглядней и привычней, отвечала мама на недоумение. За год в армейской системе Айвен ни разу не видел бумажного документа, и не

мог даже представить содержимого папок.

Принимавшая сержант, Ирис Мендес (на здешних служащих секретность не распространялась), оказалась бесцветной женщиной средних лет с тонкими, исчезающими губами. Она с невероятной скоростью и каким-то остервенением молотила клавиши, бегая глазами между сегментами монитора.

— Подпишите, — сержант не глядя сунула Айвену лист электронной бумаги.

Это было уведомление о временном прикомандировании к третьему батальону третьего полка третьей дивизии рядового первого класса Айвена Гонзалеса, позывной Бобер. Судя по скорости документооборота, Кримстер обладал волшебной властью над армейской бюрократией. Айвен подписал и протянул лист обратно.

— Заполните, — сказала сержант, не глядя на него.

Заявление сменили вопросы анкеты. Айвен первым делом глянул вниз и узнал, что ему предстоит заполнить восемнадцать страниц.

— Что это?

— Анкета.

— Я именно так и предполагал. Эта штука здорово смахивает на анкету. Что конкретно за анкета? — Айвен без удовольствия осознал свое невольное подражание Кримстеру.

— Для страховки.

— Что не так с моей страховкой?

Ирис Мендес прекратила стучать по клавиатуре и недовольно посмотрела на него.

— Вы будете участвовать в операции с совершенно другим подразделением? Следовательно, ваше дело должно быть передано другому филиалу внутри страховой компании. Это ведь очевидно! Вдруг с вами что-то случится во время операции? Кто будет за это платить?

— Я не понимаю, что может со мной случиться? Кроме того, я же буду сидеть ровно на том же месте, в том же кресле.

— Это вообще не имеет никакого значения! Вы переходите в зону ответственности другого подразделения. Учтите, без переоформленной страховки вы не сможете участвовать в операциях за пределами страны.

— О чем вы вообще говорите? Какие операции?.. Ладно. Хорошо. А нельзя переоформить страховку, не заполняя анкеты? Все мои данные уже есть в базе данных. Дата рождения, родители и все такое у меня те же, что и были.

— Разумеется, нет. Закон о защите персональных данных военнослужащих запрещает передавать их прямо или косвенно, без прямого, ясного и добровольного согласия на характер, состав и содержание подобных данных. Рядовой, не отнимайте мое время. Вы будете заполнять анкету?

— Буду, — уныло сдался Айвен, погрузившись в тоскливые канцеляризм бесконечных вопросов.

Через полчаса, когда он сообщил о завершении, сержант Мендес чуть заметно кивнула и, видимо, вывела перед собой его анкету. Побегав минуту глазами, она велела внести несколько поправок. Айвен быстро исправил и поднялся.

— Я могу идти?

— Нет, — она даже не сдержала торжествующую улыбку. — У нас еще оформление заявки на защищенный выделенный канал, потом резервирование места, заявление на персональный график доступа. Не торопитесь.

— А если мы продолжим завтра утром?

— Конечно. Правда, тогда вы сможете принять участие в их операциях только послезавтра.

Он поднялся в десять минут четвертого, за двадцать минут до встречи в баре. На прощание сержант сердечно улыбнулась:

— После принятия решения об окончательном переводе или возвращении в состав нашего подразделения ждем вас снова. Вы, рядовой, человек, судя по всему, занятой, так что учтите это в вашем напряженном графике. Всего наилучшего.

Айвен, прыгая через три ступеньки, скатился в раздевалку. Сорвал форму и яростно принял душ. Уже в штатском, но еще с мокрой головой он выскочил на велосипеде под поднимающимся шлагбаумом. Проехав квартал, Айвен проверил телефон — тот наконец заработал. На самой базе и вокруг работали только армейские кодированные каналы. Кучер не подходил. Он набрал Сметану.

— Опаздываю минут на пятнадцать. В совятне завис.

— О'кей, братан. С тебя еще пиво. Торопись, не рассчитываешься.

Сметана даже по голосу был счастлив, получив законное право улизнуть на вечер от жены и детей, двух мальчишек совершенно дикарского нрава.

Айвен поехал напрямую в бар, решив дать только небольшой крюк, чтобы проскочить через торговую зону на углу Вучестер и Линкольн-стрит. Ему нужен был банкомат, кроме того Айвен собирался прихватить в тамошней забегаловке пару чизбургеров и попробовать съесть их по дороге. Не было особенных сомнений, что половина народу опоздает еще больше него, а уж Иддис наверняка. Это, впрочем, не имело значения. Новый Человек, которым он собирался стать, не опаздывает ни при каких обстоятельствах.

Кроме того, Новый Человек не мог просто ехать на велосипеде и слушать, например, музыку, он должен был совершенствоваться. Айвен усилием воли погрузил себя в мир неправильных французских глаголов.

Банкомата, встроенного прежде в стену справа от распашных дверей Ву-марта, уже не было. Ниша аккуратно заделана, оставив на поминание лишь пятно чуть более яркой, не выцветшей краски. Последние годы, к негодованию бабушки Клаудии, банкоматы исчезали один за другим, уходя в мир патефонов, пишущих машинок и видеокассет. Айвен немного удивился, что не заметил пропажи прежде. Недельные закупки он делал в большом дискаунтере милях в десяти отсюда, но нехватку и просчеты заполнял именно здесь, возвращаясь с работы.

Айвен настучал заказ на мониторе. У соседнего возился большой парень, черней безлунной ночи, с сотней косичек, заплетенных разноцветными ленточками. Одет он был в комбинезон Ву-марта, а команды отдавал голосом на странном языке, состоящим из кудахтанья и клокотания.

— Вы предпочитаете взять заказ с собой? — спросил киоск Айвена.

— Здесь, в смысле, с собой. Воды добавьте бутылку.

— Не знаете, банкомат вообще демонтировали или, может, перенесли? — спросил он у парня в комбинезоне.

— Перенесли, — у него был какой-то чудовищный акцент.

— Вы предпочитаете взять заказ с собой? — повторил киоск.

— С собой, и бутылку воды.

— Воду с газом? Вы предпочитаете взять воду с собой?

— Без газа. Все с собой. А куда перенесли?

Соседний киоск что-то ласково проклокотал, черный, недовольно покосившись на Айвена, прокудахтал ответ.

— С вас триста сорок восемь долларов, пожалуйста.

Айвен заглянул в глазок, старомодно оформленный в виде ромашки, и вбил код.

— Так что с банкоматом?

— С чем?

Айвен изо всех сил гнал велосипед, планируя заскочить в банк рядом с домом, пересесть на машину и сжевать бургеры уже за рулем. На полпути французская решимость съезжилась и отступила. Сосредоточиться после такого дня, да еще налегая на педали, все равно не получалось, и он переключился на радио. Переключился очень удачно. Там как раз отплясывал на костях администрации сенатор от оппозиции, Джейси Шервуд, специализирующийся на внешней политике.

— По сути дела, сегодняшние события, к сожалению, еще раз подтвердили верность нашей позиции. Мы вынуждены повторять одни и те же слова, вновь и вновь. Но, несмотря на все возражения, политика администрации в этом вопросе остается насколько последовательной, настолько и ошибочной третий президентский срок подряд.

— По большому счету, это все та же администрация, — решил вставить словечко ведущий.

— Безусловно. Я призываю слушателей задуматься, уже многие годы мы оплачиваем триллионами долларов и бесценными жизнями наших парней некомпетентность и упрямство администрации. Перед нами поставлены ложные цели, к которым мы двигаемся негодными средствами. Такой подход ведет исключительно к катастрофе и деградации.

— Все-таки, если вернуться к сегодняшним событиям. Многие эксперты считали, что пик активности террористов пройден. И вот опять тяжелые потери. Двенадцать погибших только за сегодня, семьдесят один военнослужащий с начала месяца. Грустный рекорд последних семи лет. Последний раз с подобным мы сталкивались во время саратовской резни. По вашему мнению, в чем причина столь резкой перемены вектора развития?

— Прежде всего, я не вижу особенных изменений. Военные действия ежегодно затихали зимой, чтобы возобновиться весной с новой силой. Хотелось бы напомнить слушателям, что уже семь лет назад под беспрецедентным давлением администрации принята большая программа автоматизации в инженерных частях и авиации. Мы возражали тогда и повторяем сейчас, что принятые решения были преждевременны. Нам обещали снижение численности военнослужащих, физически присутствующих в горячих точках, на два порядка. Результат? Численность контингента выросла в полтора раза! И вы говорите об успехах?

— Военные утверждают, что применяемая боевая мощь выросла за это время в шесть-семь раз.

— Лукавая статистика! Они складывают теплое и длинное, чтобы потом разделить на зеленое. Я назову вам реальные цифры, действительно важные для каждого американца. Только на проваленную программу автоматизации за эти годы истрачено двадцать четыре триллиона долларов! Двадцать четыре триллиона! Каждому американцу стоит задуматься над этой цифрой, заполняя налоговую декларацию.

— Если быть справедливым, необходимо признать, что многие нынешние проблемы возникли до прихода республиканцев в Белый дом, при их меньшинстве в обеих палатах.

— Не могу согласиться. Одно дело — адекватная реакция на внешнеполитический кризис и совсем другое — бессмысленное упрямство. Я думаю, нет необходимости напоминать, при каких обстоятельствах президент Суарес был вынужден принять свое историческое решение. Решение абсолютно верное, как я считал тогда и считаю теперь. Вообще, подход республиканцев к любой проблеме одинаков до комичного. Например, политическое старичье, вроде меня, прекрасно помнит, как они были обеспокоены нашим государственным долгом. «Непристойно огромный», так называл его президент Коллинз во время своей первой избирательной кампании. И что мы видим сейчас? Рост долга за одиннадцать лет без малого втрое!

Этот банкомат еще не выкинули. Айвен снял три тысячи и погрузился в расчеты, сжимая пачку пятидесятидолларовых. Если девять человек, на три круга пива... Можно, конечно, одолжить при нехватке. Но Новый Человек не станет ни о чем просить без крайней необходимости, и Айвен решительно снял добавочные две тысячи. На этот раз банкомат выдал двадцатки. Только получив вторую пачку, он осознал два существенных обстоятельства. Во-первых, где-то в глубинах примитивного меню можно было выбрать достоинство купюр. Власти упрямо отказывались вводить купюры крупнее сотни, борясь таким затейливым образом с наличным оборотом, но даже в сотенных это выглядело бы не так угрожающе. Во-вторых, у него есть только два кармана, и оба спереди на плотно облепляющих по нынешней моде штанах.

— Безусловно, — продолжал сенатор, — мы должны больше опираться на местные полицейские и военные силы.

— Многие сомневаются в их надежности и лояльности.

— Такой подход, такая двусмысленность позиции, одна из центральных наших ошибок. Либо у нас есть надежные союзники, заслуживающие доверия, либо союзников у нас нет. Тогда возникает вопрос: чем мы занимались все эти годы? Куда ушли неисчислимые ресурсы, реки денег, тысячи жизней, если мы не смогли найти людей, разделяющих наши идеалы? Я убежден, это не так. Логично, но прискорбно, американские медиа редко и вскользь упоминают о потерях наших друзей. А ведь они многократно, в десятки, в сотни раз, превышают наши. Недоверие, с которым так часто приходится сталкиваться, оскорбляет этих мужчин и женщин, отдавших и отдающих жизни во имя свободы и демократии. Мужчин и женщин, ежедневно сражающихся бок о бок, плечом к плечу с нашими ребятами. Конечно, в первую очередь нужно упомянуть военнотружущих и бойцов сил контртеррористического комитета, чей облик так часто пытаются облить грязью в погоне за дешевой сенсацией. Но не только они, любой политик, полицейский, даже обычный предприниматель или учитель ведет там жизнь, полную риска и опасностей. Каждый раз, видя их светлые лица, их нестигаемую веру в лучшее будущее своей истерзанной земли, я чувствую огромную гордость, что такие люди сражаются рядом с нами и вместе с нами. Наш долг помочь им и доверять им.

Айвен переключил радио на динамики своего мерседеса, настоящего кожано-деревянного монстра, способного украсить автомобильный навес покойного вице-бургомистра. Двадцать лет назад дедушке Карлосу попала под хвост вожжа, и он купил эту машину, проигнорировав все доводы разума и даже, может быть, впервые в жизни — бабушку. Мерседес и тогда не был, разумеется, новым, машина из-за бензинового двигателя продавалась совсем недорого, бензин уже считался проблемой. Вышедший на пенсию дед ухватился за единственный шанс в жизни поехать на чем-нибудь стоящем, вместо обычных

развалюх. После его смерти машина лет пять стояла без движения, и бабушка с удовольствием от нее избавилась, подарив Айвену.

— Внешняя политика, проводимая нынешней администрацией, привела нас к тяжелейшему кризису. Еще раз повторюсь, наша страна преследует ложные цели негодными средствами. Все громче звучат обвинения от наших критиков, а если называть вещи своими именами, от наших врагов. Они называют наше правительство службой безопасности ресурсных компаний. И можно ли, положа руку на сердце, полностью отвергнуть это обвинения? Это политика девятнадцатого века, направленная против соперников из двадцатого. При этом мы, по сути, игнорируем подлинных конкурентов и подлинные вызовы. Посмотрите вокруг. Индия, Китай. Они всюду, они теснят нас на рынках, в технологиях, в Африке, в Азии, в Латинской Америке, даже в Европе, даже в Мексике. Китайский флот уже хозяйничает в Карибском море, а наш выставили из Японии, Персидского залива, даже из Италии и Греции. Чтобы сохранить наследие предков, мы обязаны обратиться наконец к будущему или у нас его не будет.

— Нет сомнения, новые, прорывные технологии, возникающие повсюду в альтернативной энергетике, позволят в ближайшие десятилетия избавить наконец мировую экономику от нефтегазовой зависимости. Ветроэнергетика, солярная энергетика, сосредоточь мы в этих областях наши ресурсы, вместо фантастических расходов на фантастические программы перевооружения, без сомнения, мы уже расстались бы с позорной для XXI века зависимостью от ископаемого топлива.

На входе в бар Айвену пришлось задержаться перед шлюзом безопасности. Слышно было плохо, но, судя по обрывкам разговора, какой-то мужчина пытался зайти в бар с ножом, его, конечно, не пускали, а он кричал и грубил с характерным акцентом. Минуты через три дверка шлюза отъехала, тощий нигериец плюнул на пол и вывалился на улицу, сжимая здоровенный тесак и продолжая ругаться. Трудно было даже представить, как такой подарок забрел в их тихий район и на что рассчитывал. Выглядел он вылитым актером из недавнего сериала про уличные банды, даже в штанах, имитирующих джинсы с накладкой, имитирующей плотно обтянутые гениталии фантастического калибра.

Айвена попросили встать на желтые следы на полу, достать ключи от машины, показать, что в левом кармане (он выгреб ком денег). Все происходило на таком старомодном и аристократическом языке, каким сейчас вряд ли пользуются даже на приемах у английского короля. Операторов охраны теперь набирали бог весть из каких афроазиатских дыр, держа на затруднительный случай одного-двух с сомнительным английским. Основная масса орудовала автоматическими переводчиками.

— Прошу прощения, сэр, к нашему огромному сожалению, в соответствии с действующим законодательством, мы не вправе продавать спиртное посетителю вашего возраста. В случае нарушения вами федерального закона о минимальном возрасте потребления спиртного, вы можете... мы вправе...

— Понятно, не собираюсь я...

Автомат продолжал бубнить про наказания, параграфы и подпункты. Оператор, видимо, уже отключился, так что прослушать предстояло полностью. Голос оттарабанил положенное, и внутренняя створка отъехала, впуская его внутрь.

Бар «Последняя капля» был заведением не самого последнего разбора, тут до сих пор работали живые бармены, а не автоматы под присмотром кого-нибудь из Конго или Пакистана. Присутствовала даже некоторая претензия на изыски в интерьере.

Многочисленные светильники, работавшие сейчас на минимальной яркости, изображали рюмки, бокалы, пивные кружки и бутылки разнообразного спиртного.

Все, и даже Иддис, были уже в сборе, стол заставлен пивом, лица оживлены алкоголем, а может, только предвкушением, уже слишком громко смеются и почти кричат.

— Посмотрите на нашего героя! — щеки у Сметаны горели красным. — У тебя там бумажник или ты рад нас видеть? Кого конкретно? Иддис, Бобер хочет нас унижить, мало того что его берут в Троицу, он еще и хвалится своими причиндалами. — Сметана любил шутки времен осады Трои, каждый раз подавая их с таким видом, будто сам только что изобрел.

— Деньги, банкомат мелочи надавал.

— А зачем тебе столько? Ах да, все время забываю, как ты юн.

— В смысле? — заинтересовалась Иддис.

— У него за выпивку платеж не примут, он же молокосос.

— Ну да, когда у меня в прошлом году начали принимать, жизнь стала намного удобней, — Кучер улыбнулся, как он умел, словно говоря, что жизнь не такая уж скверная штука, и люди не так безнадежны, как принято считать.

— Странно это. Парень может жениться, завести детей, может стрелять по живым людям и делать ошибки стоимостью в кучу миллионов, но не может заказать кружку пива, — Сметану тянуло в банальности не только в шутках.

Заговорили о том, как все же добыть Айвену выпивку. Сметана, конечно, был знаком с барменом и уверял, будто знает расположение камер.

— Ничего не надо.

— Зря отказываешься, шанхайское у них просто чудо какое-то.

— Я за рулем.

— Ну и что? — снова удивилась Иддис.

— У меня автопилота нет.

— Как это? Что это за машина такая?

— Ты не поверишь, она у него еще и бензиновая, — улыбнулся Кучер.

— Бензиновая? А где ты берешь бензин?

— В Вочестере есть заправка, не так далеко, в общем-то.

Те, кто еще не знал о машине, задали обычные вопросы. Айвен дал обычные ответы, отточенные уже до автоматизма. Нет, это вовсе не дорого, он ездит совсем мало, обычно раз в неделю до продуктового. Было удивительно, насколько люди все берут на веру. Им сказали, что бензиновая машина — это дорого и несовременно, и они поверили. А ведь на небольших пробегах бензин, при всех драконовских акцизах, куда выгодней, и чтобы убедиться в этом, не надо быть академиком, довольно калькулятора и капли разума.

— Умели все-таки делать вещи. Нынешняя машина дай бог лет до пяти доживает, восемь уже чудо, а эти по тридцать лет — и хоть бы что, — сказал Сметана истертую банальность. Вид у него при этом был такой, как будто бы до него это никому и в голову не приходило.

— Моя немного прошла. Дед на пенсии мало ездил, а последние годы, после его смерти, и вовсе стояла.

— То есть ты просто сел в нее после нескольких лет и поехал?

Айвену казалось, что Клоун уже спрашивал его о чем-то подобном прежде и, может быть, даже не раз, но он покорно ответил:

— Кое-что пришлось поменять. Аккумулятор, конечно, еще по мелочи.

— Аккумулятор? — удивилась Иддис.

— У него не такой как у нас, — засмеялся Кучер, — у него недорогой.

— Шикарная, должно быть, тачка, — Иддис провела языком по губам, считая, видимо, это движение необыкновенно соблазнительным и пикантным, — прокатишь меня?

Айвен не нашел вежливого отказа и молча кивнул. Машина оказалась отличным решением, позволив отделаться от выпивки. Айвен, а точнее Новый Человек, мало ценил алкоголь, считая себя стоящим парнем и без изменения сознания. Он себе нравится и так. Не нуждался Новый Человек и в искусственном веселье, в иллюзии дружбы. Вот отец Айвена обожал пиво, бары, своих расплывшихся жиром приятелей, задушевную пьяную болтовню. Еще они с матерью любили барбекю на заднем дворе, курорты «все включено», комедийные шоу по ящику. Но когда речь зашла об учебе, они смогли помочь лишь дешевыми советами. «Главное будь мужиком», — хлопал Айвена по плечу отец. К сорока семи у него был полный рот белоснежного вставного дерьма, 250 фунтов веса, отдышка, лысина, гнилое дыхание и куча апломба, словно он до сих пор звезда школьного бейсбола. «Главное будь мужиком. Держи себя, и все будет пучком».

И все же Айвену нравилось быть здесь, нравилась атмосфера дружеских подколов, беззаботности, сексуальных двусмысленностей. Он сыграл с Кучером партию на бильярде под тремя яркими светильниками в виде бутылок шампанского. Кучер сегодня был особенно в ударе, и Айвен до рези в животе хохотал над его шутками.

Все было мило, даже Иддис, захмелев, не особенно наседала этим вечером, алкоголь, похоже, придал ей уверенность. Все было мило и потому плохо. Новый Человек не может забывать настоящей цели, а эти люди, при всей симпатии, — неудачники, не заслуживающие места в его будущем. Их устраивала работа, устраивало неотличимое от настоящего будущее, они, кажется, ни о чем особенном уже даже не мечтали, разве что Иддис о муже, семейном гнезде и ребятишках. А для Айвена киберпехота — лишь первая ступенька длинной лестницы. В отличие от сослуживцев, он не собирался провести лучшие минуты своей жизни, разжигая гриль на заднем дворе дряхлого домишки. Будь у него стопроцентная уверенность в Калифорнии, Айвен скорее всего отказался бы от вечеринки. Конечно, Новому Человеку не годится обижать людей и рвать связи без особой необходимости, но вечер бесцельной болтовни не перевесил бы несколько часов занятий. Пусть даже ценой некоторой напряженности в отношениях с лишними людьми.

Когда они вернулись за столик, Кучер кивнул, изогнув бровь. За стойкой сидела одинокая, за пятьдесят, по меньшей мере, женщина, наряженная в красное платье и бесконечные шпильки. Даже в полутьме бара губы, грудь и осанка балерины намекали на основательные хирургические счета.

— Ей бы здорово пригодилась табличка: «трахните меня люди хорошие, чего я тут как дура третий час беленькое цежу», — хихикнул Сметана.

По крайней мере женщина отвлекла его от беседы, больше похожей на лекцию, посвященную сдвоенным дронам. Затея производства дрона на сдвоенной стандартной платформе много обсуждалась последнее время. По слухам, китайцы, индусы и немцы тоже работали в этом направлении. Теоретически, подобный дрон мог нести усиленное бронирование и вооружение, но пока, за исключением нескольких сомнительных утечек и еще более сомнительных мутных фотографий, ничего толком известно не было. Объективная реальность не мешала Сметане со знанием дела обсуждать технические характеристики и

подробности тактики боевого применения сдвоенных дронов в составе огневых команд. Вообще, он был большой эксперт по части тактики и стратегии, правда, большинство офицеров старались его на боевые выходы не брать. Сметана раз за разом пытался исполнить сложнейшие манипуляции собственного изобретения. Мало того, после каждого провала он отказывался признавать ошибку и бесконечно спорил даже с офицерами, объясняя случившееся маловероятным стечением несчастливых обстоятельств, а не закономерным последствием собственной глупости.

— Ей ведь, — продолжил Клоун, обращаясь к Иддис и не замечая остальных, — ей ведь он даром не нужен. У них никогда не было эмоционального контакта. Абсолютно никакого. Нет, она любит изображать любящую мать, но это так, для вида. А вообще ей на него наплевать. Ей главное мне под кожу забраться. Отомстить. Неизвестно за что. А парень...

Алкоголь действовал на Клоуна парадоксально. После нескольких порций он не расслаблялся, а, наоборот, погружался в глубины своего многосерийного развода — единственной темы, действительно интересующей Клоуны. Айвен уже был посвящен, и существенно подробнее, чем хотелось бы, в отвратительные подробности судебной баталии за скудные пожитки и шестилетнего сына.

— Происходит закономерный исторический процесс, — Сметана нашел новый повод порассуждать, — когда-то люди придумали кидать копьё. Так появился дротик. С этого момента бой становился с каждым витком все более дистанционным. Дротик сменил лук. Лук — арбалет. Арбалет — мушкет. Мушкет — винтовка. И так далее. С каждым разом дистанция все увеличивается, причем промежутки между новыми эпохами становятся все короче. Неизбежно и очень скоро необходимость в физическом присутствии инженеров исчезнет. Мы вступаем в эпоху полностью дистанционной войны.

Сметана раздражал Айвена боевыми глупостями, дважды стоившими ему техники, и их бесконечными оправданиями. Еще больше раздражал привязанностью к многословной отвлеченной болтовне и титаническим банальностями, которые он представлял озарениями и вдобавок подавал их менторским тоном. К тому же Айвен против воли вспомнил мальчика с клюшкой, так и не узнавшего о дистанционной войне.

— Полностью с тобой согласен. Действительно, все дальше и дальше. Мне только кажется, еще до того, как уберут напильников, уволят всех нас. Если задуматься, нас легко можно заменить ребятами откуда-нибудь из Бангладеш. По сути дела, чистая инерция, что этого до сих пор не случилось.

Поднялась буря встречных аргументов. Во-первых, одно дело вахтерский пост, а другое — колоссальная ответственность киберпехотинца. Во-вторых, государственная безопасность. В-третьих, языковой барьер, а автоматические переводчики по-прежнему несовершенны. И так далее. Сослуживцы Айвена просто отказывались признавать очевидную обреченность своей профессии. Наверно, так же когда-то спорили с судьбой водители-дальнобойщики, таксисты, машинистки, кольчужные ремесленники и прочие мастера обточки кремниевых наконечников. Сослуживцы держались за уверенность в убогом своем будущем, за пенсии, за непыльную работенку, лишённую самой ничтожной ответственности.

Квартирка Айвена лепилась на втором этаже над умирающей аптекой. Хозяин аптеки и квартиры, полусумасшедший сириец лет восьмидесяти, довел недвижимостью до крайнего упадка. Облупившиеся стены, запашок плесени, обвалившийся кафель, вздыбленный пол. Впрочем, неправдоподобная цена искупала любые недостатки. Образование, а Айвен метил

на самое лучшее, продолжало дорожать. Даже со стипендиями и армейским кредитом годы учебы обернутся туго.

Квартира ютилась под самой крышей, дурно, видимо, изолированной. Лето еще не началось, но уже было жарко и душно, и, похоже, следующие несколько месяцев, если только не выйдет с Калифорнией, ему придется несладко. Зато зимой тут был настоящий ледник.

Пожелтевший кондиционер заскрипел и зафыркал, но надежды давал немного. Кажется, все его старческие силы уходило на производство странных звуков, на холод уже не хватало. Кондиционер произвела неизвестная человечеству китайская компания в те незапамятные времена, когда в Китае выпускали еще бюджетные кондиционеры.

У дряхлого монитора на стене опять отклеился левый верхний угол, свесившись и скрутившись, открывая не выгоревшую краску и следы предыдущей неудачи. Айвен им не пользовался, предпочитая собственный компьютер, единственную стоящую вещь, принадлежащую ему. Все же беспорядок раздражал, нужно будет на неделе подыскать клей понадежней, может, почитать в сети или заехать посоветоваться в строительный.

Айвен быстро разделся, оставшись в одних трусах. Презрев моду, он носил боксеры вместо повсеместных плавок. Айвен никак не связывал себя с уголовниками, нацистами, религиозными гомофобами и прочим сбродом, просто в боксерах ему было удобней.

Сидя на кровати, Айвен подсчитал остатки наличных и со вздохом занес результат. Сегодняшний день опять пробил брешь в графике сбережений, и следовало отыскать слабинку в планируемых расходах. Айвен вычеркнул субботнюю пиццерию и мороженное на две недели вперед. Подумав, вернул мороженное, раздвинув пиццерийное воздержание на третью неделю. Спать хотелось ужасно, но он заставил себя повторить французские неправильные глаголы, пролистал записи последних дней по математике и словесности. У Айвена проснулся вкус к знанию, вышедший уже за пределы узкой цели поступить в университет. Новый человек должен быть образованным человеком. И чем больше он узнавал из книг и сетевых лекций, тем больше понимал, каким скотоприемником была его школа, каким, в сущности, зверинцем, предохраняющим округу от разорения малолетними хищниками.

Лежа в темноте, Айвен долго не мог заснуть, прокручивая разговор с Кримстером и тщательно обдумывая завтрашнее поведение. Было душно, мешал кондиционер, перешедший на какое-то странное бульканье. Он несколько минут боролся с ленью, наконец рывком поднялся с кровати, выключил кондиционер и распахнул оба окна. Скинув и трусы, Айвен нырнул под простыню, на этот раз почти мгновенно заснув.

— Просыпайся.

В комнате горел резкий белый свет, бросаемый конусами дешевых потолочных светильников. На кровати сидел бритый наголо здоровяк. Он неприятно ухмылялся, мощные мускулы выглядывали из-под черной майки.

— Вы кто?

— Твоя большая лысая проблема. Просыпайся, — он снова несильно тряхнул Айвена.

От характерного акцента Айвен разом пришел в себя. На груди бритого была татуировка профиля Сталина, частично прикрытая лямкой. На плечо нанесена стилизованная граната с чекой в виде серпа и молота, а на руке, пониже локтя, трехцветная аббревиатура из пяти букв. По краям буквы стояли нормальные, а посередине большая кириллическая раскоряка, похожая на жука. Символика, хорошо знакомая Айвену. Там такое рисовали на стенах и

заборах чаще ругательств, названий спортивных клубов и музыкальных групп вместе взятых. Он потряс головой, отгоняя наваждение, но это был не сон. На кровати сидел самый настоящий ушан. Айвен знал, что такое случилось и прежде. Одна только резня в Португалии зимой чего стоила.

— Очнулся? Слушай меня. Слушай внимательно, внимательней, чем когда-нибудь кого-нибудь за твою никчемную жизнь. Ты Айвен Гонзалес, позывной Бобер?

— Нет, вы...

Ушан хлестнул по лицу, из разбитых об зубы губ потекла кровь.

— Не люблю вранье. Глупость тоже не люблю. Ты сделал сразу две вещи, которые мне не по нутру. Большая ошибка. Не повторяй ее. В следующий раз будет намного хуже. Понятно? Понятно, я спрашиваю?!

Айвен кивнул.

— Еще раз. Ты Айвен Гонзалес, позывной Бобер?

Он снова кивнул.

— Идем дальше. Делать будем так: я называю позывные, ты даешь имена или адреса. Про одних я знаю и так, про других нет. За каждое вранье я что-нибудь тебе отрезаю: ухо там или палец. — В руке вспыхнул нож. — Ясно?

— Угу.

— Будешь умным — останешься живой, здоровый и целый. Будешь дураком — умрешь. Причем, очень больно. Потом я проведаю твою семью и всех: маму, папу, братьев, сестер, кого найду, в общем. А найду я всех. Правила понятны?

— Да.

— Вот еще. Ответы «не знаю» и «не помню» я тоже не люблю. Мне нужны: Весло Кучер, Мыло, Сметана...

— Подождите, я ведь так не помню... В смысле, наизусть. Можно мне телефон взять или компьютер?

— Где это? И смотри, без шуток мне.

— Там, — он ткнул пальцем в стоящую в дальнем углу этажерку, древнюю кособокую поделку под шестидесятые прошлого века.

Лысый подошел к этажерке и недовольно спросил:

— Где тут?

Айвен скатился с кровати и ринулся к двери.

— Стой, сука! Хуже будет!

В темноте коридора он обрушил за собой вешалку. Ушан споткнулся и выругался по-русски. Айвен скатился по лестнице, распахнул дверь на улицу, когда гроыхнул выстрел, и свистящая пуля срикошетила от стены.

На улице ушан выстрелил еще дважды, но, похоже, совсем мимо. Айвен несся, не разбирая дороги. Тротуар был мокрым после ночного дождя, и больше всего на свете он боялся поскользнуться. На одном из поворотов Айвен чуть не упал, бешено колотившееся сердце на мгновение остановилось.

Тихие улочки спали, ни одно окно не горело, только фонари отражались в мокром асфальте. Где-то там, в нескольких шагах, на другой планете, беззаботно посапывали люди, набравшиеся сил перед рабочим днем, не зная, что совсем рядом его гонят, словно зверя. Ноги были уже сбиты в кровь, но Айвен ничего не замечал. Ему нужно было посмотреть назад, но он боялся, мог закричать, но боялся, боялся выдать себя, и просто бежал,

перепрыгивая через лужи побольше, бежал как никогда в жизни.

В лицо ударил свет фар. Почти сразу на крыше машины зажглись синие мигающие фонари. Сперва с пассажирского, а потом и с водительского места выскочили полицейские. Айвен согнулся, задыхаясь, не веря своему счастью.

— Не двигаться! Парень стой спокойно, так чтоб я видел свои руки.

Они думают, это пистолет? Айвен, не в силах сдержаться, залился истеричным смехом. Никогда в жизни он еще не чувствовал такого огромного немыслимого счастья.

— Вы принимали наркотики?

— Нет... — Айвен заливался смехом. Он понимал, как выглядит, и пытался сдержаться. — Послушайте...

— Алкоголь? — копы осторожно приближались, держа руки на кобуре.

— Да нет же. На меня...

— О'кей. Тогда скажи нам, придурок, что ты тут делаешь посреди ночи голышом? Ты что, чокнутый нудист-марафонщик? И почему ты ржешь, как обдолбанный?

— Я ведь и говорю, на меня напали. Я...

— В сауне что ли? — говорил только один коп, здоровенный чернявый парень средиземноморского типа, похожий на итальянца или грека. Напарник, блондин еще больших, совсем уже гигантских размеров, молчал и, не отрываясь, следил за Айвеном. Больше всего он напоминал анимированного викинга из недавнего сериала.

— Послушайте меня хоть секунду. Я служу в киберпехоте, на меня напали в моей квартире. Он все знал: имя, позывной. Знал позывные других ребят. Хотел адреса. Говорил, что некоторые знает, а некоторые нет, что так он меня проверит.

— Фига себе, — итальянец присвистнул и сразу начал бормотать в невидимый коммуникатор.

Гигант открыл дверцу и молча качнул головой. Пока Айвен забирался на заднее сидение, блондин, также без слов, принес из багажника толстый плед и сунул в руку оплетенную кожей фляжку. Айвен глотнул слишком сильно и закашлялся. От виски побежало тепло, он даже почувствовал, как немного спало напряжение. Айвен закутался в плед, стараясь глубже дышать. Нужно было успокоиться, привести мысли в порядок.

В конце концов, самое страшное позади. Он жив и, похоже, без нескольких часов звезда. Как распорядится удачей? Или катастрофой? Как обойтись с разрушенной анонимностью? Что теперь будет? Согласится завтра на телеинтервью? Отказаться? Разрешат ли власти?

— Значит так, — «грек» сел на правое переднее сидение, и, вдруг, слегка даже испуганно встрепенулся. — Ты че, все-таки бухой?

— Не, не, это он мне дал.

— Смотри, парень, я разбудил капитана. Кого он сейчас разбудит, я даже знать не хочу. Так что если у тебя такие шутки, лезь лучше сразу обратно мамке в письку.

— Офицер, хватить болтать. Это не шутки. Он знал позывные, знал мое имя. Стрелял по мне. Делайте свою работу.

— Стрелял? Ладно, тронули, — полицейский коснулся плеча напарника, сидевшего за рулем.

«Викинг» выставил маршрут. Внимательно следивший за проекцией на лобовое, Айвен узнал только, что адрес запомнен под М и расположен в 6.8 мили отсюда. Чертовы бездельники. Даже кретины-третьеклассники запоминают точки под говорящими именами.

— Короче. Тебя как зовут?

— Айвен Гонзалес.

— Короче, Айвен Гонзалес, возьми тебя в участок или, тем более, домой опасно. Побудешь, пока подтягивается кавалерия, в... в безопасном месте. Нам нужны телефоны и адреса. Для начала тех, кого он упомянул, потом всех ваших, всех, кого вспомнишь. Сейчас самое главное вытащить их из дома, — Коп достал из бардачка потертый кубик, разложил древний планшет в шестнадцать раз, до полного размера, и сунул ему. — На.

Старенький планшет послушно заработал. Правда, сразу отщелкнулось крепление верхнего сегмента, сложившегося внутрь. Коп напрасно беспокоился, раскладывая, у Айвена был такой же в детстве. Он прекрасно помнил, как с ним обращаться, и первым делом сложил пополам.

Давай же, сними трубку! Ну, пожалуйста!

— Здравствуйте. Который час? — даже разбуженный посреди ночи, Кучер звучал заспанно, но не раздраженно. — Что-то случилось?

— Да! Просто кошмар!

— Я могу чем-то помочь?

— Нет. Смотри, на меня напали...

— Хочешь, чтобы я подъехал?

— Нет же. Он знал адрес, знал позывной. Он стрелял в меня! Ушан знал твой позывной. И других тоже.

Кучер не отвечал, пытаясь переварить услышанное.

— Сэр, — заговорил брюнет, перегнувшись к планшету, — я офицер полиции. Нам необходимо действовать максимально оперативно. Вы проживаете один?

— Нет. Тут мама, младшая сестренка, сегодня еще у нас старший брат с женой. У них малышка, ей семь месяцев.

— Отлично, мы отправляем за вами микроавтобус. Вас всех перевезут в безопасное место. Уточните адрес, — он повторил ответ Кучера в коммуникатор. — Гарднер-стрит 234. Пятеро взрослых плюс младенец. У вас отдельный дом?

— Да.

— Отлично. Разбудите всех и будьте готовы через пятнадцать минут. Подумайте, координаты каких сослуживцев вы знаете. Через десять минут с вами свяжется наш офицер. О'кей, Энн? Вместе с ней вы предупредите всех, кого успеете. Пожалуйста, не покидайте дом до приезда наших людей, ни в коем случае никаких контактов без нашей прямой санкции и участия. Хорошо? Вы все поняли?

Следующей была Идрис. Она ответила почти сразу, словно ждала звонка.

— Милый, привет, — голос был одновременно пьяный и заспанный, — ты соскучился?

Машина въехала в безжизненную промзону, мимо заскользили темные коробки зданий с изредка освещенными парковками. Они успели сделать четыре звонка, прежде чем припарковались, и трое (им везло) ответили. Безопасное место оказалось огромным складским ангаром. Брюнет, зажав щекой фонарик, долго возился с ключами, чертыхаясь. Выключатель тоже нашелся не сразу. Наконец зажглись несколько светильников возле входа, дальняя часть по-прежнему тонула в темноте. То ли склад, то ли цех был совершенно пуст, только в углу стоял облезший, вряд ли работающий погрузчик и кое-где виднелся неряшливый мусор: куски пенопласта, доски, лоскуты пластиковой пленки, обрывки веревки, несколько перфорированных цилиндров неясного назначения.

— Выглядит заброшено, — осмотрелся Айвен.

— Не совсем. Нас попросили присмотреть... Не отвлекайся, приятель. У нас нет на это времени.

Сбоку нашлась неприметная каморка с колченогим столом и садовыми стульями, почему-то новыми и чистыми. Они звонили и снова звонили. Кто-то снимал трубку, кто-то нет. Иногда, и все чаще, брюнет, прислушавшись, отрицательно качал головой: «Этого уже отработали». Испуганный голос по последнему номеру все уже знал и ждал машину. Айвен рылся в телефонной книге, ища пропущенные контакты, когда вдруг вспомнил. От ужаса к лицу прилила кровь, и бросило в жар.

— Родители. Черт!!! Он упоминал родителей! Мы должны их вытащить!

— Кого?

— Моих родителей! Пошлите к ним кого-нибудь, они в Оклахоме.

— Брось. Это просто блеф. Зачем они ему?

— Он обещал убить их.

— Пустая болтовня.

— Откуда бы вам это знать?! Вы что, поймали его? Да даже если и так, ушан явно не один. Одному такое ни за что не провернуть. Их надо немедленно вытащить из дома, хотя бы предупредить!

— Не нужно лишних контактов. Я передам, с ними свяжутся. И успокойся, страшилки, угрозы — просто треп, легче сказать, чем сделать.

— Он знал, как меня зовут, знал мой адрес, знай мой позывной. Любой дебил найдет моих родителей за пару минут. У матери в сети лежит миллион моих фоток. Сделайте что-нибудь немедленно.

— Спокойно, шеф. Ты, похоже, здорово привязан к своим предкам, — полицейский улыбнулся и взялся что-то бормотать в воротник.

— Я все-таки сам позвоню, — Айвен потянулся к планшету.

Брюнет хлопнул по планшету ладонью.

— Не нагоняй панику. Незачем никуда звонить.

Разрозненные и бессмысленные кусочки пазла разом собрались вместе. Собрались так быстро, что Айвена снова полыхнуло изнутри жаром. Он не мог понять, как ничего не замечал прежде. Брюнет не был греком. Итальянцем он тоже не был. Там, на той стороне встречался такой средиземноморский типаж. Их называли кавказцами, и это означало не просто белый, а, в буквальном смысле, выходец с Кавказа. У него даже проскакивал легкий гортанный говор, характерный для конкретного народа. Чертов адреналин мешал вспомнить, какого именно. Айвен долю секунду даже пытался выкопать в памяти застрявшую информацию, словно она имела сейчас какое-то значение. Второй парень, светловолосый гигант, за все время не произнес ни слова, и он не был, конечно, ни шведом, ни поляком. А еще, с первого звонка прошло минут сорок-пятьдесят, но ни одной машины, даже с Кучером, так и не подъехало.

— Наверное, вы правы, — Айвен собрался и даже сумел, пусть немного кривовато, улыбнуться. — А где тут сортир? — спросил он прямо в лицо блондина.

Тот молча поднял светлые и безумные глаза.

— Ну, не важно, выскочу на улицу отлить, — Айвен поднялся, вышел из комнатки и, стараясь не ускоряться, направился к выходу из склада.

— Сообразительный ты парень, Айвен Гонзалес.

Он услышал сзади грохот шагов, не оборачиваясь, побежал, даже схватил за дверную

ручку, но было заперто. Айвен еще продолжал тупо дергать дверь, когда на него словно рухнула крыша, от удара бросило в сторону. Айвен сделал несколько шагов, хватая воздух руками, почти поймал равновесие, но споткнулся и рухнул в неряшливую кучу мусора, снова что-то ободрав.

Успокойся! Не паникуй! Выруби его!

Айвен встал на одно колено и ждал, не поднимаясь, всем видом демонстрируя побежденность и потерю ориентации. Когда блондин подошел поближе, он изо всех сил, как мог резко, подался вперед, метя кулаком в пах. Гигант легко, как-то даже небрежно отвел левой рукой выпад, а правой врезал снова. Айвена перелетел через мусор, красиво разбросав веер кровавых брызг, и тяжело рухнул спиной на бетонный пол. Блондин неторопливо подошел к нему, попробовал ухватить за волосы, но прическа оказалась слишком короткой. Тогда, взявшись за подмышку, подтащил к ближайшему столбу, заломил руки и щелкнул за столбом наручниками.

Айвен очнулся от почти обморока и вскочил на ноги, вскочил слишком резко — закружилась голова, он едва не упал опять.

— Послушайте, парни, — Айвен и сам не знал, что хочет сказать, но договорить ему все равно не дали.

Блондин заехал в живот. Айвен рухнул на колени, снова разодрал их. От удара об столб по спине побежала струйка крови, он обмочился, но все это не имело значения. Вообще, все на свете потеряло значение, кроме следующего глотка воздуха.

Блондин, ухватив за подбородок, резко поднял его. Здоровяк криво улыбался, медленно сжимая огромный кулак, Айвен зажмурился, ожидая последней вспышки боли. Неожиданно кавказец что-то резко сказал, кажется, по-русски. Светловолосый недовольно ответил, но отпустил Айвена, снова упавшего на колени, повиснув на наручниках.

— Ну что, говнюк, — блондин нагнулся к нему так низко, что Айвен чувствовал вонь его дыхания, — страшно? — он говорил негромко, с чудовищным акцентом, голосом, неожиданно высоким для такого большого человека.

— Убивать не страшно было? С джойстиком и банкой колы? Не страшно?

Брюнет снова что-то сказал, на этот раз деловито и спокойно, ушаны двинулись к выходу.

— Не скучай, Айвен Гонзалес. Мы скоро, — свет погас, оставив его в темноте.

Несколько секунд спустя на улице зашелестели шины отъезжающей машины.

Постепенно к Айвену вернулось дыхание, и он обнаружил, что отчаянно трется наручниками, пытаясь перетереть то ли их, то ли бетонный столб футового диаметра. Нужно было успокоиться, перестать ухудшать без того скверные шансы. Усилием воли он остановил грызущие мысли упрекающие в глупости, детской наивности, неспособности разглядеть грубую подделку. Пытаясь действовать разумно, Айвен закрыл на полминуты глаза, рассчитывая привыкнуть к темноте. Когда он их открыл, по-прежнему было ничего не видно, но Айвен странным образом немного успокоился. Отчаянно болело изодранное тело, нос и несколько ребер были, похоже, сломаны, но замечать боль тоже не имело смысла. Он сплюнул набравшуюся в рот кровь вместе с зубной крошкой.

Брюнет не дал убить, остановил напарника. Зачем-то он им нужен, не все еще потеряно.

«Глупо рассчитывать, — сказал спокойный голос внутри, — выбьют информацию и... Хотя трудно представить, что они еще могут выпытывать. Сам все отдал. Добровольно отдал, с радостью. Теперь, даже если очень захочу, вряд ли сумею прибавить. Для чего же я ему

понадобился?»

Эти размышления тоже были бессмысленны. Айвен вспомнил светлые глаза блондина, тонувшие в белках. Все он им расскажет. Потом прикончат. Не отпустят же. Нелепо даже мечтать.

Они могут попасться. Все-таки не Багдад, Большой Бостон, ряженные копы не могут разгуливать бесконечно и беззаботно. Тот же холодный голос противоречил: «Именно что не Багдад. Никто не ждет. Прошлый февраль забыт. Слишком много доверия камерам, электронике, системам идентификации. А их так просто обмануть».

Толку от таких рассуждений, как и любых других, не было никакого. Поймают или нет, убьют или нет, от него никак не зависело. Нужно выбираться. Айвен кончиками пальцев ощупал наручники, древней, к счастью, системы с обычным замком, а не современным электронным. В кино такие мгновенно открывали скрепкой. Терять было нечего, за отсутствием лучшего имело смысл хотя бы попытаться. Айвен пополз вокруг столба, вытянув как мог далеко ноги, стараясь найти что-нибудь подходящее. Ногу оцарапало чем-то острым, но гибким. Подтащив к себе пластиковую упаковочную ленту, Айвен зажал ее коленями и попробовал отделить полоску зубами. Ничего не вышло. Изгибаясь и вращаясь вокруг столба, он перехватил ленту руками. Сначала не поддавалась, и Айвен уже готов был бросить, поискать что-нибудь более стоящее, как вдруг лента разошлась примерно пополам. Получившиеся полоски оказались шире замочной скважины, разорвать еще раз никак не получалось. Он сжал вдвое, впихнул в замочную скважину, нажал, чтобы полоска сложилась внутри замка, и медленно повернул. На секунду полоска уперлась в собачку, наверное, или как там ее, замка, но потом скрутилась вокруг оси. Айвен сделал двадцать или тридцать попыток, резко и плавно, повыше и пониже. Ничего не выходило. От отчаяния он с трудом удержался, чтобы не врезать затылком об столб. Снова зашарил ногами и почти сразу наткнулся на доску. Подтянул к себе, ощупал подошвой. Гвоздь! Айвен перевернул доску и осторожно стукнул сверху, сгибая. Машины! Подъезжало много машин.

Хлопали дверцы, раздавались голоса и смех. Отдельных слов было не разобрать, но меньше всего это напоминало разговор безжалостных убийц. Так звучат разгоряченные школьники после получившейся спортивной игры, вспоминая удавшиеся броски и передачи.

Хрустнул ключ. Силуэт в проеме показался Айвену одетым в форму и даже обрадовал на нелепую долю секунды. Вспыхнул, ослепляя, свет. Прозвучала негромкая фраза, определенно на русском, и тут же грохнул многоголосый хор жеребьячьего хохота.

На склад неторопливо зашло человек двадцать. Большая часть была ряжена полицейскими, шестеро-семеро, включая бритого в наколках, одеты в строгие костюмы, под киношных агентов. Почти все походило на славян, но двое или трое были азиатского типа, татары, наверно, или какие-нибудь туркмены, был даже один негр, одетый полицейским. Кроме негра, выделялся немолодой мужчина, походивший на первого брюнета, только грузный, лет на двадцать старше, с растрепанными седыми кудрями и наполовину седой бородой. В отличие от остальных, бородач был в терморегулируемом спортивном костюме, переливающимся всеми цветами радуги. Большой китайский концерн производил и навязчиво рекламировал этот новый материал технологическим прорывом. Даже на распродажах такие костюмы стоили тысяч десять-двенадцать.

Террористы молча выстроились полукругом, разглядывая Айвена, как казалось, с дружелюбным интересом.

— Это Бульдог его так отмудохал? — негр кивнул на Айвена, тронув нос пальцем.

Говорил он с чистейшим выговором скверных кварталов.

Никто не ответил, может быть, не поняв. Молодой брюнет вернулся из каморки, неся складной стул. Проходя мимо Айвена, он пнул доску, закрежетавшую гвоздем по бетону. Доска отлетела недалеко, футов, может, на десять, но с тем же успехом она могла улететь на Луну. Аккуратно разложив стул, брюнет хлопнул ближнего соседа и качнул головой к двери. Мужчины молча двинулись на улицу, оставляя его с седым, так деликатные люди помогают разругавшимся близким уединиться для примирения.

Мужчина поерзал, устраиваясь на стуле, огляделся и поставил сумку роскошной французской марки прямо на пол. Если сумка не подделка, то обошлась в кучу денег. Полминуты помолчав, он заговорил:

— Не так тебя представлял. Не ожидал, что ты окажешься совсем ребенком. У меня сын был старше, — произношение было безупречным, даже с легким английским акцентом.

— Был? Он умер? — Айвену необходимо было наладить контакт, сделаться для мужчины живым человеком.

— Умер? Ну нет. Ты его убил. Дочку еще... Бобер, — он усмехнулся, — тебя ведь Айвеном зовут? Я, кстати, Умар. Помнишь, из пушки свадьбу расстрелял?

— Послушайте, — Айвену стало жарко, — это был несчастный случай...

— Несчастный случай? Ну, тогда никаких претензий, все в порядке. Извини, что побеспокоили.

Они помолчали. За неплотно прикрытой дверью раздавались приглушенные голоса, ощутимо потянуло табаком, снова хохотнули.

— Поймите, я ничего не понимал и не решал. У меня был только второй выход на боевые, — бессмысленно врал Айвен, выход, на самом деле, был шестым, — все что я делал, это ждал координаты и команду на открытие огня. Когда вы... ваши начали стрелять, наша летка... дрон-разведчик...

— Позывной Сметана?

— Да... он решил, что по нему, дал координаты, а офицер...

— Краб?

— Да... он подтвердил приказ на ведение огня.

— Удивительная глупость, правда? Взять и расстрелять свадьбу. Не знаю, тысячную, наверно. Что ж вы не учитесь-то ничему?

— Мы просто не были... Нас не готовили. Мы слышали, конечно, что на юге так справляют, но не знали, что на севере тоже может быть...

— И теперь, когда ты все так славно объяснил, мы должны забыть это досадное недоразумение?

— У вас великолепный английский, — Айвен пытался нащупать человеческий контакт.

— Да, учился тут у вас в университете, да и в школе... немного. Больше в Англии. Кстати, в бейсбол играл, не за главную, конечно, команду, но на неплохом уровне. У нас, знаешь, с бейсболом и до войны было не очень... Сам играешь?

Айвен качнул головой, сначала отрицательно, а потом положительно.

— Послушайте, — говорить было тяжело, рот все время наполнялся кровью с зубной крошкой, Айвен сплюнул, — послушайте, это же не метод, так ведь ничего не исправишь.

— Конечно, не исправишь. Ничего уже не исправишь.

— Так зачем же вам это? Вы культурный, образованный человек, вы прекрасно понимаете, как...

— В смысле, белому сагибу не годится вести себя как немьтому чурке? Даже если он выглядит как немьтый чурка? Я, кстати, не всегда был таким. Всю жизнь одевался, боролся с весом и бегал по утрам. Но последнее время как-то потерял интерес. Жру что попало, килограмм, наверно, двадцать нажрал. В старые костюмы не влезаю, вот, вернулся к корням, — он ткнул пальцем в переливчатую ткань. — Понимаю, что выгляжу жлобом, но мне как-то насрать. Удобно.

— Кровная месть. Вендетта... Какая уж там кровная месть. Вот мой отец любил порассуждать о таких делах. Что может простить мужчина и чего не может простить мужчина, что подобает мужчине и что не подобает мужчине. Но это слова. Когда нужно, отец был одним из братьев Чичей, а когда не нужно, респектабельным бизнесменом. Джигита и горца в нем было не больше твоего. Ловкий был человек и оборотистый.

— Вот мои дяди, его старшие братья, кажется, действительно были такими. Их убили. — Он улыбнулся, точнее, обозначил улыбку, приподняв кончики губ. — Давно, я ребенком еще был. Так что вы ни при чем. Кто знает, почему? Я думаю, именно, думаю, окончательной правды выяснить не удалось, для них обещания, месть, обида значили больше денег. Времена изменились, такие стали мешать... А может, я все придумываю, они ведь были бандиты, разбойники, могли просто положить глаз не на тот кусок. Кто знает?

— Отец всю жизнь как бы намекал, что он из братьев Чичей, тех самых Чичей. Люди побаивались, но на самом деле он близко не подходил ни к чему такому. Умный был человек, хотя и трусоват. В самые горячие времена его отослали учиться в Австрию. До сих пор не понимаю, почему в Австрию? В общем, даже в нем мало было от горца, он в местах-то наших с детства не бывал.

— Там ведь опять селятся?

— Не у нас. У нас еще лет двадцать ждать. На конгрессе, правда, каждый год болтают о программе дезактивации. Может, когда и расчистят клочок-другой. Устроят горнолыжный курорт с ряжеными в черкесках с газырями...

— С чем?

— Неважно. Папахи будут продавать. Сувениры. Какая разница? Такая же показуха, как стрельба на свадьбах и отцовская брутальность. Во мне, не говоря о детях, больше американца, чем горца, и русского, чем американца. Жаль только никому этого не докажешь.

— Куришь? — Умар вытащил пачку.

— Эээ... Да.

Умар аккуратно вставил ему в рот сигарету и зарылся в сумке. Айвен ждал роскошную зажигалку тяжелого металла, но тот достал грошовый штампованный пластик.

— Я чего-то тоже начал. Лет двадцать не курил, — он чиркнул, давая прикурить, — курево, скажу я тебе, совершенно невменяемо у вас стоит.

— А чего с собой не привезли? — самое важное было не закашляться.

— Забыл. Привычки нет. Знаешь, что обидно? Я ведь не хотел этой свадьбы. Не хотел привозить детей обратно. Салман, папа жениха, настоял. Он дурак и всегда был дураком, хоть и умный человек. Не понимает, что стоит вам уйти, и нас порвут. Рассчитывал опять договориться. Может, и теперь рассчитывает. Давно не виделись, его после вашего недоразумения до сих пор по кускам собирают, то на Кубе, то в Израиле. Он депутат, дядя там... тоже, ну, и мальчик, конечно... неловко играть свадьбу за границей... боялись, в сеть попадет. Добоялись.

— Я давно собирался уехать, все продать и уехать. Понятно же, чем дело кончится. Но всегда казалось, пусть в следующем году, почему сейчас? Я ведь уважаемый человек... Был. Строительные подряды, банк, камень, много чего. Ваши предпочитают с нашими вести дела. Тоже, наверно, в папахи верят и черкески. Кто я тут? Так, чурка с бабками. Всегда считался в семье умником, а оказался баран. Брат давно в Карачи живет, сестра в Австралии. Нельзя, нельзя было привозить своих...

— Я сочувствую вашему горю, — цилиндрик горячего пепла сорвался ему на живот, — правда, мне ужасно жаль...

— Когда я протер глаза... — Умар словно не слышал его, — сыну снесло полголовы, мне забрызгало лицо кровью и мозгами. Его мозгами. Карину я нашел сразу. Осколки вошли в спину, кишки вывалились, много, знаешь, просто невероятно много. Она ведь тростинка была, настоящая красавица. Ну а Дану не я нашел, ее уже потом...

Умар снова зарылся в своей роскошной сумке, что-то перекладывая, и вытащил небольшой пистолет с гравировкой на серебряных накладках. Айвен перестал дышать. Умар со второго раза заправил обойму, дослал патрон и, щурясь, рассматривал, держа в вытянутой руке.

— Слабеть стало зрение, — он застенчиво улыбнулся, — ни черта вблизи не вижу, а на линзы, черт его знает, аллергия какая-то.

— Вы еще можете поступить, как цивилизованный человек, — у Айвена вдруг хлынуло их глаз и побежало горячим по лицу. Он пытался остановиться, замолчать, прекратить бессмысленное унижение, но против воли продолжал бормотать, — я никому, никогда... пожалуйста...

— Все будет цивилизовано. Ты умрешь от руки живого человека, — Умар неожиданно грустно хохотнул. — Так я хотел сказать, когда начинал. Прокручивал наш разговор раз за разом, тысячу раз. Казалось, все ясно, вот люди на службе дьявола. А вы просто глупые дети, играющие в злые игрушки. Глупые, эгоистичные дети. Ты вот даже о ребятах о своих не спросил. Не поверишь, немного жаль тебя... Хотя, конечно, после всего нелепо... Да и невозможно.

— Дайте мне шанс. Я попробую...

— Нет, нет, ты уж извини. Ключей от наручников у меня нет, да даже если б и были, у выхода ребята, и живым они тебя, конечно, не отпустят. Опасно. А главное, с моей стороны, некрасиво еще и это перекладывать на них.

Умар вытащил футляр одинаковой с сумкой марки, достал старомодные очки и, прежде чем надеть, тщательно протер стекла вложенной бархоткой. Надев очки, быстро отыскал предохранитель.

— Черт его знает, глупо как-то вышло.

Выстрел отразился от стен оглушительным эхом, и Умар пожалел, что постеснялся надеть наушники.

Сын, почтительный к отцу, может оказаться подданным, изменившим государю.

Хань Фэй

Дядя Миша, Михаил Натанович Беркович, продолжал распекать Сан Саныча, по обыкновению не повышая почти голоса, словно забивал гвозди:

— Мы арендуем четырехсотые. Так? Два месяца они стоят, на хер никому не нужны. Так? За три недели я тебя предупреждаю. Так?

Сан Саныч краснел и что-то бормотал, вытирал потный загривок, но меня не сдавал, хотя временами и посматривал. Честно сказать, вина была совместной, хотя его все-таки больше.

Из открытых окон (всем системам кондиционирования и центральной вентиляции дядя Миша предпочитал открытые окна) раздавался шум весенней улицы и играющих детей, урывками долетавший до двенадцатого этажа.

— Саныч, короче, чтобы к пятнице все было разобрано. Ты меня понял? Так. У кого что есть? Ладно, тогда по коням. Пленных не брать. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Михаил Натанович отключил выведенные на стол чертежи и графики. Народ задвигал стульями. Финансы и юристы, затянутые в строгие костюмы и галстуки, маркетинг в ядовитом поло, Саныч с замом в клетчатых рубашках, главный инженер и снабженец в неприметных серых свитерках. Половина присутствующих зря потратили полчаса, но дядя Миша считал, что совместные планерки дают руководству общую картину.

— Коля, задержись на секунду.

Неужели пронюхал змей иудейский? Была у него неприятная способность откуда-то все знать. За долгие годы я зауважал старого черта и многому у него научился. Не только в бизнесе. Если уж совсем честно, он, в некотором смысле, заменил мне отца, которого у меня, опять-таки в некотором смысле, не было, хотя никогда бы в этом не признался. Слишком походит на бесстыжий подхалимаж. Услышав такое, дядя Миша наверняка грустно усмехнется, покачает головой и промолчит.

Он, кажется, тоже по мне проникся и с каждым годом отмечал сильнее. Не стал песочить при всех — тоже, можно принять, знаком новой ступеньки. Начав с самых низов, я без всяких поблажек добрался за эти годы до третьей позиции в конторе (если считать меня с Казаряном в уровень). Ну, ладно, не с самого низа и не без поблажек, но просто не было.

Именно на меня переляжет забота о семье, случись что с дядей Мишей. О жене, сухонькой, интеллигентной и совершенно беспомощной Софье Олеговне, о бестолковом сыночке Аркаше, вынюхавшем и прокурившим к сорока невеликий мозг, о дочке Ире с ее виолончелью и придурком мужем-фаготом (очевидным всем, кроме жены, гомиком; если же даже, крайне маловероятно, про гомика я заблуждаюсь, то уж с придурком никаких сомнений быть не может). Я могу считаться членом семьи только в некотором роде, но, кроме меня, передать дела совершенно некому. Аркаша, если ему верить, что-то среднее между продюсером, актером и режиссером в Болливуде, а если говорить сколько-то серьезно, бездельник и тусовщик, годный исключительно пополнять кассы ночных клубов

Мумбаи и поднимать оборот тамошних наркодилеров. Ира, хрупкое создание, выросшее в теплице из папиных денег, ограждавших от жестоких джунглей петербургского музыкального образования. Она много лет пикирует в каком-то заштатном оркестрике Гааги, лечит слабые нервы и многочисленные, но сомнительные недуги. Ее жизненных сил не хватает ни на музыкальную карьеру, ни на расставание с придурком-фаготом, ни даже на материнство. И Иру, и Аркашу можно представить у руля компании разве что в наркотическом кошмаре. Хотя наркотические кошмары как раз по аркашиной части.

— Коля. Тут такое дело, — он вздохнул, поморщился и ущипнул не до конца поседевшую бороду.

Я знал дядю Мишу почти двадцать лет, за которые он совершенно не переменялся. Все эти годы дядя Миша кряхтел, вздыхал, морщился и казался, на первый взгляд, стариком, потерявшим вкус к жизни, деньгам и победам. Грубая ошибка, подводившая многих. На самом деле, он был быстр, крепок и безжалостен. По женской же части неутомимый любитель и шалун. Мы, разумеется, никогда этого не обсуждали, но трудно сохранять секреты, живя, по сути, в одном доме, пользуясь общей прислугой, охраной и водителями, особенно, охраной и водителями. Обрывки разговоров тут, несколько невинных вопросов там, пристальный взгляд на известные разделы корпоративных расходов, и картина очевидна до подробностей.

Я был готов к порке, составив уже защиту с элементами покаяния.

— Мне звонил Валера, ну, этот, из партии.

Оставалось надеяться, что облегчение не очень заметно отразилось на моем лице.

— Я сказал, что приболел, видеть уже не могу эту харю. Договорились, что ты подъедешь. Послушай, какого ему надо, хотя, точнее, на что и сколько.

— Конечно, сейчас же перезвоню, — я с облегчением поднялся.

— И вот еще, — окликнул он меня в дверях, — насчет кранов, ну, четырехсотых, повнимательней, Коля, надо, повнимательней.

Валерий Дмитриевич Зябликов, член координационного совета и заместитель главы аппарата партии Демократического прогресса Российской Конфедерации, готов был принять меня незамедлительно. По правде сказать, я, как и дядя Миша, терпеть его не мог. Старый мерзавец, скользкий и совершенно бесстыжий.

Офис компании занимал новое с иголочки здание, достроенное и занятое нами меньше года назад. На уровне последнего этажа по всем четырем фасадам висели в воздухе изумрудные голограммы «корпорация Питнат». Перед зданием, на крыше паркинга, был разбит небольшой сквер, разделявший жилую и деловую застройку. Чуть дальше располагался офис Агентства по кооперации и модернизации, выстроенный нами же. Напротив Агентства мы строили сейчас министерство юстиции. Концепцию всего района разработал совершенно сумасшедший таец-архитектор, добытый дядей Мишей в каком-то креативном аду. Первое время я подозревал в нем наркомана, но со временем понял, что его перекошенные мозги в дополнительной стимуляции не нуждались. Неожиданным чудом он с помощью копеечной декорации окропил стандартные бетонные стекляшки оттенком северного модерна. Двадцать питерских лет выучили меня жонглировать словами, о которых и не подозревал депрессивный райцентр моего детства, не говоря уже о десантной бригаде армейского года или людях, окружавших меня, пока я крутил после дембеля баранку большегруза.

В общем, район вышел не только блестящей сделкой, но и неплохим архитектурным

решением. Приятное дополнение. До оккупации (революции гордости или лета гнева, если хотите) тут были верфи, едва ли не старейшие в стране. После оккупации военное судостроение стало неактуально и, похоже, навсегда, а гражданскими судами верфи не блистали и в лучшие времена. Корпуса быстро превратилась в криминальный гадюшник. Тут разливали поддельную водку, крутили поддельные сигареты, через причальные стенки шла контрабанда, по большей части, те же сигареты и алкоголь. Дяде Мише отдали верфи за гроши, на условии наведения порядка. И мы навели порядок быстрой железной рукой, хотя, честно сказать, временами становилось страшновато. Очистив территорию от основного бардака, дядя Миша, и тоже совсем недорого, сделал очевидное: включил землю в состав зеленой зоны безопасности, прежде ограниченной другим берегом. Так всем было удобней, расположение верфей позволяло вместо трех мостов и полукилометра узкого канала стеречь только один в конце Фонтанки. Ну а дяде Мише за бесценок достался кусок самой дорогой и дефицитной в стране земли, в самом центре новой, или старой, как посмотреть, столицы.

Костя за рулем ждал меня у входа. Офис партии располагался по соседству, на углу Большой Морской и переулка Новодворской, занимая реконструированное здание когдатошнего Дома культуры архитекторов. Партийцы находили это символичным. Ехать было недалеко и внутри зеленой зоны, так что охрану можно было не брать.

Валерий Дмитриевич встретил меня на пороге своего обширного кабинета и с преувеличенной радостью долго хлопал спину. Макушка приходилась пониже моего подбородка, пузо не позволяло Зябликову прижаться вплотную, так что я мог в деталях изучить его безукоризненную прическу.

Огромные окна, нарезанные квадратиками и наверняка бронированные, выходили на Мойку. Над столом висела фотография президента и партийного лидера, сделанная, наверное, лет двадцать назад. Президент, впрочем, мало изменился (косметические операции, ботокс, диета) и по-прежнему криво улыбался одной половиной рта.

— Ну как там у вас объект? Давай, показывай.

Я подключил телефон к голографическому экрану, возникшему поверх окна, и начал рассказывать. Не отказал себе в маленьком удовольствии — был нетороплив и тщательно подробен. Я увлеченно отчитался в выполненных объемах, похвастал досрочно завершенными монолитными работами, рассказал о проблемах с лифтами и изящном инженерном решении в системе вентиляции, об оригинальной дизайнерской концепции конференц-холла. Я уже собрался перейти к водоочистке, когда Зябликов не выдержал.

— Ну, ладно, ладно, ты, чертяка, так до свай дойдешь. Сразу видно человека, по-настоящему влюбленного в свое дело. Я всегда говорю: Беркович и Катков — вот люди, на которых можно положиться. Если беретесь, то делаете работу от души, без всяких, до конца.

Сказать, что цена его словам была дерьмо, значило сильно их переоценить. Я, улыбаясь, глядел в крохотные глазки, тонувшие в жире, рассматривал великолепные светло-русые волосы, пересаженные лет семь назад на место чахлах седых прядок, лепившихся к лысине, смотрел на огромный пузырь тела, затянутый по летнему времени в серо-стальной костюм, смотрел и думал: что ж тебе, гниде, от нас надо? Юстиция закрыта, по министерству явно рановато. Опять довыборы в Думу? Вроде, нет. В регионах, кажется, тоже ничего не было. Какой-нибудь очередной волейбол или бейсбол хочет на нас навесить? Не по его части. Чего-нибудь по культуре? Театр или фестиваль, не должно быть особенно накладно.

— Да ну тебя, Валерий Дмитрич, перехвалишь, совсем перестанем работать над собой, обленимся, а нам страну поднимать, — разговор надо было поскорее довести до такой

степени маразма, чтобы это почувствовал даже Зябликов, лишенный чувства меры настолько же, насколько совести.

— Ты знаешь с каким огромным уважением я отношусь к Михаил Натановичу, как я благодарен ему и как высоко ценю наши близкие отношения.

Если он заводил шарманку, то не мог выбраться из хвalebных периодов быстрее, чем минут за десять-пятнадцать. Больше всего мне хотелось сказать дяди Мишино: «времени нет, жизнь коротка, начинай с конца», но именно так говорить нельзя было ни в коем случае. На попытки разговаривать с ним по-людски Зябликов обижался смертельно, часа на два, если, конечно, ты ему был зачем-то нужен. С другой стороны, с теми, кто ему не нужен, он совсем никак не разговаривал.

— В общем, поступил сигнал, очень тревожный.

— Что поступил? — я слишком увлекся поощрительными улыбками и мыслями про поставщиков системы кондиционирования, пропустив начало разговора по существу.

— Сигнал. Очень тревожная информация. Она касается... не знаю, как лучше сказать. Я понимаю, ты всегда относился к нему как к сыну... Короче говоря, по Мише.

— О Мише? О Мише Берковиче? — я был искренне поражен.

— Ты член семьи, и, я уверен, с тобой можно говорить об этом также прямо, как с Михал Натанычем, — Зябликов понизил голос так, словно это могло от чего-то защитить в мире современной электроники, и словно он способен сказать нечто небезопасное для себя самого. — Поступила крайне тревожная информация, будто Миша последнее время сблизился с радикальными кругами. Да что греха таить, мы ведь не чужие, назовем вещи своими именами: с террористами.

— Да ну, Валерий Дмитрич, он мальчик еще.

— Конечно, мальчик, в том и беда. Мы старые друзья, я полностью тебе доверяю. Могу я говорить откровенно?

С тем же успехом он мог бы спросить, не возражаю ли я, если он голышом спляшет румбу.

— Конечно.

— Для этих ублюдков Миша, с его происхождением, просто находка. Мы с тобой образованные люди, мы понимаем, что любой Борин поступок, в первую очередь художественное высказывание, акт искусства.

Садануть бы тебе по жирной ряхе. «Художественное высказывание» — поднабрался словечек, мразь. «Боря» он ему, приятеля себе нашел. У меня от этих «художественных высказываний» под правой лопаткой вмятина в два сантиметра и такие боли на погоду, что обезболивающее не всегда берет, Борьку вообще хоронили в закрытом гробу. Каким-то чудом я сохранял выражение дружелюбного участия, по крайней мере, надеялся на это.

«Художественное высказывание». Борька бы тебя, суку, на фонаре повесил ногами кверху. Хотя... наверно, выкрутился бы, ублюдок такого калибра всегда выкрутится и отыщет хлебное местечко. Да и трюфельное, а то и икорное.

— Художественные тонкости, гуманизм его лирики, многослойность, все это им безразлично. Под прикрытием прекрасных патриотически песен они рвут страну на части. На заграничные, между прочим, деньги. Забрать Сибирь, разрушить нашу интеграцию в цивилизованный мир, ударить по демократии и свободе во всемирном даже масштабе, вот чего хотят от них хозяева. Заполучить Мишу — большая удача для них и большое поражение для всех нас. Попрошу вас, не только как отца и деда, но и как настоящих патриотов, спасти

его. Все мы делаем в этой жизни ошибки, и, конечно, то, что ты и Михал Натаныч сделали для страны, намного перевешивает любые заблуждения молодости, но сейчас вы можете сделать по-настоящему огромную вещь: спасти вашего ребенка.

Несказанное было очевидно, а сказанное, как всегда у него, понимать не имело смысла. Подразумевалось, что мы теперь в долгу, что он предостерег, раскрыл страшную тайну, пойдя, практически, на преступление и огромный риск, а мог бы, используя мои «заблуждения молодости» и запятнанность дяди Миши отцовством, принять к ногтю. Только все это дерьмо собачье, не отрастил он еще такие ногти. Да и сама история не выглядела особенно правдоподобно.

— Валерий Дмитрич, а откуда информация?

— Поверь, источник очень авторитетный, заслуживающий абсолютного доверия. Я знаю этих людей много лет как крайне компетентных профессионалов, — Зябликов опять выпал из разумного разговора, окунувшись в дифирамбы отсутствующим и неназванным специалистам. Говорить с ним было абсолютно невозможно.

Штаб-квартиру во времена первой моды на голографические рекламы разукрасили как елку. Название партии, выведенное в цветах конфедерации славянской вязью по-русски и готическим шрифтом по-английски, а сверху плескался сам огромный бело-синий флаг. Голограмма имитировала ткань, бьющуюся на ветру.

Я попросил Костю подождать. «Угу» — кивнул он.

Костя вообще мало говорил. Мы вместе служили, потом вместе воевали. В те времена легче было поверить, что это я стану его водителем. При самых крутых оборотах он сохранял невозмутимость и молчаливость, чего никак не скажешь про меня. Трудно понять, сдержанность это или слабая впечатлительность, и критические ситуации просто не задевают его достаточно глубоко. Костю, надежного и молчаливого, всегда неторопливого, но всегда в нужном месте в нужное время, легко было представить сколь угодно успешным, но он, кажется, совершенно лишен честолюбия. Точно про него, конечно, ничего не разберешь, но все предложения продвинуться в нашей конторе он отбрасывал, кривясь и что-то отрицательно мыча.

Пройдя пару кварталов, я заскочил в кафешку. Заведение очень удачно оказалось с претензией, заказ на чашку черного чая принял дрон. Убедившись, что за мной никто не вошел, я вытащил из портфеля крохотный зеленый телефончик. Аппарат был зарегистрирован на неаффилированную голландскую компанию, кроме того, через шифрованный канал передавался голос, менявшийся при каждом звонке случайным образом. Номера и сами аппараты менялись два раза в месяц, но все это, конечно, никак не защищало от направленных микрофонов.

— Слушаю, — ответил дядя Миша тонким голосом маленькой девочки.

Я еще раз напомнил себе научить его настраивать диапазон голосов по возрасту и полу.

— Только вышел от упыря. Как в говне искупался, ей богу.

— Чего хотел?

— Странная история, лучше лично. Я проверю пока.

— Лады. Не забудь по стекольщикам.

Уже с обычного телефона я сговорился о встрече с Сергеем Петровичем. Городской комиссариат располагался за пределами зеленой зоны, и пришлось ждать джипы охраны. Толку от этих дармоедов не было никакого, но дядя Миша тут стоял совершенно непреклонно. Лучше бы к внуку характер применял, а то шляется где попало и с кем попало.

Мост мы прошли почти ходом. В такое время из зеленой зоны мало кто выезжает, да и вообще, на выходе контроль довольно формальный, тем более на этом блоке. Стоявший тут британско-канадский пост считался менее дотошным, чем американские. В обратную сторону тянулась вдоль набережной умеренная очередь минут на сорок. На мосту дроны облепили драндулет, груженный какой-то грязной репой. Владельцы автохлама, карикатурный дед с бабкой в платочке грустили рядом. Дедок что-то втолковывал, размахивая зажатой в руке облезлой ушанкой. Скорее всего не туда заехали, трудно представить, кому их нелепый продукт мог пригодиться в зеленой зоне.

Комиссариат окружали кордоны, колючая проволока, посты, обложенные мешками песка, ближе к входу дроны с эмблемами золотом по алому. Пробираясь сквозь все это было слишком долго, да и не принято. Встретились, как обычно, в соседнем армянском ресторанчике, делавшем, наверно, девять десятых выручки на посетителях вроде нас.

Старший комиссар полиции, Сергей Петрович Ушаков, сосредоточенно цеплял что-то в дымящемся горшочке. Топорщились поседевшие в желтизну усы.

— Отрываешься?

— А что делать.

Дома запущенный организм Сергей Петровича держали на брокколи и отварной курице.

— Как сам? Как машина?

Он оторвался от горшочка и внимательно на меня посмотрел:

— Машина лучше не надо. Так что повторно спасибо.

Телефон Ушакова начал мелодию. Он ответил на первых же аккордах, прежде слов, но не узнать было нельзя: звонком стояла Борина «Смерть цвета бейсик». Строго говоря, анаграмма (или аббревиатура, или как это там правильно называется) должна быть бесик, по начальным буквам цветов старого флага. Боре для поэтического размера и аллюзий (или аллегорий, или как это там правильно называется) на язык противника нужен был именно бейсик. Фонетическая неточность, впрочем, никого кроме меня не смущала.

— Да понял я. Буду через полчаса. Начинайте без меня, — Сергей Петрович отбил звонок.

— Не рискуешь? — я кивнул на телефон.

— Темный ты, Николай Андреевич, человек. Телевизор, видать, не смотришь. А там рассказали, что песня эта на самом деле протест и борьба с преступным, кровавым, коррумпированным и еще каким-то, хрен запомнишь, режимом. А вообще, мне плевать, могут сами урок ловить. Таких, кто дело наше знает, остались я, да он, да мы с тобой. Одни, сука, короли ток-шоу и звезды фейсбука.

— Короче, Коля, я тебя знаю, ты меня знаешь. Времени ни хрена нету. Да и ты мужик занятой, приехал ко мне не о тачках с музыкой трепаться. Че ты ходишь кругами? Рассказывай. Для тебя, для Натаныча, чем смогу.

Я рассказал.

— Коля, Коля, — он ухмыльнулся в пшеничные с сединой усы, — кого ты слушаешь? Я ж эту суку знаю, ууух, столько люди не живут. Я его помню православным по помидоры, с тлетворным влиянием боролся, за скрепы и традиции, с пидорасами бился — аж дым стоял. Спроси при встрече про Ушакова, про мусор, про свалки во Всеволожском районе. Он помнит. Жалко, не дали мне тогда эту гниду закрыть.

— Думаешь, брешет? По вам ничего не проходило?

— Не наша епархия, слава богу. Сам понимаешь. По такому к соседям надо. Есть кто?

— У меня пусто. Ну, так, серьезного никого. У Натаныча есть, наверно. Через безопасников наших можно.

— Через безопасников? Он у вас, знаешь, тоже... — Ушаков скривился, свел вместе и потер указательные пальцы, намекая на карьерное происхождение главы нашей службы безопасности. — Слишком хорошо — тоже нехорошо. По нашим я, конечно, пробью. Но вряд ли. По-крайнему, могу и сам выйти, но мы с контрами в контрах, хуже бы не сделать. Сам-то что говорит?

— Ох... Сергей Петрович, а твои чего говорят?

— Ясно. Давай так. Я по нашей богадельне, вы через своих. Если пусто, решайте сами. Могу попробовать, но гарантий никаких.

— Лады.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

По дороге к мосту я успел сделать пяток звонков, малую часть срочно необходимых. Очередь к блокпосту, тянущуюся вдоль улицы Ломоносова, мы объехали по встречной. Контрики, посмотрев на номера, подняли шлагбаум никуда, кажется, даже не заглянув. С американцами наши номера не работали, предстояло подождать, навскидку, минут двадцать.

Даже здесь, в круглосуточно охраняемой зоне, граффити иногда встречались на облупившихся стенах. По крайней мере, один «Зенит» и две трехцветные «ВНЖТК». Смена флага, надо сказать, была идиотской затеей идиотских идиотов, наполовину, видимо, продиктованной Бориной песней, ставшей гимном недовольных. Смена, конечно, только добавила недовольных и поклонников Боре.

В окно машины постучались, Малик Яндиев улыбался из соседнего мерседеса. Из старых марок «Мерседес» единственный производил еще бензиновые машины, и это делало нас одинаковыми, словно детишек из приюта. Я давно уговаривал дядю Мишу перестать переплачивать и перейти на китайцев, но он упрямо держаться привычного.

Мы вышли из машин, поулыбались, обменялись бессмысленными приветствиями, и Малик опять затянул шарманку про свои склады возле аэропорта, неудачно попавшие на границу зоны отчуждения. Из-за норм безопасности у него с пристрастием досматривали каждую фуру, и площади на две трети стояли пустые. Зная, как они ему достались, стоило радоваться и тому. Живой, здоровый, на свободе, еще и с денежным ручейком, пусть не особенно полноводным, — сплошное везение. Малик, однако, мечтал включить склады в зону отчуждения и продать американцам. Отчего-то он вбил себе в голову, что мы можем это устроить, и никакие объяснения не могли прошибить его ослиное упрямство. И на этот раз Яндиев отстал, только когда я неопределенно пообещал еще раз подумать и с кем-нибудь переговорить.

Из-за него я не успел к началу совещания в Рыбацком уже и по видео, что было скверно. Там царил балаган, переходящий в катастрофу, даже больше обычной строительной. Телефон, письма, даже летающие видео-дроны не дают полной картины, по объекту надо ходить ногами.

Туристических автобусов у Исаакя явно прибавилось в сравнении с прошлым годом. Бесстрашные люди. С ярких лотков торговали матрешками, путеводителями, открытками, мороженым и сосисками. Тут же бродили ряженые Петр с Екатериной, предлагая фотографироваться. Туристы, китайцы, в основном, конечно, послушно тратились на нехитрый ассортимент. Площадь выглядела почти как когда-то: вставлены окна, восстановленные фасады спрятали следы пуль и осколков, замазали граффити и отметины

пожаров. Дядя Миша два года назад купил соседнюю гостиницу, когда-то роскошную, а теперь обветшавшую. Я категорически возражал, но теперь засомневался.

— Похоже, опять Михал Натаныч угадал. С гостиницей, — сказал я вслух.

— Угу, — Коля в качестве собеседника был безнадежен.

Дядя Миша сидел в кабинете с Казаряном. На столе между ними лежали два обширных ломтя гранита.

— «Чигран» пришел?

— На два месяца позже, — дядя Миша ущипнул бороду, — и посмотри на цвета.

«Чигран» поставлял нам облицовочный гранит. Для фасада Министерства юстиции они должны были отгрузиться еще прошлым кварталом. Вместо этого отправили в марте половину и замерли, играя обещаниями. В понедельник, в среду, в пятницу и опять в понедельник. Последнюю неделю отгрузка надежно планировалась «завтра». Наконец они разродились, но, кажется, совсем неудачно.

— Может, с разных сторон?

— Это колхоз, Карен. Чего сами говорят?

— Я звонил коммерческому, Фокину еще. Бредят. Карьеры, пласты, природный материал. Вроде бы, могут второго цвета отгрузить, в качестве большого одолжения. Первый забирать отказываются.

— Коля, свяжись с Умаром.

— Я попробую, но он теперь плохо откликается. Телефон то выключен, то не отвечает. А даже если и достучишься, толку немного, похоже, все эти дела ему глубоко пофиг.

— Продаваться не хочет? Я б «Чигран» забрал.

— Спрошу.

— Карен, соглашайся, пусть отгружают, но кто-то от нас должен принять гранит на месте. Лучше всего ты. И вот еще, — он ткнул пальцем в стол.

— Да, Михаил Натанович, — ответила из динамиков Лидия Васильевна.

— Лидочка, по «Чиграну» пока не платим, тормози на своем уровне.

— Михаил Натанович, там по договору пени с двенадцатого.

— Неважно, без моей команды не платим.

— А другая поставка, ну, через «Хермитаж»?

— Тоже пусть не платят. И постарайся уговорить их сделать исключение, не знаю, письмо пошли голубиной почтой или зарежь кого-нибудь. Могут они, один раз, просто чтобы поразить меня, ничего не перепутать?

Казарян ушел, заказывать билет, надо полагать. Дядька он умный, работает давно и речевые рецидивы, вроде «лучше бы», верно, понимает атавизмом интеллигентного ленинградского отрочества. Мы перебрались в малую переговорную. Узкая комнатка без окон была специальным образом экранирована и ежедневно проверялась на жучки. Теоретически она была полностью защищена от прослушки, но, честно сказать, я бы предпочел вечером прогуляться на даче к пристани. Так, наверно, проявляется возраст, тряешь доверие к технологии.

Выслушав, Михаил Натанович закрыл глаза и закусил губу, как-то даже постарев. Миша был единственным внуком, последней надеждой передать дело внутри семьи.

— Господи, как он похож на Борю.

Миша действительно многим походил на Борьку, и, в первую очередь, жизненной силой, унаследованной от деда. Про бесцветную Иру такого никак не скажешь, она вообще

выглядела подкидышем в этой семье. Аркаша в лучшие годы был вовсе неглуп, обаятелен и дружелюбен, но какой-то легкий, летучий, совершенно не пригодный к серьезному делу. Михаил Натанович и для старших детей был заботливым отцом, но, как мне всегда казалось, из своего титанического чувства долга, совершенно неожиданного для биографии. Он был настоящий рыцарь дензнаков и финансовый самурай. За своих бился изо всех и до конца, а врагов закапывал безжалостно и глубоко. Нередко в явный ущерб и даже убыток, но он никогда не останавливался. Иногда казалось, будто принципы для него важнее денег.

— Нужно было позволить ему уехать.

Два года назад они сошлись с Мишей в схватке, и только искры отскакивали в столкновении бараньих рогов. По части упрямства Миша был достойным сыном и внуком. Михаил Натанович считал, что Мише надо учиться в английском или американском университете. Мише стоял за бизнес-школу в Гуанчжоу. Дедушкина логика понятна, он видел внука во главе компании, а любые китайские связи по нынешним временам увесистый минус. Даже Аркашины похождения среди слонов, карри и браминов немного мешали, а Аркаша в здешних делах не участвовал, и всерьез его, конечно, воспринимать невозможно.

Миша нес обычный детский бред. Американцы растоптали нашу страну, унижают, грабят и прочее в том же роде. Когда я, не сдержавшись, заметил, что он не выглядит особенно ограбленным, Миша вспыхнул и заявил, что из-за нас он соучастник воровства. Своих патетических слов ему не хватало, проходило активно одалживаться в отцовском «Патриотическом манифесте» (сам Боря так его никогда не называл, что, впрочем, никого ни капли не беспокоит). Я язвительно, честно сказать, упомянул заимствования, проехался по воровству, на чем беседа и завершилась.

Споры, как всегда, ни к чему не привели, Миша остался учиться здесь. С Китаем, кроме отвлеченных соображений, были связаны и вполне конкретные деловые опасения. Помимо запутанных отношений с китайскими банками, Михаил Натанович владел третьим по размеру курортным комплексом на Хайнане. Собственность камуфлировалась виртуозной системой компаний-прокладок, теоретически непроницаемой, в том числе и для меня. Я, однако, был осведомлен до подробностей, соответственно, кто угодно мог беречь информацию о нелояльной инвестиции для удобного случая. Можно не сомневаться, умница дядя Миша учитывал подобную вероятность. В сложной игре с раскладыванием яиц по корзинам правила не прописаны, и никогда нельзя сказать, в какой момент тебе самому врежут и по корзинам, и по яйцам.

— Дядя Миша может не стоит особенно доверять этому упырю? Кстати, он, правда, был православным активистом?

— Был, был, как же не быть. Никто кроме него, так сказать. Я тебе больше скажу, еще раньше он был комсоргом курса на истфаке. Понимаешь? Хотя, тебе, небось, что комсорг, что титулярный советник, все едино.

— Да знаю я.

— Знаешь. Но не понимаешь.

— Дядя Миша, я вас никогда не спрашивал, да и не мое это дело. Мы ежемесячно оплачиваем маркетинговую поддержку. Нет ли смысла зайти с этой стороны?

Михаил Натанович никак не выказал удивления. Железной выдержки человек. Не угадаешь, то ли сдержался, то ли знал, что я знаю.

— Видишь ли, Коленька, у маркетологов чрезвычайно запутанная внутренняя структура. В одном эээ... департаменте могут и не знать, что происходит в другом. Не хотелось бы

привлекать их, разве на самый крайний случай.

Сказанное было справедливо. Соппротивление состояло из множества «фронтов», «союзов» и «отрядов», сложно перекрученных друг с другом, с китайцами, индусами, с самими американцами и Комитетом. Вонючая и запутанная клоака, к которой лучше не приближаться, тем более с такими вопросами, последствия возможны самые непредсказуемые.

— Самое лучшее, конечно, с ним напрямую переговорить. Наверно, мне лучше? Или все же Кате? — задумчиво проговорил дядя Миша.

Катино материнство устроено противоречиво. Она одновременно гордилась Мишиной схожестью с отцом и отчаянно боялась неизбежных опасностей такого склада. Он, и вправду, был Бориной копией и внешне, и внутренне. Умненький, резкий, категоричный, живущий в черно-белом мире. Катя никогда не понимала, и не мне разьяснять, что Боря навсегда остался мальчиком, не успевшим стать мужчиной. Когда-то, две жизни назад, и я был таким, но меня Катя таким не знала. Взросление, по мне, — спорное улучшение. Может, так и надо жить, точно различать хорошее и плохое, делать должное, не думая о сложностях мира и последствиях. Правда, сильно возрастают шансы расстроить маму.

Я попытался представить их разговор, но ничего хорошего не вырисовывалось. Катя, конечно, видела сына бестолковым карапузом, а он находился в возрасте, когда больше всего гордятся придуманной зрелостью. Вернее всего, дело обернется бессмысленным и громким скандалом с нотками истерики. Ко всему прочему, Катя была ватником самого крайнего свойства, дальше уже шли психи в косоворотках с хоругвями, что в данной ситуации скорее минус.

— Мне кажется, лучше вам.

Несостоявшаяся поездка в Рыбацкое высвободила мне полчаса, и я успевал заскочить в «Чиполлино». Все скверное содержит позитивную щепотку. Машин в зеленой зоне было на порядок меньше, чем в старые времена, и внутренние перемещения совершалось почти мгновенно.

Квартал, где располагалась Настина частная школа, лучшая в городе, отдавал немного старыми временами. Возле нескольких дорогих ресторанов толпились грозного вида охранники, бросавшие по сторонам пронизательные взгляды или с самым серьезным видом болтавшие о вечном: футболе и вчерашнем телешоу. Дима и Петя, увидев меня, подоברались, шевельнули челюстями и перешли от футбола к пронизательным взглядам.

Вокруг были разбросаны неряшливо припаркованные дорогие машины, чаще всего сиротские мерседесы, но много было и китайцев, попадались электромобили модников, их с каждым годом становилось все больше. Древние рыдваны, основа нынешнего автопарка, составляли тут решительное меньшинство. Дома здесь не были еще приведены в порядок, выбитые окна заменили, но до фасадов пока не добрались. Следы боев не особенно многочисленны, зато все покрывала сложная вязь граффити. Прямо напротив «Чиполлино» на глухом фасаде привычную надпись вывели не обычной аббревиатурой, а полностью, метровыми буквами: «В наших жилах трехцветная кровь». Повсеместно считалось, что это последняя Борина песня, прощальный завет Великого Барда, как выражались на известных сайтах. В реальности (хотя она никому и не интересна) он написал после «трехцветной крови» еще пяток песен, а последней стала «Сиськи-горошинки, зубки раскосеньки». Подбадривал свою инвалидную команду.

Как обычно, я предложил Косте пообедать с нами, он, как обычно, отрицательно

помычал.

— Папа! Папа!

Настя в форменном клетчатом костюмчике подбежала и, подпрыгнув, повисла у меня на шее. Я прижал теплый комочек к себе, глядя трогательно острые лопатки, и на секунду прикрыл глаза, чувствуя в груди нежное и мягкое расширение. В этой чертовой жизни, запутанной и сложной, было у меня, по крайней мере, хоть что-то бесспорное.

С Катей мы обменялись клевком в щеки. С ней ясности не предвиделось или, что почти то же самое, была полная.

Отматывая цепочки событий, лежищих в основании моей нынешней жизни, находишь неизменного Борю Берковича. Вечно молодого, тут сайты не ввали. Мы познакомились в первый же мой день на факультете. Боря был старше почти всех, исключая меня и еще двух-трех. У него уже случились три бесславных года Оксфорда и два десятка песен на английском. Я тоже успел обзавестись знанием собственной смертности, яростной готовностью жить на зависть и неприятной дыркой в шкуре.

Мы подружились. Боря был именно таким, каким я мечтал встретить друзей новой жизни. Образование, богатство, ирония, ум, уверенность, весь жизнь, весь прямо здесь и сейчас. Потом, правда, оказалось, что он такой один. Сложнее понять, что Боря нашел в неотесанном и, говоря по правде, деревенском парне, вернее всего, моя глупая жизнь преломлялась для него неведомой романтикой.

Боря был младше и календарно, и жизненно, но повлиял на меня, как, наверно, никто, исключая незнакомый мне расчет 152-мм орудия. Боря небрежно упоминал в обыденной болтовне каких-нибудь гвельфов, рококо или войну за австрийское наследство, я кивал, запоминал, иногда даже и записывал, а после яростно старался нагнать.

В те годы жизнь пульсировала отчаянно напряженно. Университет, Борино домашнее задание, язык, плюс необходимость зарабатывать хотя бы на лапшу, консервы и чай. Сперва я устроился ночным сторожем. Сомнительная работа почти не отнимала времени, но и деньги приносила такие же сомнительные. Года через полтора, оголодав и истрепавшись, я пошел младшим ночным диспетчером в «Петнате», благодаря Боре, конечно. Из необходимых навыков и знаний я разве читать умел, но довольно быстро освоился, вскоре став просто ночным диспетчером, а потом и старшим смены. Денег стало достаточно, чего не скажешь о сне.

Где-то посредине сторожевой карьеры я впервые увидел Катю. Увидел и пропал. Она была хороша собой, длинная, спортивная, с коротким вороним каре, но не в том дело. В ней не было совершенно ничего бабьего, она, казалось, даже не задумывалась нравиться. В сочетании с особенной, кажущейся природной повадкой действие было магнетическое. Никогда прежде я не встречал таких женщин, как не встречал таких мужчин, ну или мальчиков, как Боря. Впрочем, таких, как Боря, я не встречал и после.

Шансов не было. Длинному списку Бориных достоинств я мог противопоставить широкую рязанскую морду, двухметровый рост, подкачанный торс и блистательную должность ночного сторожа. Они были уже вместе, и Катина гордость добычей была очевидна с первого же взгляда. Ребята вместе учились в этой своей знаменитой школе, Катя на пару лет младше, и уже тогда по уши влюбилась, что Боря едва ли замечал. Девки за ним ходили табунами, где уж тут нескладной малолетке, вытянувшейся в неловкого олененка, который не знает куда пристроить бесконечные руки-ноги.

Некоторое время я утешал себя наследственной Бориной состоятельностью, но это было

глупо, неправда и билопо самой Кате. Она довольно презрительно отзывалась о деньгах и, похоже, романтически гордилась бедностью своей артистической семьи. Другое дело, что их бедность, в сравнении с привычной мне, была сказочным богатством, слабо различимым с миллионами дяди Миши. Ее разведенный папа, театральный режиссер, жил большей частью в Берлине, Мама, художник-иллюстратор, берегла слабое здоровье, проводя большую часть года на скромной дачке в южной Италии. Для меня «скромная итальянская дачка» звучала как горячий лед и горький сахар. И в Боре, и в Кате меня привлекало ощущение людей, не знавших бедности. В их мире не было обоссанных подъездов, «классик» с неработающими печками, мешков «картохи» с бабушкиного огорода, жалких клумб в сношенных покрывках. Они, особенно она, искренне не понимали, почему бы мне не махнуть со всей компанией на выходные в Рим: «Правда, правда, тебе понравится!» Для нее Рим был ближе итальянской дачи и гораздо ближе дальней папиной, во Флориде. Катя и не подозревала, что у кого-то может не быть визы, паспорта или денег, а чаще всего и первого, и второго, и третьего.

Влюбился бы я без гарнира благополучия? Не знаю. Это была бы совсем другая женщина. Я ведь тоже был бы другим, не вырасти я в нищем уральском райцентре у бухавшего отца, допившегося до смерти к моим двенадцати, и толстой запуганной мамы.

Где-нибудь через полгода Катя забеременела, они поженились. Мои нулевые шансы снизились еще больше, переместившись в область мнимых величин. Отчаявшись, я согласился на Борину протекцию, обернувшись диспетчером. Прежде, учитывая коварные планы, принимать помощь казалось малодостойным.

Катя как-то обмолвилась, что все они прекрасно видели, и я мог не трудиться принимать безразличные позы и не окутывать вниманием барышень. Бог весть, правда ли.

Много лет назад я услышал, что всего можно добиться, как следует захотев. Поразительно, но слабоумный оптимизм этого рекламного слогана полностью состоялся в моей судьбе. И, как всегда оказывается, надо было внимательнее следить за мелким шрифтом: добиваешься именно того, чего хочешь, а не того, что тебе нужно. Получаешь женщину, проиграв соперничество. Я в ее глазах весь состоял из чертовых достоинств, и «что ж теперь сделаешь», и «надо как-то жить дальше», и «Миша к Коле ужасно привязался, да и Коля относится к нему как к сыну», ну и прочий бред.

Нельзя победить мертвого. Вся моя забота, нежность, внимание не смогли ничего переменить. Мертвые не говорят глупости, не путаются в пассивном залоге и старых фламандах, у них не бывает похмелья и никогда не барахлит кишечник, у мертвых вообще никогда ничего не болит. Вдобавок, Боря сделался всемирным брендом и трендом, его песни звучат из каждой поганой шарманки, его портреты на всем на свете, включая футболки австралийских кинозвезд. Соловьем разливаются в телешоу и таблоидах полужнакомые «лучшие друзья», незнакомые бабенки кокетничают «роковыми влюбленностями».

В детстве, отец, кажется, был жив или только недавно умер, у меня случилась отчаянная страсть к радиоуправляемому танку. Перебив чертову уйму машин и собрав вагоны картошки, я скопил необходимое и получил мечту в дрожащие руки. Игрушка оказалась дешевой поделкой ломкого пластика с вечно садящимся аккумулятором, волшебные функции отказали одна за другой. Мне, будь я поумнее, следовало уже тогда понять, что на самом деле мы мечтаем не о женщинах и танках, а о счастье, обманчиво мигающем сквозь яркие упаковки. Но счастье получают не там и не так.

Настя щебетала прожитый день, довольно неразборчиво, надо сказать. Я подбадривал своевременными восторгами и удивлением, одновременно расправляясь с карпаччо. Все

складывалось успешно, оставался шанс успеть и с пастой.

— Настенька, что тебе сказал учитель математики? — спросила Катя.

Настя разлилась хвастовством, и Катя со значением посмотрела на меня. Тут велась масштабная позиционная война. Катя мечтала отдать Настю в эту свою знаменитую школу, которую закончила она, Боря, Миша, папа Кати и даже Михаил Натанович. В общем, все на свете, кроме меня и Софьи Олеговны, но она не в счет. В битве за начальную школу мне с союзниками удалось победить. Школа располагалась за пределами зеленой зоны, вызывая вопросы по безопасности, но честно сказать, не только безопасность меня беспокоила, просто слишком много их школы вокруг и совсем нисколько меня внутри их школы. Теперь борьба шла за среднюю школу, и я сопротивлялся больше для вида, готовясь к эффектной и неохотной капитуляции. Глупо руководствоваться раздражением и страхом отчуждения, школа вправду хороша, а у девочки явные математические способности. Есть в кого.

— Ну, и что у нас с планами на вечер?

Настины планы строились вокруг Гуни и Тибо, лошадей с дедушкиной дачи. Катя сморщилась, тут тоже шла своя война, длинная и позиционная, но в ней я держал строгий нейтралитет. После рождения внука дядя Миша впал в несвойственное ему буйное помешательство и купил у разорившегося заказчика недостроенный дом, если, конечно, это циклопическое сооружение можно так назвать. Катя предпочитала термин «эрзац-палаццо». Купил — тоже не совсем точно, правильнее сказать забрал, закрыв долги перед банками и самим собой. Как раз настали плохие времена, в смысле, тогда казавшиеся плохими, что такое по-настоящему плохо, нам еще предстояло узнать.

Дом был безнадежен. Никакие косметические и хирургические вмешательства не смогли скрыть ни восхищения заказчика флорентийскими палаццо, ни недовольства их скромностью.

Катя ненавидела любые интерьерные излишества. За пределами музеев капители, колонны и лепнина до дрожи ее раздражали, а дяде Мише не хватало решимости выбросить дорогостоящие заказные завитушки. Впрочем, это ничего бы не дало, Катя была плоть от плоти питерского центра, она в принципе терпеть не могла загородную жизнь. Ее интерес бился здесь, между премьерами, выставками, спектаклями и болтовней, уже не казавшейся мне такой высококобой, как много лет назад.

Бабушка с дедушкой как умели заманивали к себе внука, а теперь внуку. Огромный бассейн с горками и пузырьками сохранился еще с Мишиного детства, невероятная детская площадка обновлена и расширена, теперь добавились лошади. Если так пойдет дальше, дело дойдет до каруселей и американских горок. Они, казалось, и не вспоминали, что Настя им не родная.

Я покорным грузом долгие годы перемещался между двумя домами, следуя за победами и поражениями, и в результате потерял всякое представление, где у меня что лежит.

— Даже не знаю, как быть. Мы ведь хотели за тувельками зайти, — не сдавалась Катя.

— Да! Папа, я хочу малиновые на маленьком каблучке, — Настя обрушила на меня подробности.

— Девушка, как там с пастой? — последнее время хотя бы в самых модных ресторанах начала проходить мода на дронов-официантов.

— Сейчас спрошу. Одну минутку.

— У нас в четыре рисование. Если потом пойти по магазинам, то к лошадам уже будет поздно ехать.

Настя закусила губу, точь-в-точь как дядя Миша, на лице отразилась тяжелая внутренняя борьба. Она даже отпустила ложечку грушевого мороженого, из-за которого, собственно, они и обедали в «Чиполино» чуть ли не ежедневно.

— Мама, давай сегодня к лошадкам, а в магазин завтра?

— Не выйдет, солнышко, завтра у тебя теннис, потом музыка, а вечером мы с папой идем в театр.

— Да-а?

— Я тебе говорила, у Нилова премьера.

— Может, подождем с лошадками до выходных?

Я был убежден в исходе, но не угадал.

— Нет, к лошадкам. За туфельками можно потом или на выходных с бабушкой, — вид у ребенка сделался совершенно несчастный.

— Думаю, если взяться за дело по-настоящему решительно, — не выдержал я, — заскочить в магазин, отобрать у продавщицы самые лучшие туфельки и сразу сбежать, то можно как раз успеть к лошадкам.

— Мама?

— Ладно, — Катя улыбнулась и махнула рукой, — постараемся.

— Извините, — официантка дождалась возможности вступить в разговор, — буквально пятнадцать минут.

— Ну нет, так не пойдет, — я глянул на часы, — девушка, вы разрушили мечту. Я не успею насладиться волшебными спагетти кон вонголе и буду несчастен как минимум полчаса.

— Извините, — несмело улыбнулась официантка.

Садясь в машину, я вспомнил Нилова, неопрятного толстяка в растянутом свитере, модного, вроде бы, художника. Вообще, как ни удивительно, в нашей разоренной столице разоренной страны кипела большая художественная жизнь. У меня не хватало ни времени, ни интереса следить за ее причудливыми изгибами. Так что, вполне может быть и не художник, а может, как раз художник, кто их разберет.

Все позитивное содержит щепотку скверного. Оставленный в машине телефон успел собрать семь не принятых вызовов. В старые времена я успел бы по дороге от «Чиполино», до «Европейской» ответить на все, а сейчас едва закончил третий разговор. Успел бы еще меньше, но после обеда на улицы высыпало множество дронов и кортиков, на углу Немцова и Казанской проверяли машины, отняв несколько минут. Гостиницу окружал двойной кордон, наружный из контриков и внутренний из дронов, парковаться нас не пустили, пришлось прогуляться от Невского.

Дейв уже сидел в ресторане отеля и даже успел получить бутылку воды. Такими мужиками любят украшать рекламу, намекая на успех и престиж, кофе там, виски или часы. Поджарое мускулистое тело, правильные черты, седые виски, безукоризненный галстук, безукоризненный костюм, безукоризненная рубашка, ботинки под столом не разглядеть, но нет сомнений, что и там идеальный порядок.

Следуя ритуалу, мы обсудили экономику, биржевые котировки, сравнительные достоинства частных школ Англии, Швейцарии и США. Я рассказал о рынке недвижимости он о президентских выборах и разногласиях кандидатов по внешнеполитическому курсу. Не считая небольшой проблемы с мягкими согласными, русский у него был отличный, во всяком случае, куда лучше моего английского. От американской политики мы перешли к

напряженности в заливе и тревожным заявлениям последних недель по Кашмиру. Кашмир меня интересовал даже меньше художественной жизни, но американцы в целом и Дейв в частности не могли обойтись без двух-трех кругов бессодержательной болтовни.

Покончив с закуской, он перешел наконец к делу. Достал из безукоризненного чехла планшет, аккуратно разложил и вывел чертежи.

— У нас в последний момент возникло несколько великолепных идей. К сожалению, мы уже не успеваем внести изменения в тендерную документацию. Придется действовать назад. Не мог бы ты оценить наши концепции?

Я пролистал несколько листов. Как и следовало ожидать, навороченное и бестолковое решение по подъездным путям заменили на очевидное и простое. Их предложение немного отличалось от наших прикидок, но обходилось, навскидку, еще дешевле, даже не в три, а скорее в четыре раза. На следующем листе была неожиданность.

— Паркинг?

— Да, посоветовались и решили отказаться от двух нижних уровней подземного паркинга. Специалистов смущают грунтовые воды, и мы предпочли нарастить четыре дополнительных уровней отдельной парковки.

Конструктив, вентиляция, отделка — они резали все. Перед нами лежал, по сути, новый проект себестоимостью процентов на 40–45 ниже заявленного на тендер. Может, даже вдвое.

— Очень интересно. Ты не мог бы мне переслать? Хочется внимательнее изучить.

— Конечно. Должен сказать, мы в Агентстве крайне ценим ваши компетенции, и были бы рады вашей победе.

Агентство по кооперации и модернизации возглавлял обаятельный дедушка с великолепным русским, еще лучше дейвовского. Он предпочитал разрезать ленточки и произносить трогательные речи о горизонтах, возрождении и демократии, передав денежное представительство Дейву.

— Это не только наша позиция, — Дейв продолжал выкладывать козыри на стол, — Администрация с нами полностью солидарна.

Под Администрацией президента имелся в виду тихий и неприметный американский советник, здорово смахивающий на крысу. Сам глава Администрации был слишком занят хроническим алкоголизмом и малолетними любовниками.

— Министр нас поддерживает.

Это означало советника министра, длиннющего жлоба с квадратной челюстью, не выучившего за пять лет ни единого русского слова. Министерство жилищного строительства и развития городского хозяйства возглавлял милый придурок немного за тридцать. Из достоинств у него был превосходный английский, диплом хорошего американского университета, всегда сверкающие ботинки и ослепительная улыбка. По телевизору он смотрелся безукоризненно, чем и ограничивался, сосредоточившись на ботинках и запонках.

— Управделами тоже за вас.

Кротов меня как раз смущал. Удивительной пронырливости слизняк, никогда не разберешь, во что он играет. Опять же, Дейв пришел, а от него тишина. Это что-то значит? Или нет? В целом, выглядело душевно. Юрисдикция города над зеленой зоной довольно формальна, обойдется недорого. В партии Зябликов. В сущности, он ни при чем, но лучше бросить копейку другую, чтобы не пахло.

Кроме нас на тендер шли Брагин и Даудов. В отличие от наших подставных голландцев,

в конечном счете нами же и контролируемых, у них консорциумы с самыми настоящими американцами. Напрямую западники после нескольких трагических неприятностей к нам не заходили. Кстати, очень похоже, что кто-то тогда не постеснялся воспользоваться «маркетинговой поддержкой».

На словах и Брагин, и Даудов в целом не против отойти. Брагин хотел терминал, а с Даудовым придется, похоже, расходиться монетой. Если только один из них или оба сразу не шуруют под столом. Опять же, Кротов молчит.

— Удовлетворены ли вы работой с поставщиком по министерству юстиции?

— Чрезвычайно, спасибо вам огромное за рекомендацию. Прекрасное качество работы. Абсолютная, американская, я б сказал, четкость.

Дейв удовлетворенно кивнул самым серьезным образом — с чувством юмора у него катастрофа. «Хермитаж констракшен» состоял из пяти-шести подтянутых янки, вроде него самого, и стада симпатичных местных девиц. Их компетентность была совершенно фантастической. Они путали швеллер с двутавром, лампы со светильниками, грунт со шпаклевкой, коробки со щитами и вообще что угодно с чем угодно. Вдобавок к профнепригодности у них стоял задорный дух бардака и воровства.

«Питнат» включал в себя четвертого в стране поставщика стройматериалов, и как они ни старались, кое-что закупалось, в конечном счете, у нас же. Почти вся метизная группа, например, шла с нашего завода в Липецкой области.

Бухгалтерски окольцевав поставки, мы легко вычислили несложный путь, проходящий через двух поставщиков. «Юпитер», небольшая, но старая компания второго плана, продавала «Хермитажу», однако закупалась не у нас, а у промежуточной конторы с гордым именем «Глобал саплай», где и оседало две трети маржи. «Глобал» оказался чудесным бизнесом, с двумя сотрудниками в штате и офисом размером с небольшой шкаф, но приносил, по моим прикидкам, миллионов сто — сто пятьдесят долларов в год. Заправляли схемой три девчонки из «Хермитаж», чьи достоинства не исчерпывались развитыми молочными железами. Ласково прищевив им хвостики, мы шалили пуще прежнего, затаскивая материал на стройку напрямую. По мне, дядя Миша даже немного увлекся, скажем, с облицовкой фасада он явно зарвался. Слишком уж очевидная позиция, даже подтянутый американский бездельник способен отвлечься от оргий, откатов и пробежек, стащить где-нибудь калькулятор и поймать нас за руку. Конечно, кое-что мы и про них знали, но тут было больше умозаключений и догадок.

Стройная была система. «Хермитаж» тянул из бюджета, мы, русские девочки и американские менеджеры, воровали у «Хермитажа». Субподрядчики, прорабы и работяги старались стянуть у нас все что под руку придется, от мешка штукатурки и шпателя до вагонов с металлопрокатом. К таким как Дейв сходились ручейки, пригубленные всеми нами, но вполне полноводные. Все эти сертифицированные производители, включенные в реестр. Трубы, сделанные именно теми, краски — именно этими. Конструкторские бюро, рассчитывающие за эшелоны денег стандартную балку, бессмысленные лаборатории, проводящие ненужные замеры. Ручейки собирались в полноводную реку и уходили в заокеанские выси, а тамошних течений и ветвлений я уже не понимал. Строй мы, как в старые времена, церкви, система стала бы окончательно всеобщей, включив в долю и вседержителя.

— Дейв, единственное, подумываем не отказаться ли от бетона, у нас все-таки свои заводы. Вы ведь помните рекламации по этой позиции?

— Не припоминаю.

— Да? Было несколько довольно неприятных эпизодов. Тем более один из заводов у нас временно прямо на территории верфей, буквально метров пятьсот до стройки.

С бетоном было особенно нехорошо, хамская наценка, плюс постоянное жульничество с объемами, а, самое скверное, с маркой. Вдобавок, наш завод был единственным в зеленой зоне, но у нас они покупать стеснялись и возили через блокпосты с непредсказуемыми задержками и простоями.

— Боюсь, при вашем отказе от части поставок, им придется поднять цены остального ассортимента. Хотя я ничего в этом не понимаю. Вам лучше напрямую встретиться.

— Может, завтра?

— Как удобно.

По ресторанному залу разлетелись крохотные дроны, следом зашло двое белых и двое черных мужчин в характерных неброских костюмах, зыряка по сторонам и бормоча что-то в лацканы.

— Как-то много их сегодня.

— Так ведь Сандерс приехал, — Дейв посмотрел на меня с некоторым удивлением, — ты разве не идешь сегодня на прием в Агентстве?

Мне пришлось минут пятнадцать подождать в приемной перед кабинетом дяди Миши: шло совещание с дивизионом эксплуатации и обслуживания. Когда они начали выходить, их суровые, недовольные лица лучше любых цифр и графиков подтверждали деловой застой последнего года.

Михаил Натанович постукивал по столу, довольно отчетливо бормоча «кретины». В экранированной переговорной дядя Миша полностью согласился со мной и по ясности с Брагиным, и по сомнительности Даудова.

— Очень может быть, — задумчиво сказал он, — очень может быть, они с Кротовым поганку готовят. Может, конечно, цену набивает. Даудов — мужик мутный.

— Сандерс приехал, Кротов стопроцентно будет на приеме. Надо бы его прощупать. Легонечко так.

— Прощупаешь его... Хотя попробуй. Хуже не будет.

— А сами не хотите?

— Тошнит меня от этих упырей. К тому же вы у нас сегодня, я Настеньку давно не видел. И потом, у тебя просто талант на упырей. Любят они тебя.

Все-таки стареет, в прежние времена он никому бы не доверил, не поддался бы сантиментам.

— Конечно.

На выходе я обернулся спросить, не переговорил ли он с Мишей.

— Разговаривал, разговаривал. Совсем охамел. Их величество сегодня подъехать не смогут. У него, понимаешь ли, необыкновенно важные планы на вечер, какие, правда, не сказал. И предложил мне — мне! — подъехать в какой-то кабак. «Орел». Смельчаки.

— Ух ты, дерзко. На двуглавого, я так понимаю, пороху не хватило?

— Угу, и сами мы какие-то неискренние.

— В смысле?

— Долго объяснять. Иди.

Света подскочила навстречу с огромной книгой в руках. Дядя Миша всегда говорил: хочешь дела — бери секретаршу за сорок. С тех пор как я дослужился до личной секретарши,

ей перевалило за пятьдесят, но в работе Света становилась только лучше. Разворот амбарной книги был исписан убористым почерком. Красным отмечено срочное, синим важное, черным все остальное. Чтобы раскидать даже самое неотложное, нужен полный рабочий день, но было уже полпятого, а в семь начинался прием в Агентстве. Лето еще толком не началось, да и какое у нас тут лето, но я как-то сумел вспотеть, так что нужно было привести себя в порядок, сменить по крайней мере рубашку, а хорошо бы и костюм на что-нибудь более вечернее. Такие приемы лучше посещать с женой, но Катю к разнузданному веселью подобного свойства надо готовить за неделю, и то никаких гарантий. Сейчас уже можно не беспокоиться, выдернуть ее из Песочного ради протокольного занудства не выйдет ни при каких обстоятельствах.

Я твердо пообещал себе провести следующий день в офисе, отбиваясь от всех, но тут же вспомнил про встречу с «Хермитаж». Разобравшись с десятком мелких дел, я вывел на стол разрез фасадов, на сектора монитора письма менеджера проекта и юриста, отчет планово-технического отдела. Начальную и дополнительную сметы подрядчиков, занимавшихся остеклением, Света мне распечатала. История была головоломная и сложная, что-то тут не сходилось, а решать следовало спешно, до начала работ. Я увеличил один из элементов чертежа, и забегал глазами между мониторами и бумагами, делая заметки в планшете.

Заноза застряла в мыслях, мешая сосредоточиться. Зачем-то я уже возился недавно с этими чертежами, и почему-то очень важно было вспомнить подробности. Заноза разрасталась, пока я не вспомнил.

— Костя, машину живо!

— Николай Андреевич, вы вернетесь? — спросила Света, но я уже выбежал из приемной.

Нетерпеливо кружа в ожидании лифта, я набрал Мишу, он не отвечал. Тогда я отыскал в интернете адрес «Орла»: оказалось в зеленой зоне, совсем недалеко. Чертова семейка с их чертовыми идеалами. Мой-то идеализм в долю секунды и навсегда излечил под Тельманово осколок 152-мм снаряда.

В то лето Боря за считанные дни превратился из легкого фрондера, беззаботного противника и насмешника режима в запредельного ватника и ненавистника Запада. Тогда и были сочинены эти его шлягеры. Мне, кстати, больше нравились ироничные Борины песенки, лишённые чуждого для него пафоса, но я, кажется, такой на свете один.

Песен Боре оказалось мало, он создал отряд ополчения «Орел». Одного взгляда на сброд, записавший в батальон и крутившийся вокруг, было довольно, чтобы убедиться в совершенной безнадежности затеи. Очкастые задохлики, малолетние истеричные дуры. Особую статью составляли буйно помешанные, считавшие себя язычниками, они подвязывали немытые космы вышитыми ленточками, носили какие-то вычурные косоворотки и по любому поводу норовили завести беседу о древнем величии, славянских рунах и прочих перунах. Даже мой прапорщик Меленчук, а он был великий в своем роде человек, опустил бы руки, доведись ему делать из этого сброда солдат.

Не то что с боевым опытом, а даже просто отслуживших было два-три человека, не больше. Боря уговаривал меня стать у них кем-то вроде инструктора, и я согласился. Согласился, потому что Боря попросил, согласился, чтобы показать ему весь идиотизм и нелепость затеи.

К концу лета все было кончено, Москва превратилась уже в огненное озеро, и мама...

Мама сопротивлялась уговорам перебраться ко мне насовсем. Ей мнилось будто она

мешает сложиться моему семейному счастью. «К твоему богатству детишек бы еще», — говорила она.

В то время из богатств у меня водилась трехкомнатная квартира в доме начала века, недавно купленная со всем содержимым, включая чайные ложечки. Квартиру эту дядя Миша подарил своей пассии, грудастой хохотушке-блондинке. Кто-то из них остыл, пассия выходила замуж и избавлялась от изобличающего. В общем, скидку на конфиденциальность отчасти уравнивал налет сибаритства и порока. Мама, впрочем, вряд ли замечала эти тонкости, ее девственное воображение поражали нехитрые блески комфорта вроде пальм в лифтовых холлах, подземного паркинга и бильярда в вестибюле. Мама все старалась сбежать домой, выдумывая дела, приближала внуков, наверно.

Бомба накрыла соседнюю воинскую часть ракетчиков, ветер дул неудачно, и наш городок накрыло облаком. Мамы не стало.

Мы встречали их на Пулковском шоссе. В обычном густом потоке машин заметную долю составляли осколки исчезнувшей уже армии. Техника, везущая на броне гроздь солдат, грузовики и легковушки, заполненные людьми в форме. К нам прибился пяток ребят на потрепанном и закопченном БМП, потом танк, Т-90, кажется, тягач подтащил 100-мм противотанковое орудие с десятком снарядов. Парни были ошалевшие, грязные, в разномастном камуфляже, они сами ничего не знали, только материли начальство и пересказывали, каждый свои, невозможные слухи.

Шоссе как-то разом опустело, только редкие машины испуганно и торопливо проскакивали неожиданно свободную дорогу. Потом появились они. Первая волна шла нагло, как на параде, без охранения, без разведки, без ничего, как будто все уже кончено. Фугасы удачно заперли колонну на виадуке, они выскакивали из подбитых машин, выкрашенных в дурацкий песчаный камуфляж. День выдался поразительно теплый для второй половины августа, многие были даже без бронежилетов. До сих пор странно, не могла же их броня обходиться без кондиционеров? Они метались в растерянности, словно пьяные или контуженные. Это был какой-то чертов тир, а не бой.

Когда все кончилось, ребята помешались от радости, будто бы войну уже выиграли. Только что тряслись и не умели вставить магазин, а тут ощутили себя непобедимыми войнами. Даже я как-то поддался эйфории, ну и сразу отхватил свое. Мы собирали оружие и добивали раненых. Да, добивали, герои такое в мемуарах не пишут, но нам некуда было их девать. Один из дронов ожил, никто тогда ни хрена не понимал в этих дронах. Ожил и засадил по мне и еще одному парню, солдатику. Я так и не узнал, как его звали. Солдатику в голову, а мне под лопатку, ничего броник не помог, прошило насквозь, застряв в передней пластине.

Ясно было, что нам просто повезло, как в лотерею выиграли, что через несколько часов они подведут свою махину и размажут нас к чертовой матери. Я пытался объяснить Боре, но у меня только кровавые пузыри лезли, да и не слушал он меня. Похлопывал по рукам, нежно так, и успокаивал. Меня... меня, блин, успокаивал! Дескать, залатают, все будет путем, только молчи. Хотел я ему в ухо дать, чтоб заткнулся, но и того не смог.

Приехала скорая. В этом балагане, словно ничего особенного не происходило, продолжали работать скорые, и офисы, и торговые центры. По нездешнему высокому небу плыли роскошные муляжные облака, и солнце плескалось в окнах высоток. После укола я очнулся только на следующий день, навсегда оставшись с привкусом несовершенного предательства. Оставить их одних было все равно что бросить пятилетних детишек в лесу.

Мы вместе пришли и вместе должны были уйти или вместе остаться. И жениться на его жене тоже было нельзя.

«Орел» оказался в точности таким, как я и представлял. Полуподвал в глухом переулке с грошовой арендой. Чтобы проникнуть внутрь, нужно было акробатически протискиваться вдоль стены мимо титанической лужи, широко разлитой на разбитом тротуаре. Дождя, заметим, не было уже неделю. Напротив закрытого гардероба стену занимал умело нарисованный безголовый орел, по шеем на грудь стекала кровь. Для слабоумных вокруг вислась ленточка с Бориным «моему орлу срубили головы». Строка была из гимна «Орла», третьей по полярности его песни.

Грубо сколоченные столы, случайные, тщательно подобранные, разномастные стулья и диваны, невысокая эстрада в углу. На стенах постеры с Борей, естественно, та самая фотосессия, сделанная за пару дней до боя на Пулковском. Боря с гитарой, Боря смеется, Боря прикуривает от горящей ветки, Боря стреляет из пулемета, Боря чистит разобранный автомат. Та девчонка едва уговорила Борьку на эти съемки, для пропаганды нашего дела, как она говорила. Девочка стала тетенькой и все еще процветает, кормясь с этих снимков.

На фотографиях Боря был в тельняшке и парадном ватнике. В те дни он был одет или так, или в какой-то невысказанно модный камуфляж, и весь был обвешан сверхсовременной военной амуницией. Половиной Боря едва умел пользоваться, а другая половина была просто бессмысленным хламом. Производители армейского снаряжения здорово наживаются, продавая брутальный мусор теоретикам-любителям.

Все это странно смотрелось с его тонким носатым лицом, которому очень бы пришлось очки в тонкой металлической оправе, не избавься Боря от близорукости еще в ранней юности.

Зал был почти пуст, только бармен и десятка полтора ребят за длинным столом, в основном, парни, конечно, но было и несколько девчонок. Одеты все были по моде, а моднее других был Миша, особенно сильно походивший на клоуна.

— Дядя Коля? — удивленно спросил он и немного привстал, но не до конца, оставшись в странном промежуточном положении.

Я взял паузу, позволив себе небольшое удовольствие от его идиотской позы. В смысле моды выяснились новые увлекательные подробности. На нем были обтягивающие камуфляжные штаны с накладкой, имитирующей гигантские причиндалы, по гангстерской американской моде.

— Пойдем, поговорить надо.

— Можно здесь. У меня от ребят секретов нет.

— У меня есть. Пошли, — я, не оборачиваясь, вышел на улицу.

Только сев в машину, я сообразил, что он может и не выйти, выставив меня кретином. Само по себе обстоятельство малозначительное, но терялся темп и эмоциональное преимущество, а в предстоящем разговоре на разум и рациональность полагаться не приходилось. Миша все-таки вышел и угрюмо уселся рядом. Расчет оказался верен, какие-то ошметки взрослого авторитета я еще сохранял.

— Ну? Чего вы как с цепи? Сначала дед, теперь ты.

— Костя, погуляй пока.

Я доверял Косте как себе, но и ему не стоит знать лишнего без необходимости. К тому же таким образом я подчеркивал Мише всю серьезность ситуации.

— Миша, Миша... — случившееся было такой нелепо, что я затруднялся начать, —

скажи мне, Миша, когда ты пару недель назад интересовался министерством и агентством, это зачем было?

— Ну, интересно, чем вы с дедом занимаетесь. Тем более такой масштабный проект.

— Второй раз скормить мне это фуфло не выйдет. Твой интерес был как-то странно сосредоточен на системах безопасности, нынешних и будущих. К чему бы это? — я заглянул ему в глаза.

— Ну, э... — Миша смецался, сказывался недостаток опыта, — все-таки, самое интересное, технологичное.

— Миша, я не старшеклассница. У меня даже косичек нет. И кормить кошечку я к тебе не поеду.

— Какую кошечку?

— Милую! С хвостиком. Ты, Миш, задумал глупость, не знаю какую точно, но глупость. Дурацкую глупость. Причем в неправильном месте и с неправильными людьми.

— И что же ты, дядя Коля, знаешь об этом месте? Или о моих друзьях?

— Побольше твоего. Представь, что ты кортик...

— Дядя Коля, если уж пытаешься щегольнуть молодежным сленгом, зови их катетами, кортики — вообще не современно, так никто не говорит.

— Пусть, так. Как ты думаешь, долго ли проработает такое заведение без санкции конторы? Сколько, по-твоему, тут стукачей?

— Среди моих друзей ни одного.

— Откуда бы тебе это знать? Человек слаб.

— Вот это я знаю, — он со значением посмотрел на меня.

Я не без труда сдержался: то, что мне хотелось ответить и даже сделать, к цели не приближало.

— Ладно, давай оставим в стороне, как ты это делаешь. Хотя делаешь опасно и неумно. Давай поговорим, зачем ты это делаешь. Предположим, а так не будет, вас не поймают, вы успешно заложите и взорвете какую-нибудь идиотскую бомбу в Министерстве. Кто, по-твоему, пострадает? Подлые оккупанты? Мерзкие предатели? Ничего подобного. Оторвет голову какой-нибудь Полине Петровне из подотдела департамента по делам несовершеннолетних и уборщице Кате. Зачем это? Кому будет хорошо? Ты, кстати, лично знаком с нынешним замминистра.

— С Галицким?

— Вот что он плохого тебе сделал?

Причем здесь я... И что Галицкий? Ну, обаятельный человек. Мало ли кто обаятельный Гитлер вот тоже любил кошечек. Только теперь Галицкий беззаветный защитник пидоров, любитель повосхищаться демократиями. Англия, Магна Карта, все такое. Где же его консерватизм и православное слабоумие?

— Ты его пугаешь, я даже догадываюсь с кем. Галицкий всю жизнь стоял за либералов.

— Ну и что? Какая разница? Чего спорить, ты сам обо всех них отзываешься как о подонках.

— Я и о предыдущих так же отзывался, да они и были ровно такими же, а если подумать, просто теми же.

— И ты предлагаешь по этому случаю ничего не делать. Смириться и терпеть, — он включил монитор, вмонтированный в спинку водительского сидения, и защелкал, переключая цветастые картинки. — Надо же что-то делать.

— Померь температуру. Лучше всего ректально. Или выучи хинди, раз уж тебя так угнетает бездействие. И прекрати, выключи.

— Ничего не делать и смириться... досталось тебе, дядя Коля.

— Мы все умрем. Ты, я, даже маленькая Настя. Это никому не нравится. Категорически. Почему бы не взорвать в знак протеста городской планетарий?

Миша подался вперед спорить, но я остановил его движением руки.

— Четырнадцать лет назад я сидел с моим другом, лучшим моим другом, в заведении вроде этого, только картинки были другие развешены. А так точно такой же шалман, где молодым бунтарям подавали модные коктейли и чувство собственного величия. Мой друг был очень красноречив, куда красноречивей тебя, он говорил слова, убедительные слова. А может, так казалось, мне ведь было на четырнадцать лет меньше, чем сейчас. Я отговаривал его, как отговариваю тебя, но почему-то получилось так, что не он пошел со мной, а я с ним, хотя прекрасно было понятно, как это глупо и бессмысленно и чем закончится. И Боря понимал не хуже, но вокруг была толпа истеричек и придурков, обожавших его, и страх увидеть их хари недовольно сморщенными был сильнее разума, сильнее всего. Боря тогда носил ватник и тельняшку. Не символические подделки, как у тебя, а самые настоящие. Представить не могу, где он их раздобыл. Но даже настоящий ватник и настоящая тельняшка — тоже слова. Боря, как и ты, ничего не знал о всяком таком, о людях, носивших тельняшки и ватники всерьез, не маскарадом. Уже к вечеру, пока я валялся без памяти весь в дырочку, твоя мать искала моего друга по моргам. А маленький мальчик плакал и звал папу и маму. И все это было зря, просто так, ни за чем.

— Это было зачем, дядя Коля, его портреты висят везде, его стихи знает каждый. Отец зажег огонь, который никогда не погаснет.

— Ты говоришь слова, хлесткие слова, громкие слова. С ними нельзя спорить, но не потому, что ты прав. Чтобы спорить со словами, нужно говорить другие слова, а я этого не умею и не люблю. Огонь... Если огонь нужен, его зажгут. Не обязательно умирать в двадцать семь, тем более в восемнадцать. Мне надо было двинуть его табуреткой по башке, скрутить и запереть где-нибудь на неделю-другую. И с тех пор я постоянно спрашиваю себя, почему же я этого не сделал?

— Потому что не смог бы. Он был герой. Героя, дядя Коля, табуреткой не остановишь.

— Наверно. Поэтому его портреты висят всюду, а у меня что-то ноет на погоду. Подумай прежде, чем начнут вывешивать твои портреты, подумай, хотя бы о матери, она не переживет еще одной прогулки по моргам.

Я торопливо метался по квартире, собираясь. Никогда бы не признался в этом Кате, но у дяди Миши, при всех капителях и ангелочках, мне нравилось больше. Из нашей квартиры Катя устроила какой-то морг класса люкс, ужасно стильный, сплошное стекло и хром, но мало походивший на человеческое жильё.

Миша не шел у меня из головы. Дело двигалось к большой беде, и разговорами тут не поможешь. Упрямый молодой баран. Где-то между часами и бабочкой меня осенило. Найденное решение выглядело коварно, но эффективно, и к тому же несложно. Можно Ушакова попросить, он не откажет, да и нужна мелочь. Закрывают его на пару дней и прессуют. Без членовредительства, но жестко, чтоб обкакался. Горя Миша не видел, стараться особенно не придется. Он выходит, и дядя Миша рассказывает, как вытащил его едва-едва, за большие деньги и ненадолго. Юноша меняет замаранное бельишко и, обгоняя тень, сбегает учиться в Китай, пока за ним не пришла кровавая охранка. В Гуанчжоу видит в

каждом встречном тайного агента, а себя считает очень важным политическим беженцем. При хорошем исполнении должно хватить надолго, может, и навсегда. Правда, если не совсем обалдеет от страха, может возникнуть резонный вопрос, почему им занимается полиция, а не кортики, ну, или как их там теперь. Значит, не должны представляться. Выглядит немного сложновато, есть где напортачить, но как идея неплохо. Надо обмозговать получше, посоветоваться по деталям с дядей Мишей, он такие вещи хорошо умеет.

Перед выходом я глянул в зеркало и остался, откровенно говоря, совершенно доволен. Долгие годы, как ни оденся, у меня был вид уральского грузчика, в лучшем случае — принаряженного на свадьбу. Даже без грамма лишнего я выглядел грузным и огромным сельским бугаем. Однако лет после сорока вместе с сединой и морщинами что-то во мне появилось такое, штаб-офицерское, особенно в хорошо подогнанном вечернем костюме, а этот смокинг удался исключительно.

Я опаздывал и нетерпеливо постукивал лакированным штиблетом в ожидании лифта. Лифтовые холлы, как и весь дом, проектировала турчанка, замененная позже тайцем. Очень возможно, но не наверняка, у дяди Миши был тогда с ней романчик. Холл освещался модным в те годы светящимся потолком. Здесь же стояли кадки с какими-то невиданными деревьями и диван, зачем-то в виде раскрытой раковины. На нашем этаже было всего три квартиры, и едва ли кто-нибудь часто изображал жемчужину, пользуясь диваном.

Из соседней квартиры вышел Гоша. Он держал подмышкой ракетку и был в спортивном: футболка, шорты, кроссовки. Меня неприятно укололо напоминание, последние полгода я добирался до зала раз в неделю, на выходных, а если совсем честно, то и не на каждых. И это при прекрасно оборудованном спортзале с бассейном и кортом на первом этаже. Мы обменялись несколькими бессмысленными фразами, уже распахнулись створки лифта, когда я наконец сообразил.

— В Агентство разве не идешь?

— Так бабахнули. Черт-те что. Вроде, даже кортеж Сандерса расстреляли. Че творят. Мы уже собрались, когда Ирка по ящику услышала. В общем, праздника не будет. Так что переодевайся и давай, подтягивайся.

— Около двадцати минут назад, — тревожно говорил диктор, — возле Агентства по кооперации и модернизации прозвучал мощный взрыв. Как сообщают источники в правоохранительных органах, сработало взрывное устройство, заложенное в припаркованном автомобиле. После взрыва террористы обстреляли автомобиль заместителя государственного секретаря США Джереми Сандерса. Огонь велся из строящегося неподалеку здания. В настоящее время проводится спецоперация, террористы заблокированы. О количестве жертв и пострадавших пока не сообщается.

Мишин телефон был выключен. Сомнений оставалось мало, но я все же позвонил — с зеленого, конечно, телефона — главе наших безопасников, попросил определить последнюю Мишину локацию. Костю я отпустил, сославшись на длительные, допоздна, планы.

На полпути задрезжал зеленый телефон.

— Николай Андреевич, к сожалению, ничем не могу порадовать. Последняя локация в районе Агентства. Связь отрубили. Бардак полный. Больше пока ничего не могу узнать.

На площади перед Агентством десятков дронов выстроились аккуратной цепочкой через равные промежутки. Они почти непрерывно стреляли по невидимым окнам. На моих глазах два из них уступили место новым и неторопливо покатали к пандусу на подземную

парковку. Видимо, пошли на перезарядку. Хорошо хоть остекление не успели начать, мелькнула у меня дикая мысль.

Машина встала в шеренгу таких же мерседесов съехавшегося уже начальства. Несколько мужчин орали в коммуникаторы, остальные, не зная, чем себя занять, шептались, сбившись в группки. Особенно сильно надрывался вице-мэр по благоустройству и дорожному хозяйству. По его части тут совершенно точно ничего не происходило, но такое уж у него было чрезмерное чувство сцены, подогреваемое бойким темпераментом и кокаиновой зависимостью.

Я вышел из машины, сам не зная зачем, и тут же едва не упал. Вокруг было разбросано множество каких-то грязных и чертовски скользких комков. Вице-мэр и еще несколько знакомых скупно кивнули, приветствуя.

К Верховному суду, выходящему на площадь, жались две группки людей, человек по десять каждая. Поближе к площади контрики, поближе ко мне полицейские. По крайней мере суд хоть кого-то защищал, для стрелков из Министерства они, прикрытые зданием, находились в мертвой зоне.

— Извините, — полицейский в бронежилете и с автоматом, подошел ко мне. — Здесь не безопасно. Покиньте, пожалуйста, зону спецоперации.

Номер машины у меня был достаточно хорош для полицейской вежливости, но все же не настолько, чтобы остаться здесь без дополнительных объяснений.

— Конечно.

Я объехал квартал. Проулок упирался в синий забор, ограждавший стройку. С этой стороны располагался отдельно стоящий паркинг, связанный с основным зданием тремя подвесными галереями — странное, но эффектное решение, предложенное нашим тайцем. Я закричал, но перевалил через забор, зацепившись карманом смокинга. При всем желании я не смог бы нарядиться менее подходящим способом. Хорошо еще Палыч опять проушанил приказ дяди Миши и не обтянул забор с этой стороны колючкой.

На поднятый мной шум из-за строительного вагончика выбежало двое полицейских в полной сбруе, бронежилеты, автоматы, шлемы, разгрузки, плотно набитые утварью. Если б не испуганные глаза, прям киношные рейнджеры.

— Не двигаться! Что вы здесь делаете?

В смокинге и бабочке я, видимо, мало походил на опасного террориста, и паренек представления не имел, как со мной обойтись.

— Кто руководит оцеплением? — оставалось надеяться, что грозный, очень главный начальник мне удался.

— Старший комиссар Ушаков! — он был, очевидно, доволен переходом в область ясных понятий. Даже как-то приосанился.

— Немедленно ко мне!

Полицейский послушно потыкал в компьютер, висевший на предплечье, и негромко зарокотал в микрофон, вмонтированный в шлем. С Сергеем Петровичем сказочно повезло. Он появился буквально через две минуты, недовольный и пыхтящий, кривящийся, что-то выговаривая в большой коммуникатор защитной раскраски. На нем была какая-то допотопная каска и с трудом застегнутый бронежилет. Увидев меня, он скривился еще больше, дескать, только этого не доставало. Подошел почти вплотную и чуть слышно спросил:

— И какого хера ты, Коля, тут делаешь?

— Все-таки наш объект. Вы, ребята, совершенно напрасно здесь выставили оцепление. Из основного здания сюда можно перебраться только через подвесные галереи. Они пока без остекления и элементарно просматриваются из любой точки.

Ушаков молчал, глядя на меня в упор.

— Миша там, — шепнул я одними губами.

Он продолжал молчать, закусив верхнюю губу. Наконец покачал головой и повернулся к полицейским.

— Дуйте к Бочкину. Точка МЗ. Мигом.

Когда грохот их берцов начал затихать, Ушаков еще раз покачал головой:

— Коля, Коля... Минут через двадцать будут десант через крышу высаживать, — он развернулся и ушел.

Я забежал в паркинг, спустился на этаж ниже и нырнул в неприметную дверь. Парковка была связана с Министерством еще одним, подземным переходом, куда были спрятаны все коммуникации. Туннель тускло освещали аварийные лампы. Я успел пробежать десяток метров, когда в глаза ударил свет.

— Стоять!

Я заслонил глаза от яркого луча. Судя по шевронам, передо мной был боец «Феникса», спецназа Контртеррористического комитета. Слепил фонарь, приделанный к каске.

— Вы кто?!

— Я? Контрольный замер сопротивлений. А вот вы здесь откуда? Где Валера? Валера! Почему посторонние на объекте?

Боец подошел ко мне ближе. Мне, кажется, удалось вызвать у него кратковременное замыкание. Он пытался собрать вместе мои слова, мою сбившуюся бабочку и мое появление со стороны, противоположной ожидаемой от противника. Пока он не пришел в себя, я сделал большие глаза и ткнул пальцем ему за спину. Спецназовец попался и резко развернулся. Я, конечно, уже не тот, что четверть века назад, но, как учат, в ударе главное не сила, а неожиданность. Других утешений не предвиделось, и я врезал. Моя физическая форма далека от идеальной, но оставался кое-какой навык и сто двадцать килограмм веса. Парня крутануло, я добавил по падающему левой. Это была ошибка, кулак попал в шлем. Адская боль прохватила до плеча, несколько секунд я баюкал разбитую руку. Боец лежал, не подавая признаков оживления.

Я снял с парня оружие: автомат и большой серый пистолет, красивую чешскую машинку нового образца. Отыскал запасные магазины. На мою удачу боец оказался разумным человеком, поплевывающим на правила, — ненадежные распознаватели стрелка были отключены. Я прихватил фонарь со шлема, сорвал и закинул на трубу отопления коммуникатор, тело с трудом оттащил за ноги в электрощитовую. Парень был большой, плюс амуниция, а левая почти не работала. Щитовая была не заперта и завалена строительной дрянью. (Если уцелею, оторву Валере голову.) Я отыскал кусок арматуры и запер снаружи, вставив прут в ушки для навесного замка.

В здании я продвигался осторожно, проползая под лестничными окнами. Нужно было найти Мишу и как-то дать о себе знать прежде, чем его дружки-кретины меня пристрелят. По звукам выстрелов я нашел их на четвертом этаже. Я пробирался по коридору, слава богу, здесь успели выставить коридорные стены, прикрывавшие от оконных проемов. В пустых дверных проемах я сгибался пополам. На ходу я кричал:

— Миша! Не стреляй! Это я!

Он выполз на четвереньках в коридор. Всполохи играли на лице, укрытом балаклавой, на лбу ткань порвалась и намокла от крови, струйкой сбегающей на нос.

— Дядя Коля? Что ты здесь делаешь?

— Ты его знаешь? — в темном конце коридора обнаружился лежащий паренек. Он, видимо, держал коридор и только по большой удаче не накачал меня пулями.

— Мужички, времени нет на любезности. Хотите выпутаться — двигайте за мной.

— Сейчас, — Миша засеменил на четвереньках назад.

Что-то с грохотом упало. С улицы продолжали стрелять, на пару этажей ниже взорвалось с такой силой, что качнуло здание. Миша, пыхтя, вернулся. Он тащил еще одного. Я нагнулся проверить пульс. Шея была залита холодным и липким, пульс бился робко и неритмично.

— Не жалец. С ним не выберемся.

— Без него не пойду.

— Ладно. Кто-нибудь еще?

— Нас трое только осталось.

Мы двигались медленно, опасно медленно. Раненого пришлось тащить мне, герои были хлипковаты. Тот, из коридора, вскидывался по сторонам, явно на грани истерики. Просто чудо, что он меня не продырявил. Пока мы пробирались к туннелю, я успокоился и составил нечто вроде плана. Главное добраться до мерседеса. Отдельная история — как перетащить тушку подранка через забор, но это потом, когда и если доберемся. Отправляю ребят на машине, а сам возвращаюсь назад, выпускаю катета и утешаю его. Кошелек остался в машине, и я, честно сказать, понятия не имел сколько там. Наличные мало применялись в моей частной жизни, другое дело на работе, но там их перемещали не в кошельках, а в чемоданах и сумках. Дам сколько есть и пообещаю еще. Деваться ему все равно некуда, тоже отличился. Слетаю до банкомата, в конце концов.

— Стоять! Бросить оружие! Стреляю! — в конце коридора полыхнуло два слепящих фонаря.

Включились забытые рефлексy. Секунду назад я тащил раненого, строил планы, кривился от боли в руке. Свет в лицо, и я уже лежу возле стены, поливаю короткими. Все кончилось так же резко, как и началось. Катеты лежали. В таком огневом контакте никогда наверняка не разберешь, но, кажется, левому я засадил в голову, второй, подошвами к нам, еще дергался, изгибаясь на грязном полу. Нервный из коридора подбежал и добавил в упор — солдатик замер.

Мы осмотрелись. Везло сегодня невероятно, хоть в казино иди. Катетов оказалось всего двое, а не двадцать. Я цел, Миша тоже. Правда, в раненого попало еще, и пульс уже не прощупывался, а у нервного из пробитого плеча толчками хлестала кровь. Но могло и даже должно было обернуться намного хуже.

До машины, снова чудо, мы добрались без приключений. Возле основного здания продолжали стрелять, грохали взрывы, но в этой части стройки было спокойно и пустынно.

Я вел машину, стараясь унять пляшущее сердце. Думать надо было спокойно. Машина залита кровью и забита засвеченными железками. Сами мы, грязные и в крови, совсем не похожи на добродетельных граждан, вернувшихся с ранней вечерней прогулки. Первым делом избавиться от оружия, потом нужно место переодеться, помыться, наскоро залатать дырку в паренке. Ни ко мне, ни к Мише в таком виде нельзя. Охрана и, самое скверное, камеры. Понатыкали чертовых электронных глазков повсюду. В приличное жилье теперь и

не зайдешь без видеоидентификации. Я наскоро перебрал варианты: подтереть потом записи, найти себе какой-нибудь намордник.

— Балаклавы не снимайте! Тебя мне лучше совсем не видеть, — сказал я раненому.

Никуда не годится. Оставалось единственное, но вести туда Мишку отчаянно не хотелось. Молодой, не поймет. Но, похоже, лучшего не выдумать.

— Значит так, парни. Нам нужно где-то привести себя в порядок. Есть одно место. Надежное, главное.

— Дядя Коля у нас отход есть.

— Видел я ваши отходы.

Зеленый телефон задребезжал незнакомым пакистанским номером. Собственно, знакомых пакистанских номеров у меня и не было.

— Дима, я насчет аварии, — голос, естественно, был незнакомым.

— Какой аварии?

— Дима, не тупи. Твоей аварии. Короче, ты засветился на камеры, все твои подвиги, номера машины, личная идентификация, все дела. Так что отскочить не надейся, ничем помочь не смогу, и никто не сможет. Думать надо было, где и что ты делаешь. Короче, влетел ты, дружище, по полной, по самые помидоры. Все понял?

Судя по помидорам, звонил Ушаков.

— Да. А... в туннеле тоже камеры стояли?

— В тоннеле? Не знаю, кажется, нет. Ну, бывай. Мне лучше не звони.

Я опустил окно и вышвырнул основной телефон.

— Где там ваш отход?

— Что-то случилось?

— Я на камеры попал. Меня ищут теперь, нельзя вам со мной.

Мы заехали в глухой проулок, я даже не знал, что он есть в этом месте.

— Камер точно нет?

— Точно. Была одна, скорее всего нерабочая, но и ее заклеили час назад, перед делом.

Невозможно поверить, но времени действительно прошло всего ничего. Только час назад, даже меньше, я выбирал галстук и раздумывал над дизайном.

Скрипучие железные ворота распахнулись, одна створка, правда, посередине застряла, но машина прошла. Двор выглядел глухим, заброшенным местом, ни одно окно не горело. Ржавый и гнутый металл над прямыми входами в подвал, косые полуобвалившиеся водостоки, вязь граффити, покрывающая остатки штукатурки в несколько культурных слоев. Офисы? Мастерские? Миша вытащил большие мусорные мешки из потрепанного микроавтобуса и начал раздеваться. Я, как мог, протер оружие, и, разобрав, раскидал детали по разным мешкам.

— Стволы тоже выбрасывайте, не жадничайте.

— Конечно, — Миша протянул мне стопку одежды, обернутую вокруг кроссовок, — это... в общем, ему не надо больше. Может, подойдет.

Штаны заканчивались на середине щиколоток, застегнуть их нечего было и думать, свитер натянуть не удалось, зато ветровка налезла на голое тело, она, во всяком случае, прикрывала ширинку. Кроссовки были размера на три меньше, но выбирать не приходилось.

Раненый уже избавился от своего сувенирного ватничка и футболки, для разнообразия не тельняшки, и неумело возился с плечом. Одной руки, к тому же трясущейся, ему не хватало, да и опыт был явно первый. Вокруг бестолково хлопотал Миша, заслоняя

мертвенный свет фонаря. Я отогнал его, поставил укол анальгетика (надо отдать должное, ребята были неплохо готовы), обработал рану и наложил повязку. Паренек был бледнее бумаги, тяжело и часто дышал, явная большая кровопотеря.

— В больничку бы тебе. Врач есть?

Он кивнул.

— Ладно, тогда я поехал. Миша, мусор разбрасаешь по разным помойкам?

— Конечно, у нас проработано.

— После мусора в сауну, лучше не дома. Сиди, пока мозги не расплавятся, потом отдрай себя так, чтоб кожа сошла, и так раза два-три. Ногти обстриги до мяса и двигай в аэропорт. Не думай, не жди. Лети первым рейсом куда угодно, лишь бы из страны. Лучше всего побыстрее добраться до Китая, Индии, чего-нибудь в этом роде. Но главное — как можно быстрее выберись из страны. Понял? Сделаешь?

— Сделаю. Дядя Коля, куда же ты? Тебе ведь нельзя на этой машине.

— Отгоню на пару кварталов и брошу. За меня не переживай, нормально все. Еще — одежду с себя тоже выкинь.

Он что-то начеркал в блокнотике, оторвал и протянул мне листочек.

— Вдруг пригодится. Его Желудь зовут. Ну, кличка такая. Он всю ночь нас будет ждать на всякий случай. Говорят, прям волшебник. Народ через границу таскает. Скажите, что от Принца.

— От Принца?

— Ну да, — он даже немного покраснел.

Я уже сел в машину и закрывал дверь, когда Миша ухватился и потянул на себя. Поврежденную руку дернуло такой болью, что у меня чуть слезы не выступили.

— Дядя Коля, — он наклонился почти вплотную и говорил чуть слышно, — почему ты пришел?

— Вечерок выдался никуда. Сплошная тоска. Дай, думаю, разомнусь. Тикай, Миша, тикай, не останавливайся и не оглядывайся.

Я заехал в переулок чуть пошире и вызвал такси. Зеленым телефоном я для такого прежде не пользовался, экранчик был крохотный, пришлось немного повозиться.

Водитель оказался разговорчивым, его даже не смутило, что я занял задний диван.

— Слышал? — он просто брызгал эмоциями. — Наши на Верфях генерального секретаря завалили, пиндосского.

— Да ты что.

— Подогнали фуру с сухофруктами и ба-бах! Кто выпрыгивал из машин — добивали.

— Как же они фуру, да еще с взрывчаткой, в зеленую зону затащили?

— Это вообще не вопрос. Даешь нашим поменьше, пиндосам побольше и вези че хочешь.

Мне хотелось спросить, как он технически предполагает договориться с дроном о взятке, а потом ее передать. Спрашивать я, конечно, не стал, у этого парня наверняка был наготове идиотский ответ на любой каверзный вопрос, а мне его трескотня мешала собраться с мыслями.

— А еще слышал? Наши сегодня ночью мочили пиндосов в этой, как ее, Филадельфии, что ли. Подъезжали к дому какого-нибудь сопляка-дроновода и крошили в муку всю семью. Объявили, сто пятьдесят убитых, значит, на самом деле тыщи три ми-инимум!

— Я вот думаю, брать электричку или нет? — таксист решил, что политика меня не

интересует, и попробовал сменить тему.

— Кого?

— Ну, тачку электрическую. Мужики пересаживаются потихоньку. Вроде, хвалят. Тем более после этих дел бензик по-любому подорожает. А Валерка, ну, пацанчик один, вообще взял аудюху-восьмилетку с автопилотом. Реально работает! Тоже, конечно, глюки, особенно в области. Он один раз шел по Мурманке...

— Помолчи минутку, мне позвонить надо.

Я, наконец, сообразил очередность необходимого и набрал Катю. Она сняла почти сразу, что само по себе поразительно.

— Да, — голос, кажется, звучал недовольно и настороженно, но это могло означать, что она, например, опять поцапалась с Софьей Олеговной, или как раз сейчас ругает Настю за несделанную домашку, или загоняет ее в постель.

— Дашунь, приветик, как делишки?

— Кто это? Куда вы звоните?

— В путешествие не собираешься в ближайшее время?

— Вы ошиблись номером, — Катя повесила трубку.

Намеки явно не удались. Звонить напрямую, без искажения голоса, было рискованно. Поговаривали, и походило на правду, что в телефонных сетях стоят фильтры, вычисляющие звонящего по тембру голоса, а если так, то на меня наверняка натравили самый злобный. Один неосторожный звонок, и зеленый телефон станет переносным маячком.

— Дружище, у меня тут с телефоном проблема, можно я с твоего разок позвоню?

— Не, братишка, телефон и жену не доверю никому. Без обид, брат. Принцип у меня такой.

Похоже, обиделся. Самое простое заплатить. Я вытащил кошелек, но там лежало только две пятитысячных, как раз на чашку кофе в недорогой забегаловке. Была у Кати такая бесящая манера — выковыривать наличку, не сказав ни слова. Этот раз обещал стать особенно эффектным. Платить чипами российских счетов нельзя было категорически, чипы иностранных остались в квартире, что теперь все равно как на Луне. Несколько секунд я довольно серьезно планировал отобрать у таксиста телефон, а заодно и машину, но это уже отдавало каким-то, мать его, Болливудом.

И тут я задумался о своем зеленом телефончике. За годы я привык верить в абсолютную защищенность этих электронных крошек. Так ли это теперь? Мой номер и такие аппараты были человек у двадцати-тридцати, в чьей лояльности мы не сомневались. Но лояльности кому? Не мне ведь, дяде Мише. Я припомнил несколько физиономий из офиса, открыто недовольных мной и моей карьерой, казавшейся им слишком стремительной и, чего уж там, выстроенной на протекции и личных отношениях. Меня они считали наглым сопляком. Как далеко заведет их счастливое злорадство? Не напоминают ли одному из них контры прямо сейчас какой-нибудь старый грешок? Так ли, в сущности, надежны эти аппаратики? Откуда взял мой номер тот же Ушаков?

Я набрал Катю напрямую.

— Да? — она звучала по-прежнему напряженно. На этот раз я разобрал шум машины.

— Привет. Ты в машине сейчас?

— Коля? Откуда ты звонишь? Что это за номер? С тобой все в порядке?

— Да, все отлично. Куда ты едешь?

— Мы на кольце. Где ты сейчас?

— Куда вы едете?

— В аэропорт.

— А вы — это кто?

— Я, Настя и Софья Олеговна. Ты точно в порядке?

— Лучше не бывает. Делай что дядя Миша скажет. Ладно?

— Хорошо. Где ты сейчас?

— Приехали, — хмуро сказал таксист, паркуясь.

— Я телефоном заплачу.

— Телефоооном? Понятно, — водитель просунул между передними сидениями ридер.

Судя по сумме, процентов тридцать он добавил за моральный урон.

Я приложил телефон и ввел код. Оставалось радоваться, что дублирующая система идентификации по сетчатке у нас пока мало распространена. Вылезая из машины, я перевел аппарат в режим паники и засунул в карман на спинке переднего пассажирского сидения. Извини, брат. Несколько человек получают в следующую минуту сообщение, и завтра всем раздадут новые телефоны, бельгийские или мексиканские. После рассылки сообщений аппарат невосстановимо сотрет внутреннюю информацию. Останутся, правда, списки номеров и локаций у оператора.

Мне нужно было пройти метров сто до подъезда мимо фасада, поблескивающего чиграновским гранитом. Если наша служба эксплуатации ловит мышей, камер тут не должно быть, но на всякий случай я натянул куцый капюшон. Зря звонил, можно было догадаться, раз Ушаков решился дать знать мне, то дядя Мише тем более. Мне, правда, дядя Миша звонить не стал, может, и правильно, а может, звонит как раз сейчас.

Я приложил кошелек к панели и набрал шестизначный код. В эпоху повсеместного видеоконтроля и удаленной идентификации дядя Миша чутко уловил спрос на качественное жильё без подглядывания. В каждом доме мы строили один-два подъезда без камер. У квартир в таких подъездах одна дверь выходила на парадную лестницу с обычными средствами безопасности, а вторая — на «слепую», заодно решая проблему пожарного выхода. Теоретически мы должны были приглядывать, чтобы и власти не вешали камер, следящих за уличной дверью, но практически властей у нас тут многовато, чтобы со всеми сговориться. К конкретному входу, впрочем, путь проходил между двух корпусов нашей постройки, и риск был невелик.

Код от двери в квартиру, учитывая личные особенности, состоял из пяти нулей. Чип сработал, замок зажужжал, открываясь, я дернул дверь — закрыто на засов. Я звонил, сперва скромно, потом все настойчивей, в завершении держал звонок секунд тридцать нажатым. В тишине раздавалась приглушенная дверью мелодия. От отчаяния я даже пнул со всей дури, и задохнулся от боли, задев большой палец правой ноги. Других результатов достичь не удалось, двери мы закупали у Петровских, а они свое дело знали. Как-то пришлось вскрывать захлопнувшуюся дверь, и умелый человек с нужным инструментом провозился минут двадцать. Надежный бирманский замок, правда, уже открыт, но и у меня из инструмента только ноги в кроссовках не по размеру.

Я похлопал себя по карманам в поисках телефона и сел на ступеньки, пытаясь собраться с мыслями. Ее, видимо, нет, ушла в клуб, на маникюр, в какой-нибудь ночной торговый центр. Могут же существовать ночные торговые центры. Неважно.

Итак, после нескольких десятилетий я опять сижу на ступеньках в подъезде. Единственное утешение — в подъездах моей юности гнусно пахло, не было такой миленькой

плиточки и на стенках не вешали картиночки, а малевали всякую мерзость.

Денег нет. Пользоваться чипами — все равно что гулять по Невскому нагишом с триколором. Впрочем, мой наряд недалеко ушел. По большому счету чипы стоит вообще выкинуть, ходят всякие полубогини, дескать, по ним можно определять местоположение даже без использования. Идти никуда нельзя, в таком виде и при таком шухере меня повяжут минут через пятнадцать.

Я звонил и колотил в дверь, делая перерывы в несколько минут. На третий или четвертый раз дверь громыхнула засовом и открылась. Она ничего не спросила и наверняка не посмотрела на экран, а если бы даже посмотрела, то ничего бы не увидела. Тут установлена система, требующая держать лицо прямо напротив камеры. Говорить об этом было не ко времени, да и бессмысленно: она станет со слезами на глазах неубедительно врать.

— Ой, милый, давно звонишь? А я и не ждала тебя сегодня. Спала... — она зевнула.

Все-таки поразительно хороша. Сейчас, после кровати, даже еще лучше. Обычно она, ухоженная и вылизанная, немного отдает куклой. Такой как теперь, с растрепанными волосами и покрасневшими полосками от обивки дивана на щеке, она старается не показываться, и совершенно напрасно. Заспанный вид выглядел вполне натурально, к тому же эта женщина способна спать часов по шестнадцать в сутки, так что я почти поверил.

— Слушай очень внимательно, у меня не будет времени повторять.

Хотелось добавить «по сто раз, как обычно», но этот путь едва ли вел к успеху.

— Мне нужны маникюрные ножницы...

— Сейчас, — она рванулась в ванную.

— Подожди. Хотя, давай.

С ней лучше было действовать поэтапно. Удерживать в фокусе больше двух обстоятельств дольше пяти минут она не в состоянии.

— У тебя есть что-нибудь из моей одежды? — я скидывал роскошный наряд на пол ванной.

— Да. Та маечка, помнишь, мы купили на Сардинии. Потом шортики те, красненькие с белыми...

— Достаточно. Тащи все в гостиную. Все — значит все. От трусов до сапогов. Еще мне нужен рюкзак. У тебя есть рюкзак?

— Да. Тот...

— Отлично. Его и неси. Еще мне нужен мешок для мусора. Когда все соберешь, одевайся. Тебе нужно уехать.

— Надолго?

— Надолго. Я объясню. Сделай пока как я прошу. Стоп, — я отобрал ножницы, с которыми она уже выходила из ванной.

Ванная, да и вся квартира, у нее была вырви глаз, что называется в индийском стиле. Мода, введенная бразильскими и колумбийскими дизайнерами, пришла к нам в американской уже обработке, а доморощенные творцы довели дело до полного маразма. Шутливый намек на индийское средневековье, декоративные акценты у нас, с обычной радикальностью, выродился в строительство каких-то тадж-махалов.

Если задуматься, странно получается. Мне сорок шесть лет, треть из них я вполне обеспечен, и все сорок шесть не особенно уступчив. И все же я ни одного дня не жил в месте, сделанном на мой вкус. У этой чертовой куклы в двадцать один есть идиотская

квартира ее дурацкой мечты, причем за мой счет, а у меня по-прежнему нет.

Когда я вышел из ванной, вытирая голову, чахлая, но аккуратная стопка моих вещей лежала на диване. Рядом стоял ярко-розовый с голубым надо-слушать-когда-говорят рюкзак. Больше всего такая вещичка подошла бы пятилетней девочке, наряженной на праздник принцессой. Только что кукла из кармашка не торчала. Через открытую дверь спальни было видно, как она в одних кружевных трусах зарывалась в груды тряпок. Грудь все-таки у нее чрезвычайная. Выполнила два из четырех, не так плохо.

— Как там с мусорным пакетом?

— На кухне возьми.

— А другого рюкзака или сумки у тебя нет?

— Есть сумка на колесиках, большая. Еще чемодан тот, здоровый. Ну...

— Все, спасибо. Оденься бога ради.

Я отыскал пакет и сложил в него свою, а точнее сказать, незнакомого мне покойника одежду. Располагаемый гардероб состоял из двух пляжных футболок, трех пар трусов, черных носков, длинных шорт игривой расцветки и босоножек. Так себе наряд для позднего майского вечера. Чтобы меньше мерзнуть, пришлось надеть босоножки на носки.

К моему возвращению она как раз успела надеть лифчик.

— Ты одеваться собираешься?

— Я не знаю, что одеть. Куда мы едем?

— Едешь только ты. Тебя ведь понравилось на Сардинии?

— Да... — она опустила глаза.

— Ты сделала визу? Только не говори мне, что ты не сделала визу! Сделала?

Она продолжала молчать, не поднимая глаза.

— Тупая коза!!!

— Не смей со мной так разговаривать! — она вскинула голову, золотистые кудряшки взлетели со лба, загорелись глаза. Характер у нее был. — Я...

— Заткнись. Паспорт не потерян, не просрочен?

— Иди в жопу!

Она собиралась выскочить из комнаты, но я успел поймать ее за шелковые плечи и чуть-чуть встряхнул. Боль пробила левую руку до плеча.

— Стой. Слушай. Случилась беда. За тобой могут прийти. Почти наверняка придут. Может, через пятнадцать минут, может, завтра, может, через неделю. Когда они придут, тебя не должно здесь быть. Понимаешь? Даже хорошо, что нет визы. Не надо в Европу. Едь в аэропорт, лети куда угодно, — давать ей выбор нельзя было ни в коем случае, — конечная точка — Индия. Не важно сколько ты будешь добираться, не важно сколько стоит билет, главное побыстрее выехать из страны. Поняла?

— Поняла. Могу я вещи хотя бы собрать?

— Они будут спрашивать обо мне, а ты даже сказать ничего не сможешь. Тебе выдерут по одному красивые, ухоженные ногти, и секса у тебя будет намного больше, чем ты когда-нибудь мечтала, но вряд ли тебе понравится! Пожалуйста, просто делай как я говорю и как можно быстрее.

На стене были развешены причудливые железяки, проданные как точные реплики средневекового индийского оружия. Трудно было поверить в возможность воевать чем-нибудь настолько разукрашенным гравировкой и позолотой. Я дернул за странную кирку со слоником на эфесе, стеновая панель отщелкнулась, открывая сейф. Такая штука неплохо

подошла бы оружием какому-нибудь зажиточному индийскому гному, если у них водились в мифологии гномы, или, еще лучше, развратной и жестокой полубогине.

Замок дважды возмущенно запищал, отвечая неверному коду. Не успел я подробно представить последствий неоткрытого сейфа, как сообразил, что ввожу домашний код. В пересчете на вес и объем рупий и марок влезало больше, чем долларов, рублей или юаней, поэтому именно ими я набил рюкзак. Остальных, впрочем, тоже прихватил по блоку, а остатки высыпал на кровать.

Она, уже в светлых брюках и изумрудном свитере с бабочкой, натягивала термопластичные следки.

— Здесь тебе хватит на... не знаю, надолго хватит. Если не выйду на связь, не суйся обратно хотя бы полгода, лучше год.

— Коля, что случилось? — она закидывала в чемодан деньги вперемешку с одеждой.

— Некогда рассказывать. Будут проблемы с деньгами в аэропорту, проси старшего смены. Когда останетесь вдвоем, скажи, что тебе посоветовал к нему обратиться Илья Михайлович, предложи десять миллионов, это один блок рублей, именно блок, а не пачка, в блоке десять пачек. Захочет доллары — это пятьдесят тысяч, пять пачек, половина блока. Будет все равно упираться, звони сюда, — я накарябал косметическим карандашом на пятитысячной телефонный номер. — Скажи, что ты моя близкая знакомая, там поймут.

В маленьком отделении сейфа, защищенным отдельным кодом, лежал десяток разномастных чипов. Я отобрал дубликат своего загранпаспорта, гонконгский вид на жительство и белорусский паспорт, почти настоящий. Остальные сгреб в мусор. Невинные, в общем-то, штуки, некоторые просроченные, но легче подробно не разбираться. Дома уже полгода валялся дубликат чипа к гонконгскому банку, все время забывал довести и оставить здесь. Никакой подпольщины, просто удобней для поездок — низкие комиссии при конвертации. Гонконгский счет мог здорово пригодиться, но жалеть было некогда. Подумав, я положил в сейф кошелек вместе с чипами, а закрывать дверцы и панель не стал, бессмысленно, все равно найдут, еще и разломают.

У тебя родители ведь в Бендерах?

— В Тирасполе.

— Отлично. Пусть пока в Россию не приезжают. А младшая сестра?

— У меня брат. Старший. Он в Кракове...

— Прекрасно, вот пусть там и сидит.

Ее забитый чемодан закрыть удалось с трудом, вышло неподъемно.

— Извини, помочь не смогу.

Возле парадной двери она развернулась, зеленые глаза сделались большими и жалкими, как у испуганного котенка.

— Коля, я тебя больше не увижу?

— Не говори глупостей, на днях свяжусь. Такси внизу. Билет сможешь по дороге купить?

— Конечно. Я помню, ты...

— Хорошо, хорошо, билет бери бизнес или первый, в экономический могут не пустить с таким баулом... Обязательно Индия. Как можно скорее улететь. Долларов пять пачек, рублей десять, — я подкреплял, показывая пальцы, — не берут — звони. Если от меня ничего не слышно, выжидаешь год. Давай.

Она постояла секунду в нерешительности, словно собираясь что-то спросить. Так

ничего и не сказав, обвила шею и, привстав на цыпочки, поцеловала долго, влажно и мягко.

Молния второго застегивания не перенесла, разоидясь. Ветровка с застрявшей посередине застежкой органично дополняла наряд патентованного кретина, но выбросить было нельзя, все-таки капюшон хоть немного прятал лицо. Вместе с молочными сумерками сильно похолодало, и я слегка продрог, даже не дойдя еще до улицы.

В голову шел единственный более-менее разумный план. Один скользкий мужичонка, бывший старший инспектор полиции, выйдя на пенсию, затеял сеть почасовых отелей. Трудно сказать, был ли пенсионер единственным хозяином, дольщиком или управляющим, но вел дело именно он. Мы продали им два помещения из пяти или шести. Одно из гнездышек разврата располагалось буквально в двух кварталах отсюда. Конечно, такой бизнес не мог обходиться без тесной дружбы с конторой и полицией. Оставалась надежда на безразличие усталых теток за ресепшеном. Для такого места я одет вполне сносно (ветровку сниму на лестнице), они и не такое видели, их не удивишь, вырядись хоть Микки Маусом.

— Подвести?

Я резко развернулся. Возле черного мерседеса стоял Костя, почесывая щеку.

— Ты что здесь делаешь? И как меня нашел? Ладно, понятно, я так, от обалдения. Костя, у меня неприятности небольшие, от меня лучше пока подальше держаться.

— Я думаю, — забубнил Костя обычным монотонным голосом, — надо тебе из зеленки выбирать.

— Прекрасная мысль. Спасибо, что подсказал. Осталось придумать, как это сделать. Можно переодеться Дедом Морозом и ломануться напрямую через мосты, можно перелететь на голубом вертолете, еще можно переплыть Фонтанку на подводной лодке. Возможностей не счесть. Правда, не все они безупречны. Дед Мороз в мае...

— На кораблике можно, на прогулочном. Я договорился.

Пока мы ехали, Костя, с его темпом речи, едва успел рассказать подробности.

— Деньги есть?

— Сколько?

— Не мне, — он, видимо, заметил в зеркале, что я полез в рюкзак. — На второй лодке, сговорились на три миллиона, дорого, но...

— Неважно, на первой?

— По бабкам не говорили.

На набережной возле пристани нас встретил дядька моих примерно лет, может, чуть старше. Он с чувством потряс Костину руку и внимательно рассмотрел меня.

— Интересный груз. Мужчина, вам не дуэт? У нас на воде бывает прохладно, — к сожалению, сумерки не успели еще загустеть, и он разглядел рюкзак. — Какая у вас сумочка симпатичная, просто прелесть.

Дядька вопросительно посмотрел на Костю, дескать, что за клоуна ты привел. Оставалось утешаться, что на опасного террориста я, во всяком случае, не похож.

— Это Коля. Ты знаешь. Ну, Коля-Шайтан. А это Леха, Чумка, снайпер из батальона Горового, с нами потом был.

Леша еще раз осмотрел меня, словно теперь появилась возможность разглядеть что-то новое и по-настоящему важное.

— Шайтан. Точно, Шайтан. Ну, дела, — он явно меня знал.

Я сжал протянутую руку посильней, такие ценят крепкие рукопожатия. У меня не было ни малейшего представления, кто он такой, даже Горовой с батальоном отзывались лишь

смазанным воспоминанием: пыльная дорога, чумазые люди на броне БМП, мужественный баритон из динамиков сдержанно проговаривает слова глупой песни. Даже помни я Чумкуснайпера, его, надо думать, было бы непросто узнать. Наверняка огромное пузо, вываливающееся из спортивных штанов, и неопрятная лысина, окруженная кустиками седины, появились годы спустя. А тогда был он, наверное, ловким и шустрым, какими случаются невысокие люди.

На борту, прямо на палубе, двое молодых парней, тощих и длинных, словно нарочно подобранных для контраста, возились с каким-то механизмом. Руки и лица были измазаны маслом.

— С нами пойдет, матросом, — он кивнул на меня.

Парни приняли сообщение равнодушно, им явно было все равно.

— Сын мой и племян, — пояснил Леша.

В грязноватой рубке он кивнул мне на сиденье, обтянутое драной красной кожей, приделанное в стороне от штурвала.

— Тебе б, конечно, накинуть чего. Я погляжу, но на такого медведя у нас навряд ли есть. Тут пока побудь, мне по хозяйству надо пошуршать.

Леша словно отпрашивался, а я был вовсе не прочь побыть один, чертовски длинный выдался день и закончится, похоже, нескоро.

— Ау, спишь?

— Я? Нет, — как ни удивительно, кажется, действительно задремал.

— Димка, — он похлопал длинного и тощего по плечу, — сын мой. А это Шайтан, я тебе рассказывал. Ну, когда мы...

Леша затянул битую молью боевую историю. Конкретную я не помнил, но все они на одно лицо. Мы были лихие удальцы, и они были ребята жесткие и умелые, но, конечно, не с нами тягаться. И с девками мы были лихие удальцы, и в бане, и на танцах. Сын явно слушал побасенку не в первый раз и минут через десять сбежал, сославшись на срочное корабельное дело.

Собеседник Леше был не нужен, ему была нужна сочувствующая аудитория. Я послушно поддакивал, азартно вспыхивал улыбкой, хлопал по колену. Терпеть не могу все эти вечера легенд и воспоминаний. В особенности скверно, что нас только двое. Когда собираешься хотя бы втроем, они без помощи и участия сами перебрасываются воспоминаниями, перебивая друг друга.

Байки у Лехи были частью незнакомые, частью знакомые смутно, хотя по случаю радостной встречи он отбирал те, где главная роль отводилось парню, отдаленно напоминавшему меня. Не был я, конечно, никогда таким ловким и удачливым хитрецом, а был, как всегда, запоминавшейся каланчой на пол-голова длиннее самых рослых. Еще я был тогда большим балагуром и рассказчиком, почти осознанно сочинял байки по мотивам боев и попок (еще вопрос, что опасней). Выдавал удачное совпадение за хитрую задумку, невнятный ответ переделывал задним числом в колкую насмешку, в общем, усердно ароматизировал нашу тяжелую жизнь. Пройдя несколько человек и много лет, байки отполировались до блеска и приобрели совсем уже невозможный сюжет. Два, три поколения — и можно искать Гомера для новой «Илиады», где мне бы досталась роль Гектора или Ахила. Впрочем, следующего поколения рассказчиков, кажется, не предвидится.

Удивительна легкость, позволившая людям вроде Лехи заместить личную память какими-то индийскими фильмами жанра экшн. Они словно забыли про настоящую войну,

тяжелое, нудное и неясное дело, где никогда и ничего до конца не поймешь, где каждый по-своему помнит, кто стрелял и куда бежал. Забыли пьяное свинство нашего отдыха, превратили пересказом в молодежную комедию 12+. От их упоения байками мне всегда становилось неловко. Было вполне очевидно, что ничего примечательного в их жизни за следующие двадцать лет не случилось.

На кораблике заиграла, и довольно громко, «Смерть цвета бейсик», заглавная композиция одноименного альбома. На самом деле никакого альбома, конечно, не было. Боре хорошо писалось в то лето, и не только политическое. Уже потом Катю убедили объединить для удобства маркетинга тематические песни. Деньги, кстати, от музыки до сих пор приходили очень серьезные, не только для меня, но даже и для дяди Миши. Причем, поступления почти не падали с годами, что, насколько я понимаю, для шоу-бизнеса довольно необычно. 95 % поступлений давал последний альбом, а 90 % — три самые раскрученные песни. Была даже некоторая интрига, дядя Миша с Катей деликатно старались не подпустить Мишу напрямую управлять доходом, не из-за самих денег, а опасаясь рискованных причуд.

— Люблю эту песню.

Вежливость требовала не выказывать сомнений в случайности, хотя, кто знает, может, действительно совпадение, слушают же все остальные, почему бы не он.

— Ты ведь знал его? Что это был за человек?

К ночи я наелся всеми поколениями семьи Берковичей досыта, до изжоги. Не дать мне умереть в своей постели, у них, кажется, стало семейным делом. Впрочем, такой ответ вряд ли бы порадовал гостеприимного Лешу-Чумку.

— Очень молодой. Таким и остался.

Нас прервал шум в салоне.

— О, китаезы приперлись. Ты лучше здесь посиди, не высовывайся. Гиды, они, знаешь, все по этому делу, — он постучал правым кулаком по левой ладони.

Когда Леша ушел, я осторожно сдвинул грязную штормку, заглянув в салон. Туристов было человек тридцать, почти все мужчины, шумевшие словно первоклашки на перемене.

— Угощайся, — Леша вернулся с бутылкой китайского пива, — только свое лакают, придурки. Бухие уже в дым, сейчас караоке будут орать. Им плевать — что развод мостов, что Нью-Йорк, что Австралия. Потом по борделям. Так и живем, не страна, а бордель для узкоглазых.

Недовольство узкоглазыми, пиндосами, чурками, жидами, пидорами и политиками Леша генерировал легко, умело, не останавливаясь и не отвлекаясь на управление судном: корабль шел на автопилоте. Ему, похоже, не нужны были даже мои одобрительные поддакивания.

— Помнишь Гошу? Ну, Колесо, минометчик.

— Конечно, — как ни странно, этого я помнил. — Он, кажется, из Ростовской?

— Из Волгоградской. Прикинь, его сегодня повязали. За доллары. Боты! Американские боты за американские деньги!

От дронов он перешел к внешней политике и изложил свежий, я бы даже сказал, неожиданный взгляд на хошиминские соглашения, особенно сильно его почему-то тревожила индо-пакистанская напряженность и американская база в Бахрейне, который Леша путал с Кувейтом. Все сказанное им было так безнадежно глупо и злобно, что нечего было и думать возражать, спорить, да и вообще говорить разумно. Он успел мне так

надоест, словно я женат на нем лет тридцать.

Леша наконец замолк, выглянул на палубу и что-то беззвучно зашептал одними губами, обращаясь, наверное, к невидимому для меня сыну или племяннику. Он позвал меня кивком, мы вышли из рубки. Раздался негромкий шлепок бортовых шин сошедшихся корабликов. Сгрудившиеся на корме туристы издали хоровой вопль — начал расходиться Дворцовый.

— Не мое, конечно, дело, Шайтан, но эта поганка, на верфях, не ты часом? — вдруг спросил он.

— Леша, — я похлопал его по плечу, — скажи лучше, чего я должен.

— Обидеть хочешь, братишка? — он поморщился и скинул мою руку. — Сам я старый стал, сытый, не гожусь уже никуда, но про стоящее дело помню. Давай, Шайтан, удачи тебе.

— Извини. Спасибо тебе за все, — сказал я и перепрыгнул на палубу соседнего корабля.

Новый капитан был неразговорчив и интересовался исключительно деньгами, да поскорее. После краткого пререкания я отдал вперед половину, пообещав вторую после высадки.

По моей шкале взросления Лешу-Чумку приходилось считать мальчиком. Противным, пузатым и лысым мальчуганом с идеалами. Слишком хорошим или слишком глупым, чтобы повзрослеть. Когда становишься взрослым, не хочется рисковать ради идеалов. Не только оттого что страшно, но и потому что слишком многое понимаешь и перестаешь понимать вообще что-нибудь.

Пассажирами на кораблике шли российские туристы, группа, кажется, из Саратова. Не в пример китайцам грустные, трезвые и тихие. Гордиться тут особенно нечем, внутренний турист теперь принадлежал к верхней прослойке среднего класса, а из иностранцев к нам ездило только отборное и рисковое быдло, падкое на дешевое пойло и копеечных белых шлюх.

Фасады, мосты, дворцы, ростральные колонны горели подсветкой, в точности как треть века назад, когда я впервые увидел этот город. Пару месяцев перед поездкой мать была против обыкновения общительна, норовила с каждым перемолвиться и невпопад похвалиться: «Вот, в Питер своего везу, посмотреть». Мы были бедны, бедны даже по меркам нашего нищего городка, и обычно похвалиться было нечем. Я особенных поводов для гордости не давал, за исключением разве габаритов, за которые меня ценили в секции бокса. Больших всегда не хватает. Учеба давалась мне совсем легко, без малейшего напряжения, но учиться слишком уж хорошо считалось неправильным для четкого пацана. Мать, невпопад вставляя поездку в Питер, подразумевала: они все на солнце жариться по своим египтам и болгариям, ну а мы по-культурному.

Город потряс меня, что не мудрено, не с чем мне было сравнивать. Даже наша безликая областная столица казалась мне бурлящим мегаполисом, да и там я успел побывать только дважды, на боксерском турнире и пересаживаясь на Питер.

Все, решительно все казалось мне здесь прекрасным или, в крайнем случае, значительным: набережные, метро, музеи, рестораны, где сидели непостижимые люди. Даже крохотная квартирка маминой подруги в унылом спальнике, застроенном советскими еще типовыми многоэтажками, была какой-то особенной. Почти такие же теремки составляли и мой родной город, да и мы с матерью жили в похожей однушке. Но нет, нет, все тут было совсем иным.

Я пообещал себе, поклялся со всей мальчишеской серьезностью, что буду здесь жить, и тоже буду подъезжать на красном БМВ с ослепительной брюнеткой к ресторану,

сверкающему огнями витрин.

С тех пор я видел множество городов, славящихся своей красотой, но только от открыточной панорамы Невы до сих пор иногда перехватывает дыхание. Бог весть, в самом деле так она хороша или просто где-то в глубине души сохранился кусочек давно забытого мальчишки.

Мы проходили мимо «Авроры». Тридцать лет назад тут еще сохранялась пыльная экспозиция, прославляющая революционные свершения большевиков. После ее сменили чем-то в патриотическом духе, а недавно вроде бы опять обновили. Даже не ходя, ясно, что там теперь обличают вековое рабство и преступления тоталитаризма.

Я не забыл ни мечты, ни клятвы, но отложил их на когда-нибудь. Вернувшись из армии, водил фуру, сошелся с милой девчонкой. Еще немного и мы бы поженились, завели детишек, я бы обрюзг, отрастил брюшко и коротал досуг с пивом под футбол, а потом мы все умерли бы, схватив смертельных рентген.

Вместо этого я пошел на войну. Теперь и не скажешь, вело ли меня нестерпимое чувство несправедливости или томление своей банальной и уже рассказанной жизнью. Меня позвали, ну а я пошел. Насмотревшись чужой смерти и едва не погибнув сам, я наконец осознал собственную смертность. Наверное, в эту секунду мальчик и становится мужчиной.

Костя встречал на выходе с пристани. Мы подошли к небольшому грузовичку в раскраске нашей торговой дочки.

— Куда теперь?

— Кость, не лез бы ты в это дерьмо.

— Помнишь, тогда под Снежным?

— Помнишь. Костя, там война была.

— У всех война, а вернулся только ты.

— Прекрати, там не нужно было никого другого. Ребята прикрывали, от этого было больше проку.

— Ну, да, ребята прикрывали, а ты вернулся.

— Костя, все не так торжественно, как у тебя выходит. Все было попроще. Ну и главное, сто лет назад, в другой жизни. Мы были одни, в той жизни мы отвечали только за себя, а теперь у тебя дети.

— Да, дети теперь есть, так что, тем более.

— Главное сделано, из зеленки ты меня вытащил. Дальше я сам. У меня отход есть через границу в этой, как ее, в Гатчине. Туда я без проблем сам доберусь.

— Как?

— Ну, как-нибудь уж доберусь. Я ж черт скользкий-языкастый, суну кому или еще как.

— Не тупи. Лезь в кузов.

Он открыл дверцы фургона, забитого коробками, оставлявшими только узкий проход вдоль стенки.

— Там каркас, — он ткнул пальцем, — сверху два ряда коробок, здесь заставим.

— Дроны пролезут.

— Не пролезут.

— Убедительно. Ну, просветят.

— Не просветят, экранировано.

Только сдавшись и забаррикадировавшись коробками, я с сожалением понял, что не спросил в результате о планах дяди Миши и иду по собственному пути, довольно

сомнительному. С другой стороны, незаконное перемещение людей и грузов — большой бизнес при нашей близости к границе. Следовательно, и специалисты должны водиться в достатке. Кстати, судя по добротному сваренному и пошарпанному каркасу, какие-то, может и не трансграничные, но точно малозаконные перемещения происходят, оказывается, в непосредственной близости.

Сперва, грузовичок шел, покачиваясь, падал в ямы, ненадолго замирал, перед светофорами, видимо. Потом движение сменилось. Теперь мы минуту-другую стояли, медленно сдвигались на корпус-другой и опять останавливались. Блокпост на выезде из города явно работал всерьез, не как обычно.

Костя добавил громкости радио, невнятное бормотание сразу стало различимо:

— Владимир, расскажите нашим слушателям, что происходит в столице.

— В зеленой зоне предприняты крайне решительные, можно даже сказать беспрецедентные меры безопасности. Военные и полиция встречаются буквально на каждом шагу. Чтобы не быть голословным, только за последние десять минут мимо меня прошел патруль техники коалиционных сил, две машины контртеррористического комитета и полицейская машина. Несмотря на глубокую ночь, на контрольных пунктах выезда из зеленой зоны до сих пор огромные очереди и для транспорта, и для пешеходов.

— Владимир, удалось ли вам выяснить, что именно ищут?

— К сожалению, нет. Сотрудники органов правопорядка отказываются от комментариев.

— Благодарю вас, Владимир. Напомним, сегодня около семи вечера, в момент прохождения кортежа заместителя государственного секретаря США, Джереми Сандерса, был подорван автомобиль, начиненный взрывчаткой, после чего машины кортежа расстреляли из строящегося здания министерства юстиции. Источники в правоохранительных органах сообщили, что взрывное устройство было замаскировано в грузе овощей. По заявлению контртеррористического комитета, в результате дерзкого теракта погибли и были ранены десятки людей. Относительно Сандерса сообщается, цитирую: «господин Сандерс серьезно пострадал, в настоящее время ему оказывается вся необходимая помощь». В тоже время, сразу несколько зарубежных СМИ, ссылаясь на неназванные источники, сообщили о гибели заместителя государственного секретаря на месте теракта. Согласно другим, тоже еще не подтвержденным данным, жертвой теракта кроме того стал председатель правления одного из крупнейших российских банков и несколько других видных представителей отечественного бизнеса и госаппарата.

— По сообщению пресс-центра Контртеррористического комитета, шестеро террористов были заблокированы и уничтожены в строящемся здании министерства юстиции. О личностях террористов пока ничего не сообщается.

— Мы попросили прокомментировать сегодняшнюю трагедию главу центра стратегических перспектив... — Костя резко убавил громкость.

— Достопочтенный, откройте, пожалуйста, ваш кузов, — весело попросил дрон.

Почему-то для дронов выбрали звенящий и радостный голосок бойкой третьеклассницы, только что получившей награду за самую опрятную тетрадь по природоведению. Наверно, планировалось сбивать с толку контрастом.

Загремел открываемый фургон.

— Какой груз вы перевозите? — по коробкам застучали лапки микродронов, я невольно задержал дыхание.

— Половые покрытия.

— Половые? — даже в имитированном голосе появилась явная заинтересованность.

Можно было представить, как на другой стороне планеты оживился небритый недоросль.

— В смысле, напольные.

Раздался выстрел, визг тормозов и крики, явно обходящиеся без динамиков и перевода:

— Стоять!

— Куда, сука, лезешь?».

— Не гони, — пьяный расплывчатый голос тянул гласные, — Ну, че, долго тут еще?

— Он, гнида, бухой!

— Достопочтимый, — зазвенел веселый колокольчик дрона, — выйдите, пожалуйста, из машины. Медленно. Держите, пожалуйста, руки так, чтобы мы могли их все время видеть.

В случае неповиновения открываю огонь на поражение.

— Проезжайте, — раздался тот же голос, но с противоположной стороны.

Проехав несколько минут, Костя съехал в какой-то темный проулок, и я перебрался на задний ряд кабины.

— Что это было такое на блоке?

— Возьми там, переодеться. Лучше ничего не успел.

В большом пакете лежал изумрудный с черным набор из комбинезона и куртки с символикой «Питната». На дне были рабочие черные берцы почти моего размера. В смысле не приметности наряд оставлял желать лучшего, но, учитывая исходный вид бездомного дегенерата, привередничать особенно не приходилось.

— Рюкзак не прихватил?

— Зачем? У тебя же есть.

Дождь усиливался, вода хлестала по стеклам, фонари пролетали мимо подтаявшим маслом. Костя кидал машину из стороны в стороны, огибая ямы, но успевал не всегда, и машина с грохотом обрушивалась, поднимая черный фонтан, а потом взлетала вверх, сотрясаясь и грохоча.

— Костя, ты не мог бы позвонить?

— Софья Олеговна, Екатерина Сергеевна и Настя сейчас в Берлине, вот-вот пересадка на Шанхай.

— А Миша?

— Телефон выключен.

— А?..

— Тоже выключен.

— Я позвоню с твоего?

— Лучше с этого, — Костя протянул мне крохотный зеленый телефончик.

Я запустил эмулятор, настроил диапазон голосов. Из программы можно было звонить и по обычным номерам, тогда голос шел измененным, но не зашифрованным.

— Желудь? Мне посоветовали обратиться к вам насчет переезда.

— Переезда? А кто посоветовал?

— Ну, он сказал, что вы его ждете сегодня, но сам приехать не сможет. Занят.

— Подъезжай, — он продиктовал адрес и путано объяснил дорогу.

Если шоссе было разбито, то в Гатчине дороги, по сути, не существовали. Их не ремонтировали лет пятнадцать-двадцать, и асфальт остался воспоминанием. Костя ехал медленно, опасаясь застрять. Никаких фонарей тут, конечно, не было, и поздней ночью

светились только редкие окна, часто затянутые пластиковой пленкой или вовсе забитые досками. В таких районах нищета нагло и бойко била в глаза. Даже мой родной городок, каким он был четверть века назад, казался, в сравнении, полным достатка и уюта. Обычно я видел такие кварталы, только проезжая мимо. Жизнь в зеленой зоне создавала иллюзию повсеместного скромного, но благополучия. Не говоря уж об эрзац-палаццо, там соседские постройки вообще мало откуда можно было увидеть, а даже если и виднелись из какого-нибудь окна верхнего этажа, то тоже светились более или менее варварской роскошью.

Навигатор вывел нас к длинному трехэтажному дому, где горело только четыре окна первого этажа. На этот раз Костю удалось уговорить уехать, и мы обнялись на прощание.

К дому пришлось добираться через хлюпающую грязь, и я порадовался берцам. Возле ржавой железной двери, вставленной в стену гнилого красного кирпича, нашелся звонок. Шел мелкий ледяной дождь, и, собравшаяся на крыше, вода довольно уверенным потоком лилась мне на голову. От козырька осталось только два кронштейна, даже в темноте очевидно ржавые насквозь. Я старался пристроиться поближе к стене, прячась от воды под капюшоном непромокаемой куртки.

Дверь с лязгом распахнулась. Открывший был тощим, узкоплечим и длинным, почти с меня, парнем лет двадцати пяти. Он слегка рыгнул, втянул соплю и кивнул через плечо внутрь. Пропустив меня, он высунулся наружу и бессмысленно осмотрелся — машина с выключенными фарами сейчас осталась бы незамеченной в двадцати шагах. На пальцах у него были татуировки-перстни, на закривке выбит «МИР» — уголовник, что-то там у них это значило.

Из полутемного коридора мы зашли в ярко освещенную большую комнату, лампы были вкручены попросту в патроны, подключенные открытой проводкой без всякой симметрии. На стенах шелушилась двухцветная масляная краска, я уж забыл, когда видел ее в последний раз, может быть, еще в армии. Пол, потолок, стены, все выглядело липким от грязи. Мебель оказалась неожиданной для такого места: у стены стоял остро модный диван в ретро-стиле, кожаный с высокой деревянной спинкой, перед ним разноцветный стеклянный столик на сложной асимметричной ножке. С трех других сторон столик окружали кресла в форме накрашенных ярко-красных губ. В отличие от остального, мебель смотрелась относительно чистой. На диване сидел развалиясь крепкий парень. Под рубашкой, расстегнутой на мощной груди, виднелся неясный кусочек татуировки. В кресле, слева от крепыша, расплывался толстяк. У всех на пальцах выбиты перстни, хотя едва ли кому-то больше тридцати.

— Починить чего хочешь? — сказал здоровяк. — У нас как раз горшок подтекает.

Я промолчал, глядя ему в глаза. Похоже, он был здесь главным.

— Шучу. Ты не против, Мотя глянет, нет у тебя с собой чего лишнего?

Я поднял руки, не отпуская рюкзак.

Микрофон и камеры легко спрятать где угодно, искать их без специальной аппаратуры пустое дело, так что уголовников, наверно, беспокоило оружие.

— Чистый.

— Все? Было нежно.

— Что в ридикуле? — спросил крепыш.

— Бельишко мое.

— Ну, ты поставь бельишко чуть в сторонку, так чтоб нам не быть нервными за беседой. Садись, будь как дома. Так зачем, говоришь, я тебе?

— Я говорил, мне в климат помягче надо.

— И кто же тебя ко мне послал?

— Принц.

— Не сходится. Знающие люди говорят — мертвый он, не повезло сегодня вечером.

Выходит, от мертвого ты пришел?

— Можно сперва послать, потом умереть, правда ведь?

— Правда, но есть вторая беда, все его пацанчики — студентики, самому старшему половина твоего. Так откуда ты взялся, дедушка?

— От бабушки, — я встал. — Драл ее, внучек, всю ночь, к утру устал, решил тебя проведать.

— Сядь где сидел, — сказал он негромко и спокойно. В руках появился пистолет, что-то вроде «Глока». — И не торопись, тихонечко так.

Дылда, пустивший меня, держал старый добрый ПМ. Толстяк громко лязгнул, заправляя ленту в пулемет Калашникова. У него был не РПК, по сути, автомат с удлиненным стволом, а именно полноценный пулемет под винтовочный патрон с примкнутой коробкой на сотню патронов. Внушительная вещь, хотя и глупая в помещении.

— Твой пухлый дружок любит большие шутки. Это просто так или он на что-то намекает?

— Много слов, дедушка. Так откуда ты нарисовался?

— Давай вместе подумаем. Если я конторский, то ведь, наверное, не один? Тогда у вас беда, выбраться не получится, и стволы вам только в минус. Убивать меня один вред, этого вам не забудут. Если же я не конторский, то убивать вроде и не зачем.

У крепыша заиграл телефон, слава богу, звонком, хоть на этот раз, стоял не Боря, а знаменитая джазовая мелодия.

— Ну, вы где? У меня. Точно он, вылитый с фото, даже еще красивей.

— Вот что, дедушка, есть на свете люди, которым ты нужен живым больше, чем мертвым. Я не с ними. Благодарность придет за любого, а мне с трупом даже удобней будет. Или могу пульку в колено, это вообще всем пофиг. Мужчина ты, говорят, дерзкий, умелый, так что не надо резкостей, не пугай нас, мы и так боимся. Свинка, глянь, чего там в сумочке. Мне так кажется, обманывает он нас насчет бельишка.

Он дернул затвор, уже досланный патрон вылетел, кувыркаясь. Так или иначе, шансов не было никаких. Один, с голыми руками, против трех вооруженных, лишние двадцать лет и десять килограмм, из положения сидя. Даже в три раза меньше, чем никаких.

— Я фигею, Желудь! — толстяк справился с молнией рюкзака.

— Че там? — он не отводил от меня ни глаз, ни дула пистолета.

— Бабки! Просто море бабок!

— Кроме?

— Чипы какие-то. Хонг конг написано.

— Тоже заберем, они тебе, дедуля, не понадобятся, тебе от них один вред будет.

— Лягавым сдашь, паскудник?

— Самому стыдно. Хочешь, кончу тебя? Чтоб по понятиям?

На улице подъезжали машины, по звуку не меньше десятка, хлопали дверцы. Кто-то уже целил в меня через окно, в комнату набивались спецназовцы в полной сбруе.

— Руки вперед протяните, — защелкнулись наручники.

Один из вошедших, в сером костюме, похлопал Желудя по плечу и что-то шепнул.

— Со мной не пропадешь, — ответил довольный Желудь, — я ж скала.

— Эта скала у меня деньги забрала, там больше миллиарда, — я решил подпортить праздник.

Меня подняли и торопливо толкали, бормоча: «давай, давай, миллиардер, шагай», но я успел заметить, как Желудь недовольно скривил рот, открывая большой и желтый клык. Придется, дружок, делится.

Сквозь ночь уже серело утром, когда меня загрузили на заднее сидение неприметной машины без специальной раскраски. Ручек на задних дверях не было, от передней части салона меня отделяло толстое стекло, полицейский спереди справа сидел, развернувшись ко мне вполоборота, держа дробовик на коленях. Самое малое еще три неприметные машины сопровождали нас, одна спереди и две сзади. Даже Бэтмен в такой ситуации не справился бы с побегом, тем более в наручниках и с опухшей к утру левой рукой.

Комитет занимал огромное столетнее здание, выстроенное во времена другого названия, но той же функции. Комитет, как и расположенное в нескольких кварталах американское посольство, не попали в состав зеленой зоны. Переносить их не стали, не желая «демонстрировать слабость перед лицом террористической угрозы». В результате пяток кварталов превратился в какую-то недоделанную крепость. Улицы, перегороженные бетонными плитами, между которыми надо было проезжать змейкой, огневые точки, оформленные мешками с песком. Камеры и датчики, бросавшиеся в глаза на каждом шагу, и наверняка еще в десять раз больше невидимых. Снайперы люди и снайперы дроны на крышах. Дроны-разведчики, зависшие в воздухе, и дроны-разведчики, описывающие сложные траектории над районом. Здесь же была эта знаменитая школа, куда Настя, кажется, уже не попадает.

Меня высадили в неожиданно просторном внутреннем дворе, и, подталкивая в спину и подгоняя, прогнали почти бегом по лестнице и бесконечному коридору. В небольшом кабинете с четырьмя столами усадили у левого крайнего, напротив невзрачного юноши самого безразличного вида. Спешка резко оборвалась. Юноша, тыкая клавиатуру двумя пальцами, неторопливо расспрашивал меня про имя, фамилию, дату и место рождения. В кинодетективах эта деталь всегда казалась неправдоподобной. Зачем в наши времена составлять анкету, когда примитивный сканер сетчатки, входящий в снаряжение любого патрульного, мгновенно предоставит всю возможную информацию?

Неторопливый усыпляющий допрос меня совершенно устраивал, торопиться было уже некуда, но выглядел странно. По моим представлениям, я замешан в самом громком теракте многих лет и заслуживал большего внимания. За спиной шелестели голоса, но нить разговора ухватить не удавалось, только отдельные слова. С моего места был виден еще один стол. За ним сидела жирная тетка с помятым лицом в нечистом халате, она вздыхала, поднимала глаза, поводила плечами, словом, демонстрировала нетерпение. Я, развлекаясь, попробовал давать неправильные ответы, но юноша морщился и поправлял, следовательно, информацию все же видел.

— Ладно, хватит, — передо мной появился невысокий, в сером костюме.

— Что, господин капитан?

Дикция у серого костюма была ужасная, даже вслушиваясь, трудно было понять, что он говорит.

— Нормально, сам как-нибудь закончи.

Я узнал его, это был тот самый, хлопавший по спине Желудя. Сперва я решил, что показалось, но потом разглядел совершенно точно: на верхних зубах у него действительно

была подростковая проволочка, исправляющая прикус. Был он, если и младше меня, то только несколькими годами. Судя по капитану, карьера у него не особенно ладилась, как бы он не решил наверстать упущенное на мне.

— Смотри, Катков...

— Смотрите.

— Ну, смотрите, Катков, дела твои хреновые. У нас на тебя материала на три трибунала хватит. Видео, свидетель, сейчас воск снимем.

Рассуждая, капитан совершал множество ненужных и суевливых движений, постукивал пальцами по столешнице, теребил жалюзи, дергал себя за мочку.

— Можно я уже? — поднялась тетка в халате.

— Не сейчас, попозже.

— Так, все, — тетка решительно проплыла к двери. — Я у себя. Совсем обнаглели.

— Плюс, в двадцать пятом ты соскочил только по амнистии. Надо, Катков, сильно постараться, чтобы остаться живым и отползти с десяточкой. Согласен? Так вот, на себя можешь ничего не давать, на тебя у нас с горкой. Отдай нам тех двоих, и я тебе гарантирую: мы тебя снимаем с вышки. Ну и, конечно, полная закрытость, никто не узнает, как мы их. Нормально? Я тебе так скажу: хватайся всеми руками, пока мы их сами не взяли, а мы возьмем, тут нет вопросов. Тогда вообще ничего не получишь, и все, конец. Понял? Договорились?

— Ты, капитан, наверное, с публичным оправданием терроризма борешься?

— Как? Что?

— Ну, студентов за лайки в сети прихватываешь.

— Что? А... Ну, да, да...

Он почти прошел мимо и в последнюю секунду попробовал ударить в солнечное сплетение, внезапно, как ему казалось. Удар капитан готовил так заранее, что сумел бы провести только совсем уж безнадежных ботанов из своих обычных клиентов. Я отбил наручниками, левую опять пробило болью. Капитан крутанулся вокруг оси, шипя и прижимая к себе кулак.

— Не ушибся?

— Воду давайте! — крикнул он кому-то мне за спину. Капитан расхаживал передо мной, баюкал правый кулак и бормотал, — ладно. Да-да-да, не хочешь по-хорошему? Будет по-плохому. Нормально. Увидишь. Хорошо. Хорошо. Давай-давай.

Он, похоже, был не вполне вменяем, так что затея подразнить его могла оказаться не самой удачной. Из-под меня одновременно попытались вышибить стул и чувствительно задели тяжелым правое плечо. Я поднялся, разворачиваясь, и отступил спиной к стене. Двое молодых парней, без пиджаков, с подвернутыми рукавами рубашек держали в руках полуторалитровые пластиковые бутылки с водой, явно собираясь орудовать ими как дубинками. Молодой повыше, державший по бутылки в каждой руке, кинул одну капитану. Тот почти поймал, но упустил и полез поднимать. Я не сдержался и отвесил пинка, капитан улетел под стол, со звонким грохотом врезавшись головой. Юный мышонок, снимавший допрос, отскочил в сторону, прижимая к себе компьютер, и не мигая следил за происходящим.

При первом натиске мне удалось очень удачно врезать одному по голени — он сразу присел и больше не вставал. Второму я метил в пах, но вышло посредственно: нога попала в живот, и его просто отбросило в сторону. На шум подтягивались новые участники, и в

пиджаках, и в форме. Минуты две-три мне удалось держаться на ногах, потом, конечно, повалили.

Меня довольно хаотично пинали, я старался прикрывать лицо и пах. Попадало, в целом, умеренно — они мешали друг другу. Добавив еще наручников, пристегнули руки к лодыжкам. Одну из бутылок вылили на голову.

— Решил чего? Или продолжим? — капитан присел рядом, хлюпая текущей из носа кровью, на лбу явно намечалась отличная шишка.

Я постарался плюнуть ему в физиономию сломанным зубом, но, к сожалению, не попал.

— Решил. Я, капитан, тебе гвоздик на восьмое марта подарю.

Он не особенно больно хлестнул меня и закричал своим:

— Хобот давай! Ребята, спасибо, спасибо, мы дальше сами. Хобот!

Публика потянулась к выходу, оставляя нас в начальном составе. Один из молодых, тот, кому досталось по голени, порывшись, нашел в ящиках стола противогаз.

Они били меня бутылками, надевали противогаз, нестерпимо воняющий резиной и блевотиной, и пережимали шланг, не давая дышать. Ровно также действовала милиция моего родного городка тридцать лет назад. В их ремесле прогресс вообще не особенно впечатляющ. Раз или два я отключался, и они поливали меня водой из тех же бутылок.

— Что здесь происходит?

С меня мгновенно стащили противогаз едва ли не вместе со скальпом.

— Да мы это. Нормально. Допрос работаем, — забормотал капитан.

— Если бы вы умели работать, Хромов, то вам, во-первых, не пришлось бы прибегать к таким методам, а во-вторых, вы бы знали, что дело передано к нам и подозреваемый должен быть у меня в кабинете уже двадцать минут назад.

— Ну, нет. Господин полковник, как же? Не-ет... Я же... Да вы что!

Капитан рылся в папках, лежащих на столе. Мышонок, начинавший допрос, нашел на полу и протянул ему служебный планшет. Он углубился, что-то листая и шевеля губами.

— Отстегните, — сказал полковник.

Вошедший мужчина лет пятидесяти не выглядел на профессию. У него была мягкая и дружелюбная внешность хорошего врача, лечащего что-нибудь второстепенное. Костюм прекрасно сидел и не казался униформой, одетой для неприметности. Из-за спины выглядывали двое в форме.

— Наручники тоже снимите.

— Как же? Он ведь. Опасно, — капитан обвел указательным пальцем свою разбитую физиономию.

— Хромов, Хромов, — покачал головой полковник, — снимайте.

Мы довольно долго шли по коридорам и лестницам. Дежурные вскакивали из-за столов, отдавая честь. Полковник движением кисти усаживал их на место. Я сильно хромал, в свалке мне незаметно, но крепко досталось по ноге, голова гудела и раскальвалась. Я обдумывал раскидать сержантов (если правильно разобрался в новых нашивках), взять полковника в заложники и, прикрываясь, выбраться из здания. План вышел слабенький, вряд ли я сейчас был способен хоть кого-нибудь раскидать.

В комнатухе без окон девица в форме поднялась из-за стола, приветственно улыбаясь. Оставив сержантов в приемной, мы прошли в кабинет размером примерно с тот, где я общался с нервным капитаном. Здесь, правда, был всего один стол, устроенный буквой Т, и

только один президентский портрет, зато особо крупного калибра. Полковник указал мне стул возле длинной ножки.

— Не желаете чаю, перекусить?

— С удовольствием, — я поискал, куда сплюнуть кровь, и сплюнул прямо на пол. — В туалет бы мне.

Под присмотром сержанта я помочился кровью, кое-как отмылся и прополоскал рот. Никаких плодотворных идей в голову не приходило. К моему возвращению на столе дымился стакан чая рядом с тарелкой бутербродов.

— Очень неприятно, что вы столкнулись в первую очередь с этим костоломом. Обидно, из-за таких, как он, у людей формируется совершенно неверное представление о нас, — он стоял лицом к окну, прочувственно произнося речь.

Непонятно было, за кого меня держат, играя пошлятину в плохого и хорошего. Я, впрочем, не возражал, стараясь одобрительно поддакивать. В любом случае, бутерброд существенно лучше ударов полуторалитровой бутылкой по почкам. Есть, правда, было больно. Удивительно, но полковник оставил на столе пять стопок бумаг, хотя это, казалось бы, должно прямо противоречить базовым профессиональным инстинктам. Слушать показательное вступление было скучно и совершенно бессмысленно, я принялся разглядывать бумаги. Четыре стопки были повернуты от меня вверх ногами, а средняя лежала, как раз удобно обращенная ко мне. В нескольких местах текст выделялся чуть более крупным шрифтом: «проверка коммуникаций (газ)», «захвачен в заложники», «оружие без боеприпасов», «микроавтобус», «паническое бегство». Приглядевшись, я понял, что текст собран из бессвязных отрывков именно ради этих слов.

Полковник подошел к столу, пробежал по средней стопке кончиками пальцев, выстукивая мелодию, и снова развернулся к окну:

— Несмотря на крайне серьезные улики, мне трудно поверить, что такой серьезный человек, как вы, столько сделавший для города и страны, может быть вовлечен в террористическую деятельность. Николай Андреевич, расскажите мне, что все-таки случилось?

— Чистое недоразумение, — я старался быть серьезным и сосредоточенным, наверняка велась запись. — Существовала огромная опасность. Министерство будет отапливаться автономной котельной, подключенной к газопроводу среднего давления. Малейшая искра и — бум! Катастрофа! Я хотел перекрыть газоснабжение, но вместо этого попал в руки террористов.

— Это многое проясняет. У нас есть видео, где у вас в руках оружие. Как вы это объясните?

— Меня заставили его взять, но оружие было заблокировано электроникой и, кажется, не заряжено.

— Что происходило потом?

— Они заставили меня вести машину. Мы доехали до какого-то переулочка, не знаю, как называется. Район Пряжки, Лоцманской, Римского-Корсакова, где-то там, могу показать, думаю, найду.

— На записи вы одеты иначе, чем сейчас.

— Я переоделся, у меня комплект лежал в машине. Знаете, стройки, грязь, всякое такое.

— Почему вы не обратились к правоохранителям, оказавшись на свободе?

— Испугался. Паника.

— Давайте зафиксируем все это. Машенька зайди к нам.

Маша села напротив и шустро разложила компьютер:

— Начинаю ведение протокола, — голосок у нее был высокий и писклявый словно у куклы. — Назовите вашу фамилию.

Мы добрались до амнистии двадцать пятого года, когда дверь распахнулась. В кабинет вкатился толстенький коротышка, едва за тридцать, в сопровождении обширной свиты. От него исходил сложный составной аромат из мощного перегара и чрезмерных духов. Искусственный левый глаз повторял движения настоящего какими-то дергаными рывками, немного отставая, отчего становился заметней, чем если бы был бесхитростно стеклянным.

— Лапуль, — он помахал короткопалой пухлой ладошкой в сторону Маши, — погуляй чутка.

— Здоров, — не глядя, сунул руку полковнику, тот мгновенно преодолел дистанцию и пожал, как-то особенно почтительно изогнувшись.

— Кто его так? Шалил при задержании?

— Да нет, Хромов допрос снимал.

— Хромов, Хромов... А! Хромов! Вот, балбес. Знаешь меня? — он обратился уже к мне.

Я кивнул, подтверждая. Этого колобка, известного как генерал Кеша, я знал, да и все знали. Он был сыном друга президента и другом сына президента. Последние годы эта банда юных быстро прибывала заметностью, влезая повсюду, где деньги. Они успели перессориться с половиной города, даже с американцами. Собственно, президентский сынок, сильно пьющий кретин, был вожаком номинальным, первую скрипку, как говорили, играл именно Иннокентий. Судя по рассказам, он тоже не блистал интеллектом, выделяясь зато бойкостью натуры и наглостью. Да и неоткуда там взяться особенному уму, отцов тоже гениями не назовешь. Шайка предыдущего поколения взлетела к вершинам на чистом везении: когда американцам понадобились дрессированные мартышки, именно они удачно подвернулись под руку. На нынешнем президенте висело несколько уголовных приговоров, и он на свою удачу уже несколько лет отсиживался за границей. За время отсутствия былая популярность слегка завяла, сдвинув его во второй ряд оппозиционных лидеров. Однако большая часть по-настоящему отборных претендентов погибла при бомбардировке Москвы, пришлось выбирать из немногих оставшихся.

Впрочем, президент обладал полной профессиональной компетентностью: у него был неплохой английский и отточенный навык: едва сдерживая слезу, патетически рассуждать о европейских ценностях и тернистом пути свободы.

Если президент был полуслучайным персонажем, вытянувшим счастливый билет, то Кешин папа был везунчиком в квадрате, просто оказавшимся в нужное время рядом. Стоит, правда, признать, что он показал себя хитрецом и осторожным интриганом, сохранив место, пусть и немного второстепенное, в верхушке. Подавляющее большинство придурков, клоунов и фриков, составивших первое свободное и демократическое правительство Российской Конфедерации, давно растеряло позиции, растаяв в дымке. Самые удачливые теперь возглавляли сомнительные фонды и исследовательские центры, а неудачливые исчезли в тюрьмах и реабилитационных центрах. Поколение детишек действовало наглостью и нахрапом, сильно переоценивая надежность позиций родителей.

— Чего рассказывает? — генерал Кеша уселся на стол в полуметре от меня и покачивал пухлыми ножками, не достающими до пола.

Полковник торопливо вытащил из нагрудного кармана ручку-планшет, нажал, включая голографический экран, пробежал по иконкам пальцами, вызывая текст, и протянул Кеше. Тот пробежал несколько строк, соскучился, и вернул планшет обратно.

— Давай, своими словами. По сути только.

Полковник вкратце пересказал.

— Смешно. Дядя, ты прям юморист. Слушай, я человек занятой, давай кратко и по делу. Кто с тобой был в Министерстве, чего вы там делали, я не спрашиваю, потому что знаю. И пасынок твой, и второй, забыл как его, у нас — поют как птички. С их слов ты выходишь самый главный террорист и мерзавец. Хочешь поправляй, не хочешь — твое дело. А вот что мне действительно нужно узнать: каким образом Михаил Натанович Беркович осуществлял планирование, руководство и финансирование вашей преступной группы? Расскажешь, и я, я! — подчеркнул он, подняв указательный палец, — гарантирую тебе максимум десятку в трибунале, даже без конфискации. Через пять лет выходишь по амнистии веселым и окрепшим на свежем воздухе. Идет?

Пока он болтал, мне пришла в голову роскошная идея. Можно подхватить со стола тяжелый на вид стилус и поглубже вогнать в еще целый глаз, или одна ладонь на затылок, другая на подбородок и резко повернуть. Терять мне все равно нечего, от контр мало кто выходит. Даже с обвинениями много мягче моих люди гарантированно пропадают навсегда. А пять лет и амнистия это у них, похоже, такая профессиональная шутка. Я примерился к своему, наверно, последнему и уж точно совершенно этически бесспорному поступку, подобрал для толчка ноги, но он, словно что-то почувствовав, двинул вокруг стола.

— Херню ты, Кеша, затеял. Натаныч тебя с говном съест, — сказал я в приступе разочарования.

— Ты, придурок, — самый здоровый из свиты двинулся ко мне, за ним с задержкой потянулось еще двое.

— Тссс! — Кеша снова поднял палец, — спокойней, братцы. Смотри, Коля, ты человек бывалый, опытный, ты ж знаешь, что все нам скажешь? Ну, хочешь, я тебя с ребятами оставлю поболтать? Или обойдемся без грубостей? Как думаешь?

Полковник нагнулся к его уху и зашептал.

— Успеешь со своим протоколом, — недовольно поморщился Кеша.

Полковник снова зашелестел.

— Какой суд? Что ты бредешь? — послушал шелест. — Кто? С ума что ли сошел? Набери-ка мне, — кивнул одному из своих, — ну этого, Казимилова.

Кеша выхватил из рук телефон, украшенный бриллиантовой спиралью, и бормоча: «Да, Иннокентий... Как же?.. Кто?..» вышел в коридор. В кабинете остались юноши сопровождения, пытавшиеся грозно посматривать, и полковник с мягкой улыбкой на безмятежном лице. Полковник (надо все-таки узнать, как его зовут), формально не сказав ни слова, передал мне информацию, важнее не придумаешь. Он толково оценил ситуацию, сыграв на темпераменте и гоноре генерала Кешы.

Существовало единственное объяснение. Меня, совершенно неправдоподобно, отправляли по обычной судебной процедуре. Это означало адвокатов, жалобы, прессу, состязательный процесс, ток-шоу в русской редакции «Центрального телевидения Китая», круглые столы на иммигрантских каналах, это означало, что высаживать мне почки вот так запросто не выйдет. Систему трибуналов как раз и ввели, избавляясь от лишнего шума и суеты. Человек пропадал, и все заканчивалось, разве что через год появлялся фильм-агитка о

дьявольских злоумышлениях и сатанинских преступлениях. Комитет, естественно, стремился подвести под антитеррористические трибуналы что угодно, до налоговых преступлений включительно (финансирование террора). Из профильных в суды попадали исключительно дела с особо мерзким задником. Например, прошлогоднее, когда вместо оккупационного конвоя подорвали автобус с детьми, или вятское, где местные герои сосредоточили основную деятельность на наркоторговле.

Изумление Кеша было справедливо и понятно. Формально подсудность определяла прокуратура, но фактически — кто их спрашивает? Ни при каких обстоятельствах генеральный прокурор Казимиров и его подчиненные против Комитета и Кеша пойти не могли. Значит, решение принял кто-то страшнее Кеша. Таких немного. Сам президент, но этого быть не может, Кеша бы знал. Глава Комитета тоже исключается. Вот предыдущий был человек решительный и страшный, за что, по упорным слухам, и пострадал. Молва, справедливо или нет, относила громкое убийство на Кешин счет. Новый — пугливая аппаратная крыса из затхлых архивов служит полупрозрачной ширмой для Кеша, скандально молодого для формального назначения. Оставались американцы.

Кеша появился в дверях, что-то пробормотал, и свита потянулась из кабинета. Одного, долговязого и сутулого, он остановил движением ладони, бросил несколько тихих фраз, и тот остался со мной и полковником.

— Вернемся к допросу, — долговязый сел напротив.

— Вы, извините, не представитесь? Просто для удобства.

— Капитан Фокин Петр Сергеевич, следователь по особо важным делам.

— Петя! Да я ж тебя знаю! Ты же с моим сыном в один детский садик ходил! Сколько лет!

— Я из Воронежа, — хмуро сказал юноша.

— Петя, прекращай, я тебя прекрасно помню. Ты еще все время писался на прогулках.

— Слышь, клоун. Ты дотрендишься! — Фокин покраснел и сжал кулак.

Сдерживаемая улыбка прорезала складки на щеках полковника, он был, очевидно, доволен. Бывалые кадры Комитета ненавидели, конечно, Кешу с его молодой шпаной.

— Петя, вы выросли таким грозным мужчиной... Я просто боюсь с тобой говорить без адвоката.

— Какой тебе адвокат?!

— Я бы предпочел Кетмана Григория Львовича. Думаю, он максимум в пяти минутах ходьбы. Могу дать телефон.

Беседа прокрутила несколько заведомо бесплодных кругов. Я отказывался отвечать без адвоката, Петя пытался меня переубедить, без особого пыла, надо сказать, убого мотивируя «вам же лучше будет», полковник вяло поддакивал. Наконец, попросили конвой.

— Куда его?

— В Ялту.

— Руки протяните, — мне защелкнули наручники.

— Он что, у вас без наручников был? — явный испуг мне понравился.

— Вот, Петя, ты и в детстве был невнимателен.

Под Ялтой явно не имелся в виду крымский курорт, но спросить значило только порадовать упырей. Камера оказалась грязной бетонной коробкой метр восемьдесят на полтора. Ни нар, ни унитаза — ничего. Судя по оттенкам вони, именно унитаза тут особенно не хватало. Честно сказать, оставшись один, я почувствовал некоторое облегчение, во всяком

случае встреча с дрессированной стаей уголовников пока откладывалась.

Я не сразу понял, что в камере жарко, градусов шестьдесят, наверное. Вдобавок над головой с диким визгом включался и скрежетал механизм, замирал на минуту-другую и снова оживал. Чуть выше моего роста камеру перекрывала решетка с частыми ячейками, повыше горела тусклая, грязная лампочка. Щурясь от света, я разглядел под потолком трубы и гудящий насос. Работала система рециркуляции, разгонявшая горячую воду по зданию, иначе приходилось бы долго ждать, пока из крана в каком-нибудь дальнем кабинете пойдет теплая водичка, а холодной, видимо, смывать кровь не так забавно. Воздух в камере прогревали трубы без изоляции, грелся сам насос, в маленьком, хорошо изолированном помещении, где вентиляция ограничивалась щелью под дверью, этого хватало для душегубки. Смекалка и не шаблонное мышление превратили утилитарное техническое помещение в чудесную, весьма оригинальную камеру пыток.

Я попытался добраться до труб и насоса, но ничего не вышло, решетка была сварена из шестнадцатой арматуры и на совесть заанкерована в стены. Даже повиснув всем телом и упираясь ногами в стену, расшатать ее не удавалось. Сквозь ячейки решетки проходила только рука, до труб оставалось еще не меньше метра, не дотянуться даже без наручников.

Я как смог разделся, стянул до запястий плотную строительную куртку, повисшую на наручниках. Комбинезон расстелил на полу и сел на него, опершись о стену. Я закрыл глаза, стараясь заснуть, но ничего не получалось. Визжал и скрипел насос, пот собирался каплями на лбу, все сильнее хотелось пить. Оставалось правильно дышать и, по возможности, не думать о людях, безразлично решающих сейчас мою судьбу. Главное, мои далеко. Он врал, конечно, врал о Мише. Думать бессмысленно, гадать глупо, надо просто верить, не сомневаться.

Когда начал проворачиваться, клацая, ключ, я, стараясь не шелохнуться, сидел с плотно прикрытыми глазами.

— Подъем! Чего тут за стриптиз?! Прикройся!

Меня несильно пихнули. Я открыл глаза, потянулся и начал неторопливо одеваться. Впрочем, торопливо в наручниках все равно не получается.

«Неужто спал?» — различимо шепнул один из конвоиров другому.

Идя по гулким коридорам, лязгая тяжелыми дверьми, гроыхая засовами, ставя меня лицом к стене, они продолжали шептаться: «я тебе говорю, Косте Краюхину нос набок свернул», — разобрал я.

— Слышь, большой, это ты в двадцатке чудил с утра?

— Я ваших имен птичьих, двадцаток-тридцаток, не разбираю, но почудить люблю, — голос скрипел не хуже насоса, — могу прям сейчас.

— Шагай давай, чудила, — судя по добродушному тону, я испортил кого-то подходящего.

В обширной приемной с лепниной, пальмами и томной девахой в короткой юбке к моим конвоирам прибилося еще двое в штатском. Не останавливаясь, мы прошли в огромный кабинет, набитый деревянными панелями, мрамором, колоннами с вычурными капителями и витражами. Казну тут не берегли. Посредине, словно крейсер в доке, громоздился титанический стол для заданий. Я не сразу увидел Кешу — он сидел, развалясь, на диванчике в углу, потерявшись на фоне монументального главного стола.

— Присаживайся, — он махнул на кресло напротив. — Вы там, в сторонке побудьте пока.

Между нами, на кофейном столике, сверкал полный доверху графин с водой.

— Ну, как сам? Вид у тебя какой-то уставший, даже, — он повел носом, — вспотевший какой-то.

— Зато ты свежий и отдохнувший.

— Знаешь почему? Стараюсь как можно больше пить, — он налил себе воды, отпил и с наслаждением помычал, — ммм... Несколько литров воды ежедневно, и ты чувствуешь себя превосходно. Тут американцы подъехали. Надо бы тебе с ними переговорить.

— Мне? Мне не надо.

— Вот и отлично. Так и скажи. Дескать, не о чем мне с вами говорить, фашисты проклятые.

— Я передумал. Скажу-ка я им правду.

— И что у нас сегодня будет за правду?

— Расскажу, как вы меня пытали, требуя отказаться разговаривать с американцами.

— Врать нехорошо. Тебе мама не говорила?

— Она много чего говорила. Всего не упомнишь.

— Есть предложение. Ты хотел адвоката. Получаешь адвоката на пятнадцать минут, потом в его присутствии встречаешься с американцами, потом еще час наедине с адвокатом.

— Два.

— По рукам, — Кеша протянул через стол пухлую ладошку. — И постарайся обойтись с американцами без готических кошмаров.

— Как пойдет, — руку я пожал, в моем положении было не до картинных жестов. Хотя рукопожатие в наручниках тоже в известном смысле жест.

Опять клацали двери, и отдавались эхом шаги в гулких коридорах.

— В сортир бы мне...

— Не положено.

Меня заперли в тесной камерке с серыми стенами и скудной обшарпанной мебелью. У меня даже отключили наручники, и я передал их наружу через специальное окошко в запертой двери.

Представление об уголовной процедуре у меня было самое приблизительное, если не сказать больше. В гражданском и арбитражном производстве я за годы в «Питнате» нахватался верхов и в общих чертах представлял, как ведутся дела, а вот с уголовным сталкивался лишь однажды, поверхностно и много лет назад.

По мотивам боя на Пулковском шоссе местные ретивцы пытались состряпать уголовное дело. Контору (тогда она называлась, конечно, иначе) безжалостно трясли, выгоняя трех из четырех, обвиняли и, кстати сказать, совершенно справедливо в коррумпированности. Выгоняли самых заметных, самых жадных, самых негибких и, просто, случайным образом. В этой неприятной неопределенности кому-то пришло в голову выслужиться. Глядя под нужным углом, получалось, что граждане, не являясь военнослужащими, где-то раздобыли оружие, запрещенное штатским. Это уже уголовная статья. Подстреленные американцы становились жертвами убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Отсутствие общей формы и единообразных знаков отличия превращало нас в нарушителей какой-то важной международной конвенции и даже почти террористов. Вскоре, правда, американцы, напуганные разгоравшимся партизанским движением, предпочли пресечь инициативу амнистией, так что лично для меня дело обошлось несколькими вялыми допросами.

Я не знал, имел право посетить меня сейчас только один адвокат или несколько. Если несколько, то Гриша Кетман из нашей юридической службы будет обязательно. Уголовное право не по Гришиной части, он все же специалист по градостроительному и земельному законодательству, но, если можно, придет обязательно, ведя штурмовой отряд, составленный из лучших профессионалов двух больших юридических фирм, обслуживающих компанию.

С лязгом открылась окошко, показались глаза. Пока охранник грохотал дверь, я огляделся в поисках камер, но не нашел, хотя поверить, что их здесь нет, было невозможно.

Вошли двое незнакомых, толстый и тонкий, синхронно подошли к столу, поставили на пол кейсы, представились и выложили визитки. Звали их Барабанов и Волков из адвокатского бюро «Барабанов и Волков». Я слышал о таком впервые.

— Прежде всего, нужно уладить некоторые формальности, чтобы мы могли представлять ваши интересы, — говорил толстый, круглый и улыбающийся, весь какой-то располагающий и уютный.

Жестом фокусника он одним движением разложил на столе планшет и подвинул ко мне. На планшете была выведена страница мелкого текста, одна из шести, как я понял из цифр внизу странице.

— Надо расписаться на каждой странице.

Толстяк (я успел забыть его фамилию, но, кажется, все-таки Барабанов, ему и подходило лучше) протянул мне стилус.

— Мне бы в туалет сперва, — голос хрипел и скрипел. — Не поспособствуете? Не пускают.

— Безобразие.

Толстый возмущенно переговорил, скорее даже обругал конвоира. Пройдя заново процедуру: окошко, наручники, дверь, я припал к древнему крану, плюющемуся толчками воды с металлическим привкусом.

Вернувшись, я как мог долго изучал стандартный текст. Торопиться было совершенно некуда. Юристы начали подавать признаки нетерпения, переминаясь на скрипучих стульях.

— Кто вас, говорите, нанял?

— Ваша жена.

— А можно, извините, договорчик глянуть?

— Не успели подписать. Она нам позвонила, и мы сразу же ринулись вас искать.

— Не боитесь без гонорара остаться? Так вот, без договора?

— Имя Екатерины Сергеевны, — в разговор вступил тощий, в отличие от напарника он был заметно нервным, а не доброжелательным, — звучит лучше любых денег, так что, я надеюсь, вы сейчас шутили.

— К тому же, — заговорил толстый, — дело ожидается интересное и громкое, так что мы, наверно, и без денег бы согласились.

— Понятно. А она откуда вас знает?

— Не представляю, — тощий кусал губы и постукивал кончиками пальцев по столу, — подписывайте, у нас совсем не остается времени обсудить стратегию защиты.

— Передайте Кеше, что он плут, — я толкнул обратно планшет.

— Что передать?

— Умнее было бы спросить кому, изобразить непонимание. Передайте ему, что он плут. Мошенник, жулик, обманщик, фармазон, мазурик, трикстер, если так вам понятней. Причем неумелый. Только безнадежный растяпа мог рассчитывать убедить меня, что Катя наняла

вместо нормальных адвокатов двух клоунов убогого деревенского шапито.

— Вы совершаете огромную ошибку, — они поднялись, подхватив кейсы. Трудно убедительно спорить, когда тебя называют клоуном из убогого деревенского шапито.

Сперва показалось, будто меня опять привели в кабинет полковника с то ли забытой, то ли не названной фамилией. Присмотревшись, я понял, что стены здесь не того оттенка серого, и висит другой портрет президента. Во главе стола сидел капитан Петя Фомин, а вдоль длинной ножки располагались мужчина и женщина в строгих черных костюмах, выглядевшие американскими спецагентами из малобюджетного голливудского кино. Собственно, американскими спецагентами они и оказались. Несмотря на разнополость, выглядели они настолько похожими, словно их отливали в одной форме.

На вопросы американцев я отвечать отказался, требуя адвоката. Они довольно резонно уговаривали через автоматический переводчик, напирая на то, что наша беседа процедурно ничтожна, нигде не фиксируется и повредить мне не может. Я игнорировал и участливо расспрашивал Петю о родителях: здоровы ли? бросили ли пить?

Женщина позвонила Кеше и отчитала его по-английски, считая, по-видимому, что я ничего не пойму. Зазвонил телефон у Фомина, судя по лицу, пошедшему пятнами, и доносящимся обрывкам мата, звонил Кеша. Фомин попытался уговорить меня, обещая неформальное отношение и адвоката сразу после беседы, как он это называл. Я в ответ спросил, чем разрешилась та история с его старшей сестрой и ее беременностью в тринадцать лет. Кроме того, правда ли у нее легкая форма синдрома Дауна? Он грубил, он бросал на меня взгляды, полные ненависти и угрозы, до того потешные, что остановиться было невозможно. В порядке ли сам? А то эпикантус выглядит немного сомнительно.

Следующие часы протекли в бестолковой административной суматохе. Меня вели в новый кабинет, там я отказывался отвечать без адвоката, на меня кричали, угрожали или уговаривали. Отчаянно хотелось спать, болело отбитое, ушибленное и предположительно сломанное. Я словно скользил полудремой сквозь волны боли. Люди, говорившие со мной, сменившись, обычно исчезали навсегда, но иногда повторялись и даже неоднократно.

Двое суетливых коротышек (я отчего-то думал, что из прокуратуры, хотя не могу точно припомнить, представлялись ли они) поставили меня лицом к стене и, впад в раж, истерично орали, бегая вокруг, чуть не подпрыгивая, а может даже, и в самом деле подпрыгивая. От сонного оупения я простоял так минут пять, потом опомнился и сел обратно на стул. Один из них вопил неразборчивое, наклонясь так близко, что я, пожалуй, мог бы цапнуть его за нос, но вместо этого только поморщился и пожаловался на летящую слюну. Коротышка разом замолк, очень по-детски надулся, и меня вывели. Ночь тянулась без всякой системы. Меня запирали в камере, чтобы через двадцать-тридцать минут забрать. Камера была всякий раз другая, то обжитая парилка под трубами, то общие камеры, тоже вонючие, гудящие ропотом недовольных и разбуженных постояльцев. Обошлось, впрочем, без предполагаемого насилия, ропот постепенно затихал, я находил уголок присесть, и меня забирали снова. Одна камера отличалась от прочих, небольшая, всего на две койки, свет сочился из коридора сквозь решетчатое оконце на двери. Человек на кровати монотонно и странно стонал, его стоны больше всего походили на звуки, издаваемые некоторыми женщинами во время секса. Привыкнув к полутьме, я разглядел на полу темное пятно, разлившееся на половину камеры — кровь натекала из стонавшего. Я попробовал привести его в чувство, а когда ничего не вышло, перевернул набок, чтобы бедолага не захлебнулся собственной кровью. Было ли соседство случайным, или мне угрожали? Выматывали без

конкретной цели, или собирались особенно жестко насесть к утру? Гадать было бессмысленно, а может, и вредно — легко соблазниться расслабляющим утешением.

Будущее сейчас определяло слишком много разнонаправленных сил. Меня отобрали у Кеша, словно аппетитную кость у собаки, и, если я правильно понимаю служивых, репутационный ущерб для него болезненней коммерческого. Старослужащие упырикомитетчики, конечно, счастливы его осечке. Дядя Миша, не жалея связей и денег, старается меня вытащить, в этом я уверен. Зачем американцам публичность, может разъясняться по-разному.

Для действующей администрации убийство Сандерса (кстати, на редкость симпатичного и толкового дядьки) стало ножом в спину. Выяснилось, что высокопоставленного чиновника можно у нас легко прикончить в самом охраняемом месте. Абсолютное фиаско многолетней политики, еще и в преддверии выборов. Официальному мейнстриму остро необходимо сейчас покарать всех виновных, вернее сказать, убедительно продемонстрировать наказание. Однако американцы ведь не бескорыстные рыцари ордена звездно-полосатого орлана, а живые люди с частными интересами. Значит, есть заинтересованные в еще большем провале, в арестах невинных, в вымогательстве, в распиле состояния дяди Миши, в общем, в нечистоплотной суете вокруг трупа Сандерса и скандальных расследованиях СМИ стран паназиатского диалога. Вдобавок, действуют и наши, и американцы, завязанные на меня по делам и опасующиеся моей болтливости.

Даже понимая мотивы, нельзя предсказать действий и последствий. Насколько Кеша готов сопротивляться нынешнему решению, искать поддержку по своим американским связям? Кто-нибудь из связанных со мной лично может решить, чего уж тут, что меня и проще, и надежней убить, чем вытащить. При таком количестве заинтересованных события могут развиваться совершенно произвольно, причем, скорее всего, результат разнонаправленного давления будет невыгоден всем без исключения.

Оставалось радоваться маленьким текущим радостям: калечить меня пока не собирались. Дважды начинали не то чтобы бить, а так, скорее пихать. Я отвечал агрессивно, насколько мог, и они отступали, не обостряли. Надо думать, получили приказ все выяснить, но без рукоприкладства. Начальство любит отдавать принципиально неисполнимые приказы, кому как не мне это знать, я ведь и сам начальник.

Под утро меня запихали в довольно комфортабельный автобус с наглухо затемненными стеклами. За долгие годы, прошедшие с тех пор как я в последний раз имел дело с уголовной юстицией, специализированный транспорт заметно прогрессировал. Сидения, установленные внутри клетки для арестантов, были даже оборудованы ремнями безопасности, а на перегородке, отделявшей от водителя, висел большой экран, сейчас, правда, выключенный. Под экраном было крупно выцарапано ВНЖТ, на К творческий порыв, видимо, пресекли конвоиры.

Меня высадили в пустом внутреннем дворике. Было еще зябко, но день обещал задаться. Стояло уже не слишком раннее утро, свет не падал еще во двор напрямую, только отраженное солнце играло в зарешеченных окнах верхних этажей. Меня неторопливо провели по узкой лестнице и серому коридору без окон. Было темновато, грязным плафонам едва хватало сил осветить самих себя. Дойдя до двери с грубо намалеванной большой четверкой, один из конвоиров потыкал в коммуникатор на запястье. Замок щелкнул, что-то со скрипом провернулось и зажужжало. Дверь откатилась сантиметров на пятнадцать и остановилась. Жужжание становилось все громче и выше, пока не перешло в визг.

Полицейский дважды саданул ногой. Дверь дернулась и с мягким шлепающим звуком откатилась в сторону.

Открылся стеклянный аквариум, расположенный в зале суда. Двое в форме обменялись с конвойными кивками. Конвоир и один из встречавших повозились с коммуникаторами, снова обменялись кивками и, так и не сказав ни слова, приведшая меня пара вернулась в коридор. Когда дверь захлопнулась, охранник еще потыкал в экран, наручники расстегнулись, я передал их через окошко. Надо сказать, очень кстати, запястья были сбиты совершенно.

Кроме меня в клетке и пары охранников рядом, вторая пара полицейских скучала возле огромной парадной двери. Когда нас осталось пятеро, считая меня, полицейские, словно по команде, разложили разномастные, явно личные коммуникаторы, и, глядя в пустоту, начали водить большими пальцами по сенсорным экранам, наклоняя, сгибая и скручивая корпуса телефонов.

Больше всего это напоминало работу крановщика, водопроводчика или сварщика, удаленно управляющего работой робота. Для удобства и повышения безопасности вместо дисплеев в таких случаях используют контактные линзы. Я сперва удивился и только спустя несколько секунд понял, что великовозрастные балбесы дуются в онлайнтовую компьютерную игрушку, судя по отрывочным репликам и междометиям, имитирующую воздушный или космический бой.

Делать было совершенно нечего. Я из озорства попросился сразиться вместе, но они не отреагировали, только один невидяще посмотрел сквозь меня. Некоторое развлечение доставила столешница, наглухо приделанная в аквариуме. Столешницу, включая выключенный встроенный дисплей, плотно покрывало творческое наследие поколений арестантов. Кроме неизбежного ВНЖТК, исполненного трехцветно, и «Зенит — чемпион!» тут была обширная коллекция изображения гениталий, как схематических, так и весьма художественных, грубые названия изображенных органов, крупный и умелый эскиз церкви с множеством куполов. Были и текстовые сентенции, полные философских и жизненных наблюдений, иногда довольно загадочные. Например, «Куба — сука». Что сделал неизвестному автору далекий остров? Или «Куба» — кличка уголовника?

Двери распахнулись, в зал зашли десятка полтора мужчин в форме и в строгих костюмах, они оживленно переговаривались между собой. С большинством из них я встречался уже на допросах. Телефоны мгновенно исчезли из рук охранников, теперь они стояли по сторонам двери и моей клетки с самым молодцеватым видом, старательно выкатив глаза. Позади вошедших блеснули очки Гриши Кетмана. Несколько мундиров и один костюм развернулись, негромко втолковывая охранникам что-то с моего места неразборчивое. Те перекрыли вход и выставили из зала Гришу, пухлого паренька из нашего юридического департамента, знаменитого адвоката по уголовным делам, партнера большой юридической компании, обслуживающей нас, еще каких-то смутно знакомых. В коридоре бурлила толпа, виднелись профессиональные камеры, кто-то пытался снимать поверх голов.

Мужчины заняли дальний от меня стол. Те, кому не хватило мест, расселись за загородкой, в первых двух рядах для зрителей. Стол покрылся компьютерами, коммуникаторами и кипами бумаг, извлеченных из портфелей. Поразительное бумажное море для одних только суток. Крохотная девчушка с черно-красным каре заняла место за секретарским столом напротив моей клетки. Барышня разложила дисплей, встроенный в ее стол, одновременно включился экран у меня, засветилось под бумагами у господ офицеров и

зажгись два монитора в незанятом столе защиты. На дисплеях была Фемида с весами на фоне Андреевского флага, по низу золотом шло название суда. Я поводил пальцем, но дисплей то ли сломался, не выдержав многочисленных татуировок, то ли вообще не предполагал управления подсудимым.

Девушка забавно и, как ей, наверное, казалось, незаметно вертелась, используя казенный компьютер вместо косметического зеркала. Усмотрев незаметную неисправность, она огляделась, украдкой достала тушь и что-то быстро подправила.

Мужчины бурно готовились к заседанию. Сидевшие позади то и дело подбегали к занявшему стол начальству, водили, разъяняя, пальцами по бумагам и экранам планшетов. Включили огромный голографический экран, занявший в длину весь стол. Я мог разобрать только то, что он заполнен страницами с текстом, несколькими картами и странными схемами. Двое молодых рысцов подбежали к девушке. Получив консультацию, они скинули кителя, закатали рукава рубашек и принялись энергично закрывать сложную систему жалюзи на трех огромных окнах за спиной девушки. Здание было старинным, тут, наверное, судили еще народовольцев и петрашевцев, если не декабристов.

Деловитая компания мужчин, до того недовольно жмурились и прикрывавшихся ладонями, продолжила занятия, удвоив энергию. Они двигали листы на голографическом дисплее, указывали друг другу на строки, выделяя их красным, зеленым и желтым, по какой-то особенной системе. Никто из них даже не посмотрел в мою сторону, словно меня здесь и не было, словно моя будущая роль была совершенно ничтожной.

Дисплей девушки слабо тренькнул, она поднялась:

— Встать, суд идет, — микрофона было не видно, но усиленный голос гроыхал из невидимых динамиков.

Молодцы, возившиеся уже на последнем подоконнике, горохом ссыпались на пол и, на ходу приводя себя в порядок, бросились по местам. В зал вошел судья, моих лет мужчина, с точеным профилем римского патриция времен упадка. Он зашел не через высокую двухстворчатую дверь, охраняемую охламонами, любителями онлайн игр, а через неприметную дверку в торце зала.

Заняв место, судья начал бубнить положенную юридическую скороговорку:

— Я, судья Адмиралтейского районного суда города Санкт-Петербурга, Васильев Владимир Сулейманович...

Услышав это невозможное сочетание, я понял, почему его эффектная внешность показалась мне смутно знакомой. Именно он вел прошлогодний процесс вятских террористов и наркоторговцев. Яркая внешность, располагающее обаяние, хорошо поставленная интеллигентная речь, — отличный выбор для рекламы отечественного правосудия. С судьей мы встречались и прежде. Жаль, не у кого спросить, не нарушение ли это. Четырнадцать лет назад нынешний судья, а тогда то ли следователь, то ли дознаватель (никогда не понимал разницы), старательно вел мое дело. Исходя из выбора судьи, процесс планировали масштабным шоу.

— ...постановление старшего следователя по особо важным делам при Статс-Секретаре Генерального Следственного комитета Российской Конфедерации тайного советника юридической службы Хламова Степана Сергеевича о возбуждении перед судом прошения об...

Даже выпавшись, даже без треснувших ребер, выбитой руки и попорченных зубов, я бы все равно не сумел до конца вникнуть в эти длинные периоды.

— ...предусмотренные частью второй статьи сто пятой уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи двести...

Насколько мне удалось понять, сегодня речь шла о мере пресечения, что превращало слушание в чистую формальность. Конечно, с такими обвинениями меня не могут выпустить под залог или подписку.

— Подозреваемый, есть ли у вас жалобы или ходатайства к суду?

— Да, есть.

— Встань, придурок, — зашипел один из конвоиров, конопатый и курносый паренек.

— Есть, ваша честь, — я поднялся, боль полыхнула в левом колене. — Я прошу допустить к слушаниям моего адвоката, Кетмана Григория Львовича, он сейчас в здании суда, прямо за дверью.

— Возражаю! — поднялся незнакомый мне мундир. Он был заметно толще и старше остальных, в кителе, щедрее покрытом золотом. Новые мундиры вообще, а прокурорские особенно, были нелепо разукрашены чуть ли не эполетами с аксельбантами.

Мундир с судьей обменялись потоками статей, частей и подпунктов. Они не перебивали друг друга, вступая когда второй замолкал. Это походило на сотое или тысячное представление дурно поставленного спектакля провинциального театра, да, собственно, им и было. Актеры просто проговаривали необходимые реплики, торопясь в пивную. Сказанное адресовалось не друг другу и не мне, конечно, а исключительно протоколу.

Гришу и десяток сопровождающих юристов, включая звезду уголовных процессов, после некоторой суеты пустили в зал. Они покрыли стол своими бумагами и электроникой. Выглядел Кетман антисемитской карикатурой. Жирный, неопрятный, суетливый, в очках с толстыми захватанными стеклами, вечно хохочущий и хлопающий себя по ляжкам. К тому же у него была опереточная страсть к роскошным тупым блондинкам, и три развода его, кажется, ничему не научили. На переговорах и в зале суда Гриша оборачивался безжалостным хищником, быстрым, жестким и опасным. Кетман был моих лет, но успел возглавить, по сути, нашу юридическую службу. Возглавить в том смысле, что на него замыкались вопросы, связанные непосредственно с законом, а сопутствующие финансово-административные коммуникации осуществлял его номинальный начальник, обаятельный дедок, вросший за десятилетия в судебную систему. Наивный инфантилизм считать, будто только деньги и связи определяют решение суда, собственно юридическая правота зачастую имеет не меньшее, а иногда и большее значение. Теперь Гриша, если задуматься, попадал в сложное положение во внутрикорпоративной борьбе. Он считался моим человеком, плоть от плоти блока молодых менеджеров, противостоящего уходящим ровесникам дяди Миши. Забавно, какие нелепые глупости казались важными всего тридцать или сорок часов назад. Теперь это тревожило не больше, чем проблемы, ожидающие Гришу в поиске нового партнера для тенниса, — у нас неплохо получалось в паре. Несмотря на внешность, на корте он был почти также хорош, как в зале суда.

Новое действие пьесы можно было бы описать ремаркой: «те же и юристы», с той особенностью, что на сцену вышли умелые актеры, всерьез делающие свою работу, добросовестно живущие на сцене. Я подтвердил полномочия адвокатов, подписавшись на своем дисплее, на это он оказался способен. Знаменитость обратился к судье с просьбой объявить перерыв, чтобы защита могла пообщаться со мной. Обвинение возражало, и судья не разрешил. Баталия продолжалась добрых полчаса, они все время ссылались на какие-то пункты и статьи, так что я почти сразу потерял нить и перестал следить.

Следующая схватка велась относительно ведения слушания в открытом или закрытом заседании. Тут, естественно, наша взяла, что и понятно: не имело смысла забирать дело из трибунала иначе чем для громкого процесса. Громкий процесс, рекламирующий отечественное судопроизводство, нуждался в прессе и публичности. Оставить меня без защитников, соответственно, тоже было нельзя.

Зал заполнила шумная публика. Преобладали неопрятные бородачи и юные журналистки за сорок, накрашенные и одетые так свежо, оригинально и смело, что их трудно было различать между собой. Сразу были видны репортеры, работавшие на картинку, у них части, которым предстояло попасть в кадр, были наряжены продуманно и относительно официально, контрастируя с остальной одеждой. Судья разрешил пятиминутную съемку, над залом поднялись три десятка дронов, описывавших сложные траектории, автоматически уходя от столкновений.

Появление зрителей заметно оживило обвинение и судью. Теперь схватки проходили куда артистичней. Смысла в этом не было никакого, хотя внешне журналисты не различались, противоположная подача материала было очевидна заранее. Чтобы тут ни происходило, для одной половины я останусь безжалостным террористом, а для другой — невинной жертвой марионеточного режима. В нескольких самых умных изданиях озаботятся отсортировать доказательства, отобрав нужные, а работники остальных уже всюду давят клавиши и слушать ничего не собираются. Беспристрастного разбора можно ожидать разве от незаинтересованного издания откуда-нибудь из Аргентины или Новой Зеландии, но их аудитории до меня дела нет.

В общем, те же и пресса. Идущая пьеса была классического репертуара с хорошо прогнозируемым сюжетом, современная разновидность комедии дель арте. Как не изгибайся сюжет, а проныра-слуга никому не позволит себя провести, скупому старику нипочем не жениться на юной прелестнице, молодые влюбленные обретут свое счастье. Ну, а меня, видимо, повесят.

Защита и обвинение сошлись в схватке вокруг протокола задержания. Хотя мои адвокаты вступили в должность прямо в зале и только после этого получили доступ к документам дела, копии протокола задержания, исчерканные красными пометками у них были с самого начала. Защиту решительно ничего не устраивало: время, дата, отсутствие моей подписи. Прокурор краснел и врал, будто я отказался подписываться в присутствии двух понятых. Ни протокола, ни понятых я в глаза не видел, ясное дело. Обвинение явно спохватилось о бумажной подкладке, только узнав, что дело идет в суд, а не в трибунал. Затребованную видеозапись составления протокола обвинение предъявить отказалось, ссылаясь на техническую неисправность. Защита жгла ядом ироничного недоверия.

Покончив наконец с протоколом, судья объявил перерыв, что было кстати. После ударов бутылками туалет требовался часто. Сквозь окошко мне надели наручники, и провели обратно по коридору в крохотный и вонючий сортир. Один из конвоиров остался снаружи, второй втиснулся со мной. Пока я мочился розовым, он отвернулся из деликатности или отвращения. Мальчуган выглядел хлипким: длинная цыплячья шейка торчала из мешковатой формы, обвисшей на костлявом тельце. Даже избитый, поломанный и в наручниках я мог вырубить его за секунду.

Начал составляться план. Второй заходит на шум, его я вырубаю тоже... А если не зайдет, достанет оружие и вызовет подмогу? Ладно, пусть он слабоумный. Я забираю пистолеты, парни, правда, не элитные спецназовцы, в их оружии, скорее всего, отсутствует

возможность отключить распознавание стрелка, но ладно. Заставляю снять с меня наручники, допустим, с коммутаторов это технически возможно. Мы подходим к следующей двери, нажимаем вызов и... дистанционный охранник за мониторами уж тут-то точно понимает происходящее. Если повезет, я в результате получаю пулю в колено, если не повезет в голову. Хотя идея неплохая, можно попробовать продать Аркаше, сыну дяди Миши, он как раз крутится где-то около индийского кинематографа. Меня мог бы сыграть этот их красавец, с усиками и густыми зарослями на груди.

Нечего делать за катетов работу. Пока я жив, всегда остаются шансы. Может, представится лучший способ бежать. Может, американцы решат до или после выборов вывести войска. Вспыхнувшая революция освободит меня из застенков. Став национальным героем, расскажу в шоу, как услышал, словно наяву, слова моего лучшего друга. В моих жилах вскипела трехцветная кровь, и я стал смертью по имени бейсик. Если же не революция, всегда остается шанс на инопланетян.

Адвокат-знаменитость уступил подмости Грише. Тот, поглаживая себя ниже пояса, потребовал видеозапись доставки меня в комитет, упирая на несовпадение времени. Обвинители наивно согласились, и он кинулся в атаку, требуя объяснить следы побоев, появившихся, очевидно, после. Прокурор заявил, что я набросился на следователей, и они были вынуждены защищаться, дело выделено в отдельное производство и сегодня не рассматривается. Запись, естественно, отсутствовала по техническим причинам. Китайские, индийские и исламские журналисты явно повеселели, репортаж их был, в сущности, готов. Независимо от принадлежности издания, по крайней мере, для двух третей журналистов русский был родным языком. Так что различить по виду, кто представляет китайский телеканал, а кто багдадскую газету было совершенно невозможно.

Знаменитый адвокат вновь выдвинулся на сцену. На этот раз его не устраивал протокол опознания, составленный со спецназовцем, которого я вырубил под землей. Естественно, видео опознания тоже не получилось представить по техническим причинам. Защитник продемонстрировал преувеличенное сочувствие бедственному состоянию оснащенности комитета. Реприза удалась, от смешков не удержались даже наши и американские журналисты. Все происходящее было очень милым, приятно посмотреть, как пыhtят и потеют эти придурки, но я был совершенно вымотан и нетерпением ожидал, когда меня отпустят в камеру поспать. Нет ни малейшего сомнения, парень, если понадобится, без колебаний присягнет, что я людоед, предпочитающий пятилетних девочек, а тут ему даже врать не придется. Разъяренный прокурор в шутовском мундире предложил немедленно провести очную ставку, тем более что боец находился в здании суда.

Парень подошел к конторке для дачи показаний минут через десять, одет он был в черную форму с шевронами «Феникса», на половину лица расплывался синяк. Боец шел пружинистой, спортивной походкой. В отличие от моих конвоиров, он выглядел серьезным противником, вызвав у меня прилив нелепой гордости: все ж таки кое-что я еще могу.

— Представьтесь, — обратился судья.

— Гринько Сергей Александрович. Капрал отряда специального назначения «Феникс» при Антитеррористическом комитете.

Боец бубнил личные данные, дату и место рождения. Когда он недовольно покосился на меня, я не сдержался и сделал губами поцелуй. Капрал отвернулся и хмуро рассказал произошедшее. Они втроем осматривали недостроенную парковку, о подземном ходе известно не было, тепловизор не показывал чье-нибудь присутствие. В соответствии с

инструкцией было решено, что они могут разделиться для ускорения досмотра. На него было совершенно нападение, когда он очнулся и освободился, все было кончено, его сослуживцы погибли.

— Узнаете ли вы подозреваемого?

— Нет.

Слушали, конечно, не все в зале, но гул голов все равно сменился грохотом.

— Как? Как так? — за столом обвинения подскочили сразу несколько человек. — Задачу ложных показаний! На опознании!..

— Протестую! Свидетеля запугивают!

— Тишина в зале!

Когда все немного успокоилось, судья предложил обвинению продолжить.

— Как вы объясните, что опознали обвиняемого?

— Мне его на видео показывали, вроде похож, лицо тоже открыто, а сейчас вижу — не он. Тот с меня ростом был, а этот вон какой бугай.

— Но вы заявляли, что он был одет в вечерний костюм.

— Ну, показалось. Я видел-то его всего секунду или две, а там темновато. На видео показалось, он. Наверное, тот просто в чем-то черном был.

— Гринько, вы знаете об ответственности за заведомо ложные показания?

— Протестую! Обвинение запугивает свидетеля.

— Принято. У защиты есть вопросы к свидетелю?

У защиты была тысяча вопросов. Знаменитый адвокат со вкусом и не торопясь расспросил об опознании. Капрал отвечал и, похоже, совершенно честно. Конечно, опознание проводилось в порядке бесконечно далеком от предусмотренной законом процедуры. Я прикинул, во сколько эта честность встала дяде Мише. Если парень не идиот, то миллиона три. Юаней, конечно. Рубли и доллары ему после сегодняшнего не пригодятся. Ну и успеть выбраться из страны, плюс китайский вид на жительство для всей семьи.

Боец обстоятельно отвечал. Да, он совершенно уверен, что штурмовая винтовка у меня в руках на видеозаписи принадлежит ему. Почему? На его оружие установлен нештатный обвес. Какой именно? Кронштейн для крепления прицела, сам оптико-электронный прицел, приклад, передняя ручка и прочее. Адвокат с наслаждением выспрашивал о мелочах.

— Мог ли подозреваемый вести огонь из вашего оружия?

— Нет.

— Почему?

— В соответствии с уставом и правилами на оружие стоит СРС.

— Что стоит?

— Система распознавания стрелка. Электроника. Только на кого настроено может стрелять.

— У защиты больше нет вопросов.

— Обвинение?

— Да. А как вы объясните, что один из ваших товарищей убит именно из вашей винтовки?

— Не может быть, — тупо произнес капрал.

— Протестую, — подскочил Гриша, — в деле отсутствует баллистическая экспертиза.

— Полные данные баллистической экспертизы еще не получены, но калибр совпадает, это уже известно совершенно точно.

— Калибр, — ухмыльнулся боец, — так тому калибру сто лет в обед. Под него стволов не перечесть.

Зря потратились. Автомат наверняка отстреливали, рано или поздно станет понятно, что он врет. Потом, даже если в мою пользу будут свидетельствовать Иисус, архангел Гавриил и пророк Мухаммед, все равно ни за что не отпустят.

Объявили длинный перерыв, скорее на ужин, чем на обед. Меня отвели в специальную комнатку, забитую адвокатами. Всюду были пироги, куски пиццы, сэндвичи, гамбургеры, салаты в пластиковых коробках, картонки с иероглифами. За едой служивые не отвлекались от бумаг и электронных дисплеев, переключаясь терминами своего боевого жаргона.

Гриша что-то мне увлеченно втолковывал. После еды зубы, или что там у меня во рту оставалось, разболелись еще сильнее, а в сон начало клонить совершенно невыносимо. Я пытался проникнуться паутиной подпунктов, но выходило скверно. Кетман был так боевит и собран, что я спросил:

— Гриша, такое впечатление, будто ты всерьез надеешься меня вытащить.

— Конечно. Конечно, — он посмотрел мне в глаза.

Позвали в зал. Обвинение и защита вновь погрузились в обычную тягомотину. Они обсудили моего несовершеннолетнего ребенка, есть ли у меня постоянное место работы и жилье, привлекался ли я прежде. Когда они добрались до амнистии двадцать пятого года, я, видимо, заснул.

— Вставай, засранец.

Меня больно тыкали под ребра. Я, еще не до конца проснувшись, перехватил и рванул, только потом повернувшись. В руках у меня была, как выяснилось, резиновая полицейская палка. Караульный, влетевший в стекло лицом, дергал в ужасе пистолет из застегнутой кобуры. Я показал ему ладони в знак примирения и протянул палку. Он рванул ее изо всех сил, боясь, наверное, что я передумаю.

— Вы закончили? — ехидно спросил судья. — Можно начинать?

— Я, судья Адмиралтейского районного суда города Санкт-Петербурга... — монотонно зачитывал он, — в присутствии... с участием... проживающего...

Я проваливался в удобную мягкую вату, до меня доносились все более глухие слова, потерявшие смысл: «о возбуждении перед судом ходатайства об...», «проживающего по адресу...», «...уголовное дело, возбужденное...», «...к категории особо тяжких преступлений, за совершение которых...»

Меня разбудил многоголосый крик. Перекрикивая друг друга, орали в коммуникаторы журналисты, что-то возмущенное кричали судье несколько костюмов и мундиров, выскочивших из-за стола обвинения. Главный прокурор в клоунском наряде, покраснев до помидорного отлива, визжал в телефон, заткнув волосатое ухо указательным пальцем свободной левой руки.

— Тишина! Порядок в зале! — стучал по столу судья. — Катков, повторяю вопрос, вы готовы внести сейчас пятьдесят миллионов рублей?

— Нет, — я не понимал, что он от меня хочет.

— Как? — опешил судья.

Гриша постучал пальцем по лбу.

— Да, конечно.

— Пристав, прошу вас.

Мне протянули сканер, оформленный облезшим цветиком-семицветиком (идиотская

шутка двадцатилетней давности). Я неправильно набрал код, вздрогнул, что забыл, но, собравшись, вспомнил. Сканер довольно мурлыкнул.

— Залог поступил. Прошу освободить подозреваемого.

В клетке приоткрылась дверца, зал взорвался новым залпом шума. Происходившее было невозможным, но меня тащили уже прочь из зала, через коридоры полные людей, мимо микрофонов с эмблемами телеканалов. Напротив парадного крыльца суда стоял мерседес с распахнутой задней дверью. Мы с Гришей нырнули внутрь, и машина сорвалась с места.

— Ничего не понимаю, что за чудеса...

— Обычные чудеса, — ответил Гриша. — Не дороже денег.

Через два квартала мы влетели на подземную парковку бизнес-центра, реконструированного компанией лет пять назад. Пролетев подземный этаж, машина остановилась возле такого же, только не черного, а серебристого мерседеса, стоявшего с включенным двигателем.

— Давай, Коля, торопись, — Гриша сжал мне руку, — удачи тебе.

Я пересел. На заднем сидении Сергей Петрович Ушаков не глядя сунул мне руку.

— Гони.

— Сергей Петрович, тебя-то зачем в это втравили?

— Вывезти тебя надо из зеленки с гарантией.

— Спасибо, ты прямо герой.

— Не особо, у меня последние полицейские деньки. Последнего нашего свидания моя карьера не перенесла. Из отпуска уже не вернусь. Буду замом в вашей СБ.

— Ты уж прости меня.

— Да... нормально. Хоть заживу на старости по-богатому.

Машина подъехали к мосту с британско-канадским блокпостом. Ушаков замолк и прикусил нижнюю губу, но нас пропустили почти мгновенно. На южном берегу он облегченно выдохнул.

— Коля, ты мужик разумный, но все-таки. Ребята тебя повезут толковые, маршрут надежный, проверенный. Думаю, и сам понимаешь, но скажу на всякий случай. Никакой почты, онлайн-банков, социальных сетей. В общем, ничего такого, где надо вводить логин и пароль, пока тебя не вывезут из страны. А лучше всего — вообще ничего электронного в руки не бери.

— Ясно.

Мы немного помолчали, и я опять начал засыпать.

— Коль, я вот не пойму никак. На хера ты вообще туда полез? Он ведь тебе даже не сын.

— Ну, как же не сын. Сын.

— Понятно, — Сергей Петрович со значением кивнул, хотя понял неправильно. Но объяснять я не стал. Не было сил, да и какая разница, что там он понял.

— Просыпайся, — меня толкнули в плечо.

Машина летела по территории нашего складского комплекса, между изумрудными корпусами и железнодорожной веткой.

— Стальные у тебя нервы, — с каким-то неодобрением сказал Ушаков.

Автомат рывком остановил машину в полуметре от распахнутой двери.

Внутри нас встретил невысокий крепыш. В лицо я его знал, он заведовал чем-то у нас в службе безопасности, но ни чем именно, ни даже его имени я то ли не помнил, то ли, еще вероятней, никогда не знал. Обменявшись рукопожатиями, мы двинулись через склад между

уходящими далеко вверх стеллажами, заставленными поддонами износостойкого ковролина нашего рыбинского завода. Я оглядел потолок, ища камеры.

— Камеры отключили, — быстро проговаривал крепыш. — Все готово. Еда, вода, новый горшок. Койку верхнюю сняли.

— На вот, — Ушаков протянул мне прозрачный пакетик с чипами, — разбрасываешь всюду, еле собрали.

Я разглядел гонконгский чип, банковские чипы из квартиры, еще какие-то.

Мы зашли внутрь кузова фуры, левый ряд поддонов был уже погружен. Износостойкий офисный ковролин, два поддона ламината, опять ковролин, но уже обычный, домашний. Половые покрытия, в общем. Путешествия с ними начинают входить у меня в привычку. Поверху поддонов были плотно набиты упаковки утеплителя. Логично, везут сборным грузом, веса никакого, зато объем.

Безопасник достал электрическую отвертку и деловито открутил стальную панель в торце кузова. За панелью была каморка глубиной сантиметров восемьдесят, на всю ширину и высоту кузова. Крепыш включил тусклый светильник, приделанный к стенке кабины. На полу лежал спальный мешок, стояли две двадцатилитровые бутылки воды, картонная коробка, еще что-то. В углу был прикручен элегантных обводов биотуалет самой последней модели. Где-где, а в этой области человечество и прогресс не стояли на месте.

— Еще тут для тебя. Мало ли, — он сунул мне несколько пачек разносортных купюр, перехваченных вместе.

Мне пожелали удачи. Панель поставили на место, заскрипели болты, вставая на место. Я потушил свет и растянулся, левая нога упиралась в пластик биотуалета. Сознание балансировало на грани сна, несся поток воспоминаний. Удары приклада отдачей в плечо, татуировки, мерзкая рожица генерала Кеши... Миша. Миша! Я же не спросил о Мише! Я сел но гулкие шаги уже затихли. С металлическим грохотом подъехал погрузчик, тяжело опустил поддон и дал задний ход, разразившись предупредительными гудками. Было слишком поздно, и, что бы я ни узнал, от меня все равно уже ничего не зависело.

Когда я проснулся, было темно. Только три узких и тусклых полоски резали темноту надо мной. Еще три, гораздо ярче, зажглись и медленно поползли от меня и вверх, разгораясь и удлиняясь, потом вдруг разом исчезли. Постепенно я вспомнил арест, все случившееся, вспомнил, что я в грузовике. Бегающие полоски были просто светом встречных фар, пробивавшимся сквозь вентиляционную решетку.

Я вспомнил длинные и узкие светильники над Мишиной кроватью. После Бориной гибели он начал бояться темноты, кошмары, иногда писался по ночам. Считалось, что мальчик тяжело переживает гибель отца. Я никогда не спорил, но вообще-то Боря уделял сыну не слишком много времени. Ненормальная атмосфера, окружавшая Мишу, выглядела причиной намного серьезней. Катя впадала вдруг в истерики, не отставала и Софья Олеговна. В тот период они сблизилась как никогда, что не мешало им ругаться в клочья, тоже как никогда, даже и при ребенке. Они вместе выпивали каждый день и напивались через день. Дядя Миша старался пореже бывать дома, зарывшись в работу. Ну, еще в двух сисятстых сестренках-ватерполисток... или синхронисток? В общем, с трудом переносил домашнюю атмосферу, напоминающую роман Достоевского. Предпочитал что-то здоровое и спортивное.

Я тогда приделал светильники и реостатный выключатель, до которого он мог дотянуться, лежа в кровати. Мы каждый вечер договаривались, на каком делении оставим

свет этой ночью, и постепенно убавляли, пока однажды не выключили полностью. В тот момент я считал и, как мне и теперь кажется, довольно искренне, что с Катей у нас уже ничего получиться не может. Жалко просто было мальчишку, ну и дурацкое чувство вины: я ведь вернулся.

В картонной коробке, кроме нарезок, консервов и упаковок, нашлась сносная аптечка. С трудом открыв бутылочку — ножа у меня не было, я проглотил пригоршню обезболивающего и упал обратно.

Когда я очнулся в следующий раз, темнота была не такой уж густой, даже при выключенной лампе. Похоже, опять настал день. Сквозь вентиляционную решетку довольно громко играла музыка, неожиданно, латиноамериканская. Есть хотелось отчаянно, и я принялся за завтрак. Выбирать приходилось по оригинальному принципу: продукт должен быть достаточно мягким, чтобы прожевать без болевого шока, а упаковка поддаваться голым рукам.

Покончив с едой, я зарылся в коробку в поисках духовной пищи. Первым делом мне попался складной перочинный нож, а следом — запечатанный пластиковый цилиндр с планшетом. Планшет, если я правильно понял, был оформлен на мексиканскую компанию. С голландского я с годами научился переключать мгновенно, а с испанским пришлось повозиться.

Отечественные телеканалы и информационные агентства, конечно, не упоминали ни меня, ни Мишу. В их мире не существовало ни нас, ни Сандерса, ни громкого теракта, а только смутное «возмутительное и варварское преступление, бесплодная попытка расшатать ситуацию и вызвать панику». Подробности приводились скупой и размытой, без имен. Основной темой дня был торжественный парад, посвященный десятилетию вступления в НАТО. Второй по значимости новостью шел традиционный «большой прогресс на пути к безвизовому обмену». Серьезные мужчины обещали без тени стыда, словно впервые, принятие «дорожной карты» уже до конца года.

На Западе много говорили и писали о Сандерсе. На бесконечных фотографиях и видеос он удил рыбу, играл в теннис, метал с кафедры внешнеполитические молнии, улыбаясь, вел дочь к алтарю. В общем, с придыханием рассказывали о любящем отце, сыне и муже, преданном патриоте, посвятившем жизнь стране и миру, мечтавшем сделать их лучше. Какие-то олухи с важным видом рассуждали о нашей внутренней ситуации, не понимая в ней ровным образом ничего. Меня упоминали скупой, обычно несколькими словами, но с противоположных позиций. Примерно половина называла меня доказательством глубоких реформ в российском обществе вообще и в судопроизводстве в частности, другая половина, наоборот, указывала на мое освобождение как на признак глубокой коррумпированности.

В эмигрантской прессе и в русскоязычных редакциях индийских и китайских каналов Мишу не упоминали, иногда говорили про дядю Мишу, намного чаще про меня, но героем дня блистал судья Васильев. Я нашел его интервью, данное всего часа два назад «Свободной России».

— Сегодня в нашей телестудии в Мумбаи в прямом эфире необычный гость, судья Адмиралтейского суда города Санкт-Петербурга, Владимир Сулейманович Васильев. Или правильнее сказать бывший судья?

Ведущий сидел на фоне небоскребов делового центра. Неопытному человеку могло показаться, будто это окно, но этим голодранцам аренда в мумбайском сити была, конечно, не по карману. Наверняка они сидели в какой-нибудь грязной конуре на дальней окраине, а

небоскребы пририсовывали. Журналисту было за шестьдесят, но одет он был на семнадцать, по последней молодежной моде, Васильев, напротив, предпочел строгий костюм с однотонным галстуком.

— Добрый вечер. Ну, официально я остаюсь пока действующим судьей.

— Расскажите телезрителям, что привело вас в наш прекрасный город.

— Как, может быть, многим уже известно, несколько дней назад я вел слушание по избранию меры пресечения для Николая Каткова. Он обвиняется в террористическом акте, приведшем к гибели заместителя государственного секретаря США. Я принял решение освободить его из-под стражи, в связи, говоря прямо, со смехотворностью обвинений. После этого мне начали поступать предупреждения и прямые угрозы, стало очевидно, что я в самое ближайшее время сам окажусь за решеткой.

— Такая реакция стала для вас неожиданностью?

— Честно говоря, не совсем.

— Вас предупреждали, какого решения от вас ждут?

— Напрямую, нет. Видите ли... Нынешняя судейская система в России имеет сильный уклон в сторону обвинения. Тем более когда следствие ведет Антитеррористический комитет, тем более в таком громком деле.

— То есть подразумевается как само собой разумеющееся, что суд поддержит любые требования обвинения?

— Да, конечно. Практика такова, что в случае особенно сильных сомнений в позиции обвинения, судья должен сперва обсудить свои колебания с руководством суда, а уже после принимать решение. Необходимо получить разрешение, что ли. Причем речь идет, естественно, о много менее резонансных делах.

— В этот раз вы обсуждали с руководством свою позицию?

— Нет.

— Почему?

— У меня не было сомнений в их реакции.

— С чем же тогда связано ваше мужественное, как мы все понимаем, решение?

— Обвинение было состряпано возмутительно небрежно. К нему невозможно отнестись сколько-нибудь серьезно. Я понял, что просто не хочу и не могу принимать участие в этом фарсе.

— Вы считаете обвинение надуманным?

— Давайте попробуем порассуждать вместе. В чем нас пытаются уверить? Что Катков, крупный руководитель и предприниматель, богатый человек, зарабатывающий, между прочим, обслуживанием оккупационных властей, достиг средних лет и вдруг, в одну секунду, превратился в радикала и террориста. Кажется, любой сколько-нибудь вменяемый человек на его месте, даже приняв подобное решение, начнет поддерживать подполье деньгами и влиянием. Ясно, что, занимая его положение, так принесешь несоизмеримо больше пользы, чем бегая с пулеметом. По версии обвинения, для производства теракта Катков приехал на место преступления через двадцать три минуты после его совершения. Я не оговорился. Именно так. Катков выезжает из дома через пятнадцать минут после совершения теракта, в котором его обвиняют. Безоружный. И еще! Трогательная деталь. В смокинге и бабочке!

— Действительно, — обаятельно, как ему, наверно, казалось, улыбнулся журналист, — довольно кинематографично получается. Агент 007. Как вы, опытный юрист, объясняете столь слабую позицию обвинения?

— Привычкой работать в порочной системе трибуналов, на вымышленном материале. По сути дела, офицеры Комитета освобождены от бремени доказательства вины, им достаточно декларировать обвинения. Это чрезвычайно развращает, как видим, дело дошло до того, что выдвигается обвинение, построенное исключительно на факте присутствия подозреваемого по соседству с местом преступления.

— Давайте все-таки напомним зрителям об участии Каткова в Соппротивлении.

— Это так. Он входил в группу Бориса Берковича и получил тяжелое ранение в бою, в котором погиб Беркович. Но это было полтора десятка лет назад, и давайте все-таки различать, одно дело — молодому человеку попасть под обаяние такой масштабной фигуры как Борис Беркович, и совсем другое — после пятнадцатилетнего перерыва ни с того, ни с сего начать изображать из себя Джона Бонда.

— Катков, как известно, вообще тесно связан с семьей Берковичей.

— Да, он женат на вдове Бориса и является многолетним партнером Михаила Берковича, отца поэта. Кстати, недостроенное здание, из которого вели огонь повстанцы, возводит их компания, именно поэтому Катков там и оказался.

— Многие связывают странное обвинение Комитета с интересом сына президента к активам семьи Берковичей.

— Я не могу утверждать ничего определенного, у меня нет конкретных фактов, но склонен согласиться с такой трактовкой с небольшой поправкой. Имя президентского сына здесь, конечно, совершенно условно. Его вообще сложно заподозрить хоть в каких-нибудь разумных и последовательных действиях. Правильней увидеть тут след Иннокентия Мясникова, стоящего за всей, скажем так, деловой активностью президентского сына.

— Вы знакомы?

— Да, немного.

— Как бы вы описали, что это за человек?

— Неглуп, безжалостен и абсолютно лишен каких-либо принципов. Такой Малюта Скуратов наших дней. Он принес много горя и принесет еще больше. Его не интересует ничего, кроме личного обогащения и власти.

— Некоторые наши зрители напоминают, что именно вы вели в последние годы резонансные процессы против групп Соппротивления, и выражают недоумение столь резкой сменой вашей политической позиции.

— Это кажущаяся перемена. Я, в первую очередь, юрист, и, во вторую очередь, юрист, и, в третью, честно сказать, тоже юрист. У меня есть, разумеется, определенные личные убеждения, но я старался всегда дистанцироваться от них в работе. Люди, которым я выносил обвинительные приговоры, действительно преступали закон. Можно сказать, что других методов у них не было, что они были вынуждены защищать свою страну и свои убеждения доступными средствами. Все это справедливо, но они нарушали закон, и именно этот факт фиксировали приговоры. Не больше и не меньше.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Я бы хотел отдохнуть, в первую очередь. Затем... я еще не до конца уверен. Точно могу сказать только одно: вся моя предыдущая жизнь была связана со служением закону. Мне бы хотелось помочь возрождению нормального суда и нормального следствия в моей стране, хотелось бы бороться с нынешним возмутительным произволом и беззаконием.

Интервью меня не только позабавило. Прежде я считал, что Васильев просто вышел на пенсию, схватил куш и собирается провести оставшиеся годы и десятилетия, потягивая пина-

коладу на пляже. Уперся в карьерный потолок или устал от борьбы за существование, но тут другое. Будь в планах чистое сибаритство, он избегал бы прессы, а не давал по двадцать интервью, едва сойдя с самолета. Судья явно строит большие планы, оставляя пина-коладу про запас. Он всерьез собирается вернуться, и тут стоит задуматься. У таких чутье обычно больше разума. Нынешняя оккупационная система держится слишком давно, эмигрантские проклятья и предсказания скорого краха стали так привычны, что их никто не слышит. А, собственно, почему? Все так неустойчиво, шатко и, если задуматься, может рухнуть в любой момент. Вот и крысы побежали. Вполне возможно, впереди новый приступ несчастий и перемен. Впрочем, лично для меня все складывается неплохо, я ведь смогу вернуться.

Грузовик мягко раскачивался, играла музыка. У водителей был неожиданный вкус, латиноамериканская классика, остромодные арабы новой волны, китайская певица, любимая Катей и Мишей, сменялась русскими песнями, в основном, полными надрывного пафоса. Редкие Борины песни казались жемчугом в этом патриотическом навозе.

Я проснулся от жужжащего звука. Сперва мне почудилось, что выпиливают проход в аквариуме, стоявшем в зале суда. Я хотел шепнуть, что это очень опасно, прокурор или судья могут заметить, да и конвоиры, вполне возможно, не до конца поглощены игрой. На следующем уровне пробуждения мне почудилось, будто машину вернули в складской терминал, и Ушаков откручивает панель, передумав отправлять меня.

— Здрасьте! — сверху, с высоты метра в два, смотрело молодое веселое лицо, на лбу светился фонарик. — Полезли?

Я проверил в карманах деньги и чипы, осмотрелся вокруг, решая, что прихватить с собой, но, кроме обезболивающего и флакона антисептика, ничего не придумал. Выбравшись наверх, я помог прикрутить на место панель, и мы поползли, словно в головоломке, расчищая путь, сдвигая кубики упаковок утеплителя. Наконец показался просвет, сквозь распахнутую створку была видна курящая голова еще одного молодого. Он показал нам большой палец и поманил к себе. Я, вслед за парнем с фонариком, спрыгнул на асфальт, совсем забывшись со сна. Боль ударила в ногу и ребра так, что потемнело в глазах и с трудом удалось не вскрикнуть.

— Русскую прошли, — парень прикурил напарнику и качнул головой в сторону домика с бело-синим флагом, — казахскую вам лучше ногами.

Водители были похожи друг на друга, молодые ладные парни. Невозможно угадать, который из них эстет, а который музыкальный патриот.

Стояло раннее, но уже теплое утро. Всюду, насколько хватало взгляда, лежала плоская как стол степь. Только в одном месте, далеко, едва различимо, дымилась зеленью полоска леса. Под прямым углом к дороге разбегалась струной полоска двойного решетчатого забора с колючей проволокой поверху. Метрах в пятидесяти впереди над пограничным пунктом бился черный с золотом флаг казахского имарата. Все четыре ряда поразительно разбитой дороги между пропускными пунктами были забиты стоящими машинами, по крайним — фурами, в большинстве беспилотными, по средним — легковушками.

— Счастливо, — и решил все-таки спросить, — границу без проблем прошли? Сканер? Водитель ухмыльнулся и раздавил окурочек в пыли:

— Одна морока с этой электроникой — вечно барахлит.

Идти было отчаянно больно, я, как мог, старался не хромать и не кривить тело. Терпеть. Не привлекать внимания. Передо мной шел сухощавый мужчина за пятьдесят, толкавший древний велосипед, и пыхтящая старуха с сумкой на колесиках. Мужчина, почти не

останавливаясь, приложил ладонь к панели, воротца пиликнули, пропуская его. У старухи был, видимо, российский паспорт. Она, недовольно и довольно громко ворча, стащила с плеч ярко-желтый рюкзачок и зарылась в поисках карточки. Молодой казах в форме, сидевший в стеклянной загородке, оторвал глаза от мониторов. Мы встретились взглядами, и я на негнущихся ногах подошел к воротцам, сжал левой рукой в кармане гонконгский чип, а правую, сдерживаясь, чтобы не зажмуриться, не остановить дыхание, приложил к матовой панели. Пиликнуло.

Когда я, проходя воротца, скосился на пограничника, он уже опять уткнулся в мониторы.

— Коля!

Катя бросилась ко мне и повисла на шее, обхватив ногами, словно защищая. Пока она бежала, пока темнело в глазах от боли, пока я вдыхал сложный аромат ухоженного тела, пока она отшатнулась испуганно и сочувственно от моего стога: «Больно?» — я успел удивиться множеству вещей. Оказывается, эти несколько дней, вместившие целую жизнь боли и страха, были всего только несколькими днями. Моя жена все еще оставалась довольно привлекательной, яркой женщиной, она даже что-то значила для меня, сама по себе, без прошлого и Насти.

Мы сели на заднее сидение новенького мерседеса. Даже здесь где-то его раздобыли. Стоявшие в стороне бугаи расселись по двум большим джипам. В машине нас было только двое, Катя запустила автопилот. Я так и не смог привыкнуть к этой штуке, жутковато нестись по разбитой дороге на скорости под двести, еще и с пустым водительским сидением, что бы там ни говорила статистика.

Катя молча прижималась ко мне, глядя по колену, и я физически почувствовал свою немывотность и небритость.

— Попахиваю?

— Попахиваешь? Ну, нет. Разишь, воняешь, смердишь, так бы я это определила.

— Можно в гостиницу какую-нибудь заскочить? Сполоснуться.

— Нет. Нас самолет ждет, через полчаса будем в воздухе. Потерпишь до Гуанчжоу. Вонючий, но живой и свободный.

— Могут отдать?

— Лучше не проверять.

Машина влетела в застройку, по правую сторону понесли ветхие советские многоэтажки. Их уродливые силуэты до сих пор роднят типовыми кварталами города от Улан-Батора до Гаваны. В моем родном городе стояли точно такие же, их звали микрорайонами. Я вырос в четвертом, а дрался с пятым. Только здесь над крышами торчали минареты.

Здание аэропорта оказалось еще одним осколком советской эпохи. Облезшие бетонные конструкции в замысле изображали что-то восточное. Перед шлагбаумом машина остановилась, панель пискнула и Катя нажала зеленую кнопку, подтверждая передачу управления диспетчерской.

Футуристические обводы сверхзвукового бизнес-джета чужеродно смотрелись в этом побитом жизнью месте. Улыбчивый пограничник, стоявший возле трапа, пропустил нас почти мгновенно, что-то потыкав в коммуникаторе на запястье. Если его и удивил мой вид, он никак этого не показал.

Стюардесса, редкой красоты высокая азиатка, тоже вела себя так, словно у них каждый

день летают небритые пассажиры в грязных комбинезонах, с заплывшей синяками физиономией.

Когда самолет перестал подпрыгивать и, задрав нос, пошел вверх, оставляя внизу аккуратные квадратики, я поверил наконец что и в этот раз обманул судьбу, опять ухватил удачу за павлиний хвост.

Я спросил о Насте, Катя как раз хотела, чтобы мы завтра же проехали по школам, она выбрала две и не могла до конца определиться. И у дяди Миши все было в порядке, он даже сказал, что Софья Олеговна может вернуться, но она пока не хочет, нашла какой-то потрясающий курс спа-процедур. И у самой Кати все просто отлично, правда, она жутко переживала из-за меня.

— А Миша? — решил я, наконец, спросить я.

— Миша? В Гуанчжоу. Договорился, идет все-таки в свою бизнес-школу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Автор, в отличие от судьи Васильева, знает правильное имя киногероя.